

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ ЛЕОНИДА ПЛЮЩА

СОСТАВЛЕНИЕ И КОММЕНТАРИИ
ТАТЬЯНЫ ХОДОРОВИЧ

СЕРИЯ «БИБЛИОТЕКА САМИЗДАТА», № 5

1974
АМСТЕРДАМ
ФОНД ИМЕНИ ГЕРЦЕНА

Татяна Ходорович

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ
ЛЕОНИДА
ПЛЮЩА

Леонид Иванович Плющ

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ ЛЕОНИДА ПЛЮЩА

СОСТАВЛЕНИЕ И КОММЕНТАРИИ
ТАТЬЯНЫ ХОДОРОВИЧ

*«Существует правда и существует ложь
и если вы остались верным правде —
пусть даже один на целом свете —
вы не сумасшедший».*

О р у з л л

СЕРИЯ «БИБЛИОТЕКА САМИЗДАТА», № 5

1974
АМСТЕРДАМ
ФОНД ИМЕНИ ГЕРЦЕНА

Copyright 1974

THE ALEXANDER HERZEN FOUNDATION
Amstel 268, Amsterdam, Holland.

СЕРИЯ «БИБЛИОТЕКА САМИЗДАТА»

1. Павел Литвинов — ПРОЦЕСС ЧЕТЫРЕХ. 1971.
634 стр.
 2. Андрей Амальрик — СТАТЬИ И ПИСЬМА. 1971.
100 стр.
 3. Юлий Даниэль — СТИХИ ИЗ НЕВОЛИ. 1971.
94 стр.
 4. Петр Григоренко — МЫСЛИ СУМАСШЕДШЕГО.
1973. 335 стр.
 5. Татьяна Ходорович — ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ ЛЕ-
ОНИДА ПЛЮЩА. 1974.
 6. «ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ», том 1: вы-
пуски 1-15; том 2: выпуски 16-27. 1974.
-

ДРУГИЕ КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ФОНДОМ ПО-РУССКИ

- Андрей Амальрик — ПРОСУЩЕСТВУЕТ ЛИ СОВЕТСКИЙ
СОЮЗ ДО 1984 ГОДА? 1969. 71 стр.
- Андрей Амальрик — ПЬЕСЫ. 1970. 287 стр.
- ПРОГРАММА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ СО-
ВЕТСКОГО СОЮЗА. 1970. 76 стр.
- Рой Медведев — КНИГА О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМО-
КРАТИИ. 1972. 402 стр.
- ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК 1964-1970. 1972. 840 стр.
- Осип Черный — КНИГА СУДЕБ. 1974.
-

История болезни*

Ф. И. О.	Плющ Леонид Иванович
Возраст	33-34 года
Место жительства	Украинская ССР, г. Киев 147, ул. Энтузиастов, д. 33, кв. 36
Профессия	Математик
Национальность	Не имеет отношения к заболеванию
Семейное положение	Женат, имеет двух сыновей: Дима — 14 лет, Лесик — 8 лет; к моменту ареста отца соответ- ственно — 12 лет и 6 лет.
DS направившего учреждения	«Агитация или пропаганда, прово- димая в целях подрыва или ослаб- ления Советской власти . . . , распро- странение в тех же целях клевет- нических измышлений, порочащих советский государственный строй, а равно распространение либо из- готовление или хранение в тех же целях литературы такого же содер- жания». Ведет себя «странно» — отказы- вается давать показания.
DS клинический	Шизофрения. (Подробней см. ч. II-я «Диагностика и лечение», стр. 87)
Жалобы при поступлении	Насилие над личностью: помещение в психиатрическую тюрьму за убеждения.

*) Данная, установленная законом форма «Истории болезни» за-
полнялась мною — Т. С. Ходорович.

Дополнительные биографические данные

Считает себя психически здоровым. Ни одно лечебное учреждение никогда и никаких психических заболеваний не фиксировало. На учете у психиатра никогда не состоял. В детстве перенес костный туберкулез, в результате остался инвалидом на всю жизнь.

Родился в 1939 году в Нарыне Тянь-Шаньской области, в семье служащего. Отец во время войны в 1941 г. пропал без вести. Мать работает уборщицей. В 1956 г. Л. Плющ закончил среднюю школу с серебряной медалью, несмотря на то, что четыре года был прикован к постели: костный туберкулез.

В 1962 г. закончил механико-математический факультет Киевского университета. В сентябре того же года стал работать инженером-математиком в Институте кибернетики АН УССР. Занимаясь моделированием биологических систем, опубликовал статьи: «Математическое моделирование системы управления уровнем сахара на аналоговой вычислительной машине» (Семинар «Математические модели в биологии», 1965 г.), «К оценке организации нейронных структур» (Научно-техническая конференция, посвященная дню радио, 1966 г.), «Функция близости и критерий самоорганизации» (Сборник «Бионика. Моделирование биосистем», 1967 г.).

В 1968 г. Л. Плющ написал письмо в газету «Комсомольская правда» в ответ на помещенную там статью о процессе над А. Гинзбургом и Ю. Галансковым. Анализируя текст статьи, Л. Плющ показал несостоятельность обвинения, а сам процесс комментировал как проявление методов судебной расправы 1937 года.

В июле 1968 г. Л. И. Плющ был уволен из Института кибернетики, вопреки Кодексу законов о труде УССР.

Незадолго до увольнения Л. И. Плющу была выдана следующая официальная характеристика:

ХАРАКТЕРИСТИКА

Плющ Леонид Иванович работает в отделе 42 ИК АН УССР с 1962 года на должности инженера. За это время он проявил себя вдумчивым, исполнительным работником, относящимся к делу творчески, добросовестно. В последнее время Плющ принимал активное участие в разработке инженерно-психологической тематики.

Следует отметить также большую общественную работу, которую проводил Л. И. Плющ в отделе как комсомольский организатор, член КСМ отдела, руководитель философского семинара, посвященного актуальным вопросам марксистско-ленинской этики и эстетики.

Завотделом

(Антамонов Ю. Г.)

Попытки найти новую работу были безуспешны: после изучения анкетных данных — отказ.

Наконец, в мае 1969 г. устроился на временную работу рабочим — брошюровщиком, но после подписания в составе Инициативной группы письма в ООН был тут же уволен.

К 15 января 1972 г. Л. Плющу был поставлен предварительный диагноз: «Антисоветская агитация и пропаганда», и он был арестован.

Часть I

ПИСЬМА ЛЕОНИДА ПЛЮЩА ИЗ ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ТЮРЬМЫ

«Понимание атома — это детская игра по сравнению с пониманием детской игры».

(Х. Хогленд)

«Занимательную математику, безусловно, следует считать чистой математикой без малейшей примеси утилитарности. С другой стороны, она, несомненно, относится к прикладной математике, ибо отвечает извечной детской потребности в игре».

«В большинстве математических игр, начиная с игры в крестики и нолики и кончая шахматами, от играющего требуется умение мыслить индуктивно...

... игра в элзусис во многом напоминает исследование законов природы и позволяет тем, кто в неё играет, развивать индукцию, способность угадывать скрытые закономерности, т. е. именно те качества, которыми и объясняются «внезапные озарения» и «наития», переживаемые творчески мыслящими личностями».

«Играм присущи некоторые черты произведений искусства. С их простыми и четкими правилами, они предстают перед нами как островки нередко в хаосе и неразберихе эмпирического опыта. Когда мы играем в их сами или только наблюдаем, как в них играют другие, мы переходим из непостижимой вселенной данной реальности в маленький, строго упорядоченный мир, созданный человеком, где всё ясно, целесообразно и легко доступно пониманию».

«Подобно живым организмам, игры развиваются, размножаются, в процессе их развития появляются новые виды».

«Многие великие умы (Эйлер, Лейбниц, Гильберт, А. Тьюринг — основоположник современной теории вычислительных машин, Эйнштейн) питали глубокое уважение к математической игре, ибо творческое мышление, находящее для себя награду в столь тривиальных задачах, сродни тому типу мышления, который приводит к математическому и вообще научному открытию» . . .

(Мартин Гарднер)

«Человек играет только тогда, когда он в полном значении человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет. Это положение покажется парадоксальным, но на нём будет построено, я вам это обещаю, всё здание эстетического искусства и ещё более трудного искусства — жить».

(Шиллер)

Коротко о письмах

Итак, лишь через полтора года после ареста Л. Плющу разрешили писать и от него стали приходиться письма.

Получила письмо и я. Это письмо, свидетельствующее об оригинальности, незаурядности мышления его автора, натолкнуло меня на мысль постараться собрать все письма Л. Плюща, написанные им из Днепропетровской психиатрической больницы, и опубликовать их.

Для выполнения этого замысла я обратилась с просьбой к его жене и друзьям дать мне возможность ознакомиться и с теми письмами, которые получили они.

Вот эти-то письма, мне кажется, могут убедить любого непредубежденного человека (даже не специалиста) не только в душевном здоровье Леонида Ивановича, но и в его по-прежнему высокой мыслительной активности.

Среди публикуемых писем только письмо № 1 написано сразу после ареста, т. е. в январе 1972 г., остальные — в августе-сентябре 1973 г. В них — трогательная забота о жене, детях, о друзьях, проявление интереса ко всему, чем и как мы живем. Большое место в письмах он отводит стремлению продолжить прерванную работу по философии и психологии игры. В связи с этим он интересуется новинками литературы по структурному анализу (его методами он пользуется при разработке морфологии игры), мифологии (для подтверждения гипотез о происхождении и истории игр), по математической теории игры (для проверки собственных гипотез при создании экспериментальных игр). В них — описание новых игр, а также новых сказок для своих сыновей*, придуманных Л. Плющом в стенах психиатрической тюрьмы.

*) К письмам Л. Плюща приобщены и 3 письма его восьмилетнего сына (см. № 18), которые, очевидно, тоже не безынтересны, так как являются свидетельством живой реакции на письма отца.

Многосторонность Леонида Ивановича не хаотична, не случайна, не сводится к замкнутой в себе накопительской энциклопедичности, а носит целенаправленный характер, характер продуманного и четкого отбора: интерес Леонида Ивановича сосредоточен на теории игр, которая прочно вошла в обиход и практику современного научного мышления. Если естественный и необходимый при современном уровне науки профессионально-мыслительный процесс становится доказательством душевного недуга, это поистине страшно.

Чтение писем Л. Плюща зародило во мне и страшное подозрение: не началось ли посягательство «на сокровенный внутренний мир человека», иначе как же объяснить тот факт, что Л. Плющ находится в заточении среди безумных?

Ласточка моя милая, Таньчик!

Вчера получил от тебя передачу и почти как встретился с тобой. Даже подписи твоей обрадовался.

Напрасно только ты потратилась чересчур. Апельсины ни к чему, диссонансом каким-то выглядит, а лук я не ем вообще, видимо не буду отказываться от большинства своих привычек — разве что от курева, и то попозже. То же с нижним бельем. Не стоит также скоропортящееся — ведь передачи не часты. Ну, да ладно об этой муре.

Чувствую себя нормально, как физически, так и духовно. И если бы не мысли о вас, то с моим пятилетним стажем санатория, всё это не было бы столь уж выбивающим меня из привычной колеи*. Еды для меня достаточно. Есть книги. Взял Шевченко «Повести», Квитку-Основьяненко, Дубова «Мальчик у моря», двухтомник Д. Конрада, и Кочетова «Журбины». Упиваюсь Шевченком, хотя повести его, конечно, не идут ни в какое сравнение. Просто приятно от его внутреннего благородства и аристократизма духа, о котором писала Репнина. Читаешь и видишь мир его печальными и страстными глазами. В повестях он мягче и сентиментальнее. Возможно, попозже займусь «Кобзарем», исследовать отдельные стороны психопэтики (термин выдумал сам, вряд ли смогу тебе объяснить — что-то типа: что и как бьет по сердцу в «Кобзаре»).

Все эти дни сидел над игрой. Пока не систематично, а кусками, темками. Кое-что удачно, кое-что нет. Тянет больше к психологии игры, чем к морфологии: игровые центры, опредмечивание и распредмечивание (не философски, а психологически — опредмечивание правил, свойств и т. д.), эталоны, система эталонов и т. д. К концу обещали тебе передать.

*) Леонид Иванович в детстве перенес костный туберкулез.

Рассчитываю рассмотреть (насколько позволят чисто абстрактные размышления об игре — хотя шахматы можно будет взять): а) функции в игре; б) Элементы игры; в) Структуры игры (сюжетная, материальная, процессуальная; ход); г) Преобразования игры (хотя бы некоторые); д) Синтез игры, конструирование (некоторые принципы); е) Адекватность дидактической цели и строения игры; соответствия сюжета и различных сторон игры. Если будет подходящее состояние, то попытаюсь сконструировать несколько экспериментальных игр (удобных для эксперимента) и так, для игры. Особенно хотелось бы поработать над нардами. Они таят в себе столько возможностей. Если можно, передай кубики (хотя их можно будет заменить каким-нибудь случайным механизмом, например, страницами книг — громоздко только).

Если хочешь, в следующих письмах могу выписывать основные тезисы из того, что успею сделать.

Как у тебя дела на работе? Как твои лекции и практические занятия? Понимают?

Я очень доволен, что успел прочесть Выготского о дошкольном воспитании. Если можешь, пришли мне цитаты из этой статьи, всё что ты считаешь нужным + его курсив. Я по памяти записал сейчас всё, что запомнил, а ведь это не точные его определения. А у него они очень емкие. Если будет время, то то же проделай со всей книгой — курсив или основные формулы (не полемические, а позитивные главным образом). То же со структуралистскими статьями, если будут попадаться толковые. То же с Элькониным. Но это всё, когда ты сама будешь иметь время и настроение их читать. Да! Эльконина только младенчество и предшкольный период (без физиологии), а в дошкольном — что захочешь.

Маме, очевидно, сообщить нужно. Но только пусть она и Ада* не срываются и не едут сюда. Насчет свидания со мной (если приедет) ты сама посмотри — не хотелось бы её совсем расстраивать.

*) Ада — родная сестра Л. И.

Пиши побольше о Диме. Только правду (и о себе и о Лесике), обо всем — если нет, то я буду строить всякие предположения.

Дима! Сина ты моя уже почти взрослая! Ты уж мне тоже чего-нибудь пиши, хотя бы несколько строк (только не формальных). Насчет помощи маме, учебы я не буду писать. Ты сам, видимо, возьмешься за это. Описывая мне интересные приключения или книги (музеи, путешествия — ты знаешь, как мне это всё нравится).

А теперь и Лесик! Жаль, что я не успел с тобой проститься — ты спал и что-то симпатичное видел во сне. Ну, что тебе описывать? Хочешь, я в каждом письме буду посылать тебе по «Вечерней сказке», чтобы Дима и мама читали тебе. Это будет «Папина сказка», состоящая из «Вечерних сказок». А если не придумаю сказку, то постараюсь загадки, задачки. А уж если и этого не придумаю, то постараюсь придумывать игры — для Димы и тебя (если Дима захочет). Но только какие и о чём (сказки-загадки и игры)? Заказывайте.

Жаль, что вот для Димы не удастся рассказ написать — не получится. Если бы ты увлекался математикой, то мог бы попытаться придумать что-то вроде сказочных или шуточных задач, как в «Волшебном двурого» Боброва.

Танчик! Если будет какая-нибудь неясность с «Кошками-мышками», «Невидимкой», «Динамо» и «Тринардами»* — напиши, я постараюсь лучше написать правила.

Милая моя, солнышко моё (пропуск, зачеркнутый цензурой — Т. Х.).

Привет всем родным и друзьям.

Твой Робинзон, Шива и всё такое прочее.

20. 1. 72 г.

*) Названия игр, созданных Леонидом Ивановичем.

Здравствуйте, Татьяна Сергеевна!*

Очень обрадовался Вашему письму. Однако должен честно Вам признаться, что писать писем не люблю и не умею, из-за своеобразного эпистолярного комплекса. В письмах я обычно суж и неловок. Так что в смысле неловкости, о которой Вы пишете, мы квиты. Очень порадовали меня Ваши слова о Леське. Если Вы не хотели меня огорчить, и поэтому не писали впечатление о Диме, то напрасно. Меня он сейчас больше интересует, т. к. у него решающий возраст. Таня Вам, видимо, говорила, что почти все споры мои с ней вертелись вокруг «честности с собой» (термин Винниченко из одноименного романа). Мне кажется, что и социальная и индивидуальная психологическая проблема сводится ныне к проблеме сознательного управления человека собою (и обществом, т. е. собою родовым). А для этого нужно научиться смотреть на себя (индивидуум и род) открытыми глазами. С этих позиций я критикую Толстого и всякую религиозно-этическую позицию. И Толстой, и даже Ницше не выдерживают правды о себе, о ближних и дальних, и сочиняют миф, помогающий спрятаться от реальности. В личностном плане это привело к тому, что они сами стали игрушкой в руках собственного подсознания. У Ницше это ярко выразилось в характере его болезни, вскрывшей то, что за его антихристианством, богоборчеством скрывалось богоискательство, поиск Христа. Мне кажется, что нужно сознавать подсознательные свои мотивы, желания, чтобы быть хозяином самого себя. По этой же причине нужно ясно видеть ситуацию, в которую «заброшена» личность. Иначе она станет игрушкой окружающих условий. Ошибка Фрейда (одна из его ошибок) — в игнорировании роли условий. Фромм и др. неофрейдисты пытаются внести социаль-

*) Т. С. Ходорович.

ный корректив в психоанализ, но с их работами я знаком лишь по наслышке.

Будем считать предыдущие строки перчаткой, брошенной Вам с Таней, как поклонникам Толстого. Я, к сожалению, Вас совсем не представляю, и поэтому, возможно, напрасно затеваю дискуссию (может быть, Вы — противница споров, как непродуктивной формы диалога?). Возможности спора у нас очень ограниченные, и это тоже делает его нецелесообразным. Хочу уточнить свою позицию относительно Толстого. Я в восторге от его критики всех сторон цивилизации. К этой критике одна лишь претензия — упрощение позиций противника (Таня, может быть, говорила Вам о моём аргументе по поводу толстовской критики о троице, аргументе «от здравого смысла» — как будто нет диалектической логики, нет высшей математики, в которой для бесконечных величин 1 может равняться трём. Точно так же он упрощает позицию материалистов). Достоевский в этом отношении глубже (за исключением «Бесов», где образ Нечаева упрощён и уплощён), а потому честнее с собой.

В позитивной части нравятся лишь частности: «заражение» в искусстве, теория «соблазнов», кое-что из педагогики, этики. Нравится не система, а часть элементов её.

Я был бы очень рад, если бы Вы познакомили меня с новинками структурного анализа. Я, к сожалению, прочёл по анализу мало. Поэтому, напр., анализ игры (интеллектуальной) я провел несколько доморощенно, даже терминологически нечётко. Структурный анализ интересует меня главным образом с позиций интерпретации структур. Напр., историческая пропповская интерпретация волшебной сказки меня больше интересует, чем структура сказки. Ещё больше интересует психологическая интерпретация структуры сказки, дополняющая пропповскую. Без такой интерпретации современная педагогика сказки, видимо, не сможет сказать что-либо существенное.

В предыдущие полтора года я занимался структурой и психологией острот (и вообще комического), анализом «Кобзаря» и, главным образом, психологией игры интеллектуальной, моторной и др.). По игре, особенно по анализу эмоционального баланса в игре, продвинулся более-менее существенно.

С Шевченком не получил никаких достаточно интересных результатов. Думаю потому, что не с той стороны подхожу.

Анализ юмора только начал. Хорошая классификация есть у Лукса, в его книге об эмоциях. Мои наброски несколько отличаются от его результатов. Но и здесь меня больше интересует психологическая интерпретация структуры, а не сама структура. Вскрыв структуру, можно сделать следующий шаг после Фрейда в анализе остроумия.

Хотел с этих же позиций проанализировать народные загадки и поговорки. Загадки заинтересовали, главным образом, потому, что мне кажется, что цель их не в отгадывании (ведь дети не отгадывают и не могут отгадать народные загадки. Загадки, составленные педагогами, отличаются по своей педагогической функции, т. к. они отгадываются детьми. Это нужно было бы проверить экспериментально). Функция загадок фольклорных — та же что и у поговорок — образная, эстетическая (я игнорирую здесь их отличие, их специфику). У Некрасова, кажется, в «Мороз-красный нос», загадки очень широко использованы как постоянные образы.

Очень жаль, что лингвистика меня совершенно не интересует. Однако для овладения структуралистской методой я пытаюсь читать статьи по структурному языкознанию.

(Кстати, воспользуюсь тем, что Вы лингвист: насколько связаны между собой «юмор» и «мор», «амур» и «мор» — смерть. Связь в русском и других языках. Неужели связь только через «уморить»? Если связь глубже, то я думаю связать это с анализом «комического»).

Забавно, что Щедрина мы читали почти в одно и то же время (это пометка к Вашему упоминанию о Щедрине).

Ну, вот я приблизительно сообщил Вам, что меня интересовало в последнее время. Таня пишет, что Вы занимались вопросом об этике научной деятельности. Это меня тоже интересует — под влиянием Толстого, которым я увлекался лет 10 тому назад.

Настроение у меня сейчас нетворческое и неэпистолярное — не могу пока отключиться от окружающей среды. Это усиливает сухость письма, но Вы, думаю, сделаете соответствующие скидки.

Передавайте привет всем друзьям, в частности Нине Некипеловой, Грише-Маше и всем, всем.

Пишите, если будет настроение. Отвечать тоже буду в зависимости от настроения — чтоб не было скуки.

Ваш Лёня!

Здравствуй, любимая!
Здравствуйте, Дима и Лесик!

Очень жаль, что не было свидания. Фотографии слишком слабое утешение, хотя, конечно, я рад, что, наконец, я их имею.

Судя по фотографии, гимнастикой ты так и не занялась. Напрасно.

О себе мне писать пока по сути нечего. Состояние хорошее. С книгами дело плохо и потому я возлагаю на тебя большие надежды. Много книг нельзя будет получить и нужно будет тщательно продумывать, что покупать для меня. Из всех переданных тобою ценна для меня книга о структурализме. Сказка Янсон симпатична, но не говоря уж о плохом переводе, она не является необходимостью. То же с Лифшицем и Гарднером (я не прочел их, правда, и, возможно, перемену своё мнение).

Нужны мне книги по структурализму, психологии эмоций, дошкольной психологии, серьёзные работы по играм (всех типов — от манипулятивных до интеллектуальных), работы по психологии мифологического мышления, сказок и т. д.

В первую очередь мне нужны сейчас работы Выготского (все), «Детская психология» Элькониной, фотокопия или твоё изложение статьи Леонтьева об игре (46 г.?), книга Маркова, статья Гурвича (о времени) в «Вопросах философии». Особенно важны работы по психологии эмоций. Имеет смысл списаться с Луком и попросить его книгу об эмоциях и список книг и статей по этой теме. Я неожиданно получил некоторое подтверждение «информационной теории» эмоций П. Соломонова, поэтому хотел бы перечитать его работы. Линькова упомянула какую-то монографию Давыдова об эмоциях.

«Строение интеллектуальной игры» я вчера написал

и потому перенес интерес на эмоциональный баланс игры. Может хорошо получится статья для «Знание-сила» о нардах и гуське. Вот для неё-то и нужен Гурвич. Во вторую очередь нужен Пропп, Бахтин, Лосев, Батищев (пожалуй, он в первую очередь, особенно статья о деятельности сущности человека — забери её у Аркадия). Имело бы смысл списаться с Батищевым, чтобы он сам подсказал, какие из его работ имеют отношение к педагогике (ознакомив вкратце с нашими результатами).

Теперь о подписке. В первую очередь, меня интересуют «Вопросы философии», «Вопросы литературы», «Вопросы психологии» (если они не ухудшились за последнее время). Во вторую очередь — «Литгазету» и «Науку и жизнь».

Теперь о передачах. Нужны сахар, масло. Табак покупай подешевле и побольше. Вообще, на передачи не траться. В следующий приезд на всякий случай захвати больничную пижаму. Купи также зубную щетку и порошок.

На этом кончаю. Настроение неписьменное. Продолжать работу по игре о комическом вряд ли удастся. Но думать об этих проблемах я буду и поэтому книги мне нужны.

Маме пока не пишу — напиши ты ей. Получила ли мои письма о приручении и сказке?

Жду свидания.

Здравствуй, моё солнышко!

Продолжаю ответ на твои 4 письма.

У меня всё продолжается период адаптации. Если попытаться дать краткую формулу избранной мною установки, то ею будет идея нецек-обезьян (помнишь, из слоновой кости?): «не слышу, не вижу, молчу». Как это ни парадоксально, но оптимальной формой психической самозащиты здесь мне кажется своеобразный «сознательный аутизм». С моей экстравертностью, установкой, направленной во вне себя, это будет сложно. Книжки, письма от тебя и размышления об игре и смежных с нею вопросах должны стать опорой.

Вот и всё, что могу сказать о себе.

Письма твои хорошие, правильные. Отвечать буду по порядку, с первого письма.

Ада, ты и Татьяна Сергеевна в один голос хвалите Леську. Пиши мне об обоих как можно подробнее. Я составил было для них список книг, которые, по-моему, им стоило бы прочесть. Придется восстанавливать. Для Леськи составил также список «заданий» на лето: наблюдения и «опыты» с природным материалом. Это сделает его интерес к природе более содержательным. В письмах из Киева я пытался развить свою точку зрения на целенаправленное воздействие на развитие детей*. Прекрасной моделью является развитие рисования от «каракуль». Ребенок на первой стадии рисует бессмысленные каракули. Но достаточно взрослому подсказать, что «каракули» имеют смысл, как в процессе рисования каракуль повышается уровень смысла, а след за ним меняется, повышается и уровень навыков рисования чисто технических. Наиболее эффективно развитие любой черты, свойства характеристики именно этим

*) Письма получены не были.

путем — повышением уровня смысла, обогащением, насыщением новым смыслом.

Если у Леськи будет сознательная установка в наблюдениях за природой, то, очевидно, это разовьет наблюдательность, интерес, естественно-научную логику более эффективно, чем спонтанные наблюдения.

Если писем ты так и не получишь, я попытаюсь написать о «каракулях» (в обобщенном смысле) развернуто. Это существенное дополнение к генерализации эмоций и в какой-то степени расшифровывает понятие сублимации. Кстати, достань статью Стендаля о любви (т. 4 «Собрания сочинений»). Там он вводит понятие кристаллизации чувств. Нет ли каких научных разработок этого понятия?

Меня очень обрадовали твои слова о размышлениях Димы, о его сочинениях по литературе и биологии (об эволюции). Пиши о нём ещё подробнее, чем о Леське, т. к. я совершенно не представляю его интересы сейчас. Я хотел бы наладить с ним переписку так, чтобы ему было интересно. Вряд ли имеет смысл, чтобы писал Леська. Ему будет не интересно писать. Если я ошибаюсь, то был бы очень рад.

Что ты ему читаешь? Ты пишешь, что его настольная книга — «Жизнь животных». Вряд ли он её читает. А Бианки и Пришвина кое-что он может читать.

О Димином чтении я уже писал из Киева. Основное, по-моему, романтические вещи: романтика борьбы, научного поиска, путешествий, дружбы, любви и т. д. Ты знаешь, что меня беспокоит с ним — пиши подробнее.

Ты пишешь, что с 30-го августа выходишь на работу. Видимо, путаница — июля?

О передачах и книгах я уже писал. Вряд ли имеет смысл присылать все полученные ранее тобой «Вопросы литературы», «философии» и «Всесвіт». Выбери, что интересно в особенности. Помимо интеллектуальных игр (изложения) пришли более-менее развернутые описания подвижных игр и толковый анализ их, в частности,

классификацию. Тоже хорошо было бы о конструктивно-строительных играх и предметно-манипулятивных.

Ты пишешь, что изменений в окружающей жизни мало. И тут же масса новостей. Очень рад за Сашу и Тамару. Мне кажется они будут счастливы. Поздравляю их с сыном. И таким уже большим. Обнимаю всё их обширное семейство. Кстати, у тебя недоразумение — во втором письме ты пишешь о «детिशках», а не о ребенке. Я из этой обмолвки сделал вывод, что или ты была у них с Леськой, или приводили ещё какого-нибудь ребенка. Интересно, я угадал? (как видишь, Фрейда я не забросил, хотя и отношусь к нему сдержанно).

Очень рад, хотя и несколько удивлен, твоему сближению с Майей. Я тоже часто вспоминаю её и спорю. Я надеюсь — передай это помимо приветов — что она поможет моей полемике *contra* Толстой.

Кто «сник и исчез»?

Как Лариса? Мне очень неприятно, что наш последний разговор не был окончен и она неправильно поняла меня. Если она всё ещё в Киеве, то объясни, что я упрекал её как раз потому, что в отличие от моего отношения к Борису, отношение к ней было личностным и уважительным. На Хлестакова мне было наплевать. Ну, да ты ведь помнишь, почему я рассердился на неё. Если уважаешь человека, то и строже к нему относишься — это же так ясно до банальности.

Поздравь Ир с дочерьми. Как Сережина Ира относится к своей новой роли? Я не буду протестовать, если она опишет это сама (хотя бы вписав в твоё письмо).

Ты ни слова не написала о Зампире. А меня всё время мучило, что я не успел ей ответить. Из Киева я писал, но письмо не пропустили, хотя я и объяснял особую нужность этого письма. Боюсь, что она рассердилась на меня. Как у неё сейчас настроение?

О Кларе я спрашивал. История со Славой* совершенная для меня неожиданность. Всяческие ему приветы.

*) Семен Глузман, психиатр, осужденный по ст. 62 УССР на 10 лет лагерей и ссылки в октябре 1972 г.

«Полон творческих планов» . . . Каких? Ты же знаешь моё отношение к его литературным попыткам. Я думаю, что если у него получится что-то, то лишь в случае перехода на реалистические позиции, «Модернистские» элементы лишь портят, по-моему, его рассказы. Расспроси Виктора Платоновича** и Галину Викторовну*** об их мнении. Был бы рад получить от них письмо, но говорить об этом не нужно.

Пиши подробнее о письмах Шарапова. Мы с ним были вместе только шесть-восемь дней, но сблизилась необычайно. Я до сих пор удивляюсь. Как у него дела? Нельзя ли ему как-либо помочь? Он искренне желает «завязать» и жаль будет, если лагерь его опять засосет. Он — одно из самых приятных воспоминаний этих полутора лет. Пишет ли второй Виктор, москвич? Узнай о нём от Г. Душевной близости с ним такой не было, но судьба его меня очень интересует. Он должен был выйти ещё в том году. Если он пишет, то узнай от него, как дела у третьего общего нашего соседа, Феликса Лифшица.

Очень хотел бы переписываться с Н. В. и Е. Л. Но, видимо, им не до переписки. Передавай им самый горячий привет и моё горячее желание увидаться.

Перехожу к 4-му письму. Ты пишешь о Герцене, о впечатлении, произведенном его перепиской с Natalie. Удивительно, как совпало это с впечатлением, произведенным на меня соответствующими главами «Былого и дум». У меня их переписка тоже нашла очень сильный отклик, как нечто знакомое и близкое (эмоционально). Неясно, о чем «отдельные заметки, написанные уже за границей». Если это противная патологическая история с Гервегом, то на меня она тоже подействовала угнетающе . . .

Присылать Герцена не надо — всё по тем же причинам разделения на абсолютно необходимое и интересное.

Вернусь к тебе. Судя по всему — всё это надолго. (Я

***) Виктор Платонович Некрасов — писатель, автор книги «В окопах Сталинграда» и др.

***) Галина Викторовна — жена В. П. Некрасова.

хочу продолжить разговор, начатый в последний вечер). А раз так, то тебе нужно построить свою жизнь в какой-то мере независимо от меня. Было бы величайшей ошибкой нашей, если ты сведешь свою жизнь к переписке, передачам, мыслям обо мне. Не к чему реальную жизнь сводить к иллюзорной или полуиллюзорной. Я, в частности, попытаюсь также вырваться, расширить свою жизнь эмоциональную за пределы переписки с тобой.

Моё отношение к аскетизму ты знаешь. Укорачивать как-либо свою жизнь — грех более тяжелый, чем большинство иных (разве что укорачивание чужой жизни хуже). Я не хотел бы, чтобы память обо мне краля у тебя жизнь в каком-либо виде. Я тебя люблю, моя сказка, больше всего на свете, больше творчества, и не хотел бы стать твоей внутренней цепью.

В дальнейшем я не буду возвращаться к этой теме, и потому ты не отвечай на эти слова. Если ты серьезно подумаешь над этим, то согласишься со мной, что стать внутренней цепью для близкого человека хуже, чем что бы то ни было. По этой же причине я не хотел бы, чтобы в глазах детей ты делала меня таким добродетельным Сидом, образцом для ссылок. И потому же я не хотел бы, чтобы кто-либо писал мне «по долгу», или что-либо мне неприятное ты скрывала. Я предпочитаю смотреть правде в глаза и решать свои задачи сознательно. Всё та же винниченковская «чесність з собою».

Буду кончать. Передавай всем приветы. Бываешь ли ты у Леониды Павловны (?) — передавай особый привет Ивану Алексеевичу и Надийке. Жаль, что мы так и не занялись с ним структурным анализом.

До свиданья, родная. Маме я не пишу. Жду её письма.

Попытаюсь по памяти восстановить правила трансформационной игры, которую я придумал ко дню рождения Димы. К сожалению, я не испытал её в игре с кем-нибудь. Аппробацию всех 4-х вариантов проведи ты сама.

Вариант 1-й. Поле — шахматное (8×8). У противников примерно по 60 фигур (присвоенных им цветом либо другим каким признаком). Фигура — кубик, грани которого обозначены цифрами (от 1 до 6) либо другими какими-нибудь знаками. Противники по очереди ставят на поле по одной фигуре цифрой 1 вверх. Если помещенная на поле фигура образует с другими своими фигурами «квадрат», то происходит трансформация фигур. Примеры квадратов:

e				1		
д						
г		3		2		1
в	2		2			
б	1	1		1		
а	1	1				
	1	2	3	4	5	6

1. a1, a2, б1, б2
2. б2, в1, в3, г2
3. б2, б4, г2, г4
4. б4, г2, г6, e4

Трансформация производится таким образом.

В первом квадрате снимаются все фигуры, а одна из них переворачивается гранью с цифрой 2. Во втором фигура б2 переворачивается на грань «2», а затем все фигуры с цифрой 2 снимаются, а на место одной из них ставится фигура гранью с цифрой 3 (здесь две трансформации: б2 трансф. с «1» в «2», а затем «2» транс-

формируется в «3». Но т. к. г2 уже со значением «3», то она не снимается. Две трансформации потому, что после первой трансформации остается квадрат в этих же местах).

В третьем квадрате снимается одна из двух фигур: б2, б4, вторая заменяется фигурой со значением «2» (т. е. переворачивается соответствующая фигура).

В четвертом снимаются три фигуры, заменяясь одной фигурой со значением «2». Если пусто было место «б2», а все остальные как на рисунке, то трансформируются три квадрата, которые закрываются помещением фигуры «1» на место «б2». Конечный результат зависит от порядка трансформации.

Ход, 1-ый вариант. Вначале в квадрате 2-м на месте «б2» заменим «1» на «2», затем в квадрате 1-м снимем все фигуры со значением «1» (их будет три штуки) и заменим, например, на месте а1 фигурой со значением «2», затем в квадрате 3-м на месте б4 заменим значением «2», а после снимем все фигуры со значением «2», заменив на месте б2 фигурой «3» (для краткости буду говорить — «тройкой»). Остался квадрат 3. В нём две «тройки» и две «двойки». Сняв двойки, поместим на в1 «тройку». В итоге на поле после хода такая картина:

е				1		
д						
г		3				1
в	3					
б		3				
а	2					
	1	2	3	4	5	6

2-й вариант хода: Помещаем на б2 «единицу». Снимаем в первом квадрате все фигуры и заменяем их на месте а1 «двойкой». Ход окончен:

	3		2		1
2		2			
			1		
1					

В первом варианте трансформировать обязательно. Если не трансформировал (не заметил или не хотел), то противник может снять любую фигуру с минимальным значением (например, в квадрате 4-м он может снять любую фигуру со значением «1», но должен поместить на её место свою фигуру. Во всех остальных вариантах этого нет.

Во втором варианте, если вовремя не трансформировал квадрат, то в дальнейшем его трансформировать нельзя.

Фигура «2» оценивается в очко, фигура «3» — 5 очков, «4» — 25, «5» — 125, «6» — 625 очков. Целью игры является получение максимального числа очков. В четвертом варианте — получение максимальной фигуры (четверки, пятерки, шестерки).

Игра закончена, если все места заняты. В четвертом варианте — получение шестерки («5», «4»), либо невозможность дальнейшего хода.

В третьем и четвертом вариантах в ходе можно кроме

вновь полученного квадрата трансформировать и другие (всего не более трех квадратов трансформируется за ход). К сожалению, я не помню правил, а восстановить, проиграв партию сам с собой, нет возможности.

Игра получилась как-будто очень интересная. Вместо нумерации иерархии фигур может быть сюжетная иерархия (мышка-заяц-лиса-волк-тигр-лев). Учитывая, что игра сложная, для старших школьников (может и средних), сюжет должен быть соответствующим. В общем, художественное оформление подбери сама (не только оформление фигур, но и название игр, фигур, ходов, квадратов и т. д.).

Когда опробуешь игру, напиши свои соображения. Её можно будет сделать очень интересной.

Игру для Леськи — дидактическую для усвоения умножения, пришлю в следующий раз.

Я забыл, возможно, что-то из правил — потом до-полню. Разобралась ли ты с этими правилами?

Я бы очень хотел, чтобы ты могла подработать на моих играх.

Трансформационная игра для меня особенно важна. Ведь это предсказанный теорией вид игр. Я долго её «искал» и она пока единственный представитель целого вида (собственно, трансформационной является четвер-тый вариант).

Ты пишешь, что купила двухтомник Гегеля. Что в нём помещено? Если «Феноменология духа», то при-шлешь во вторую очередь.

Я просмотрел № 5, 8 и 12 «Науки и жизнь». Пере-писал «Алькверк» и «Чисоло»*. Ничего оригинального (для теории). В номере 8 интересная статья об удо-вольствиях. Пришли.

*) Названия игр.

Здравствуй, любимая!

На днях узнал, что ты всё ещё не получила ни одного моего письма. И только потому, что выхожу за рамки «бытовых» тем.

Мне трудно подладиться под тон идиота — жив, здоров, ем хорошо, сплю тоже, чего и вам «желаю», но попытаюсь пределать это в этом письме.

Самочувствие моё — физическое, во всяком случае, нормальное. Жду не дождусь твоего приезда. Получил от мамы посылку. Согласуй с ней приезды, передачи и посылки. Не нужно присылать скоропортящегося. Лучше было бы, чтобы присылала ты, но мама не согласится. Я хотел бы, чтобы вы приезжали почаще, а для этого распределите свидания.

Получил 7 книг. Я писал уже тебе, что в первую очередь меня интересуют книги по игре, психологии и педагогике, структурному анализу. О традициях в Киеве книга очень интересная, остальные — по две-три статьи.

В ближайшее время мне начнут давать хало- (или гало-) пиридон, кажется, венгерский препарат. Что это такое ты легко можешь узнать. Я наблюдал уже его действие. Бр-р . . .

Получил письмо от Димы. Очень хорошее. От Ады и мамы писем нет.

То, что ты пишешь о Леське всё радует. Я ещё весной составил ему на лето план наблюдений за природой. Увы, теперь уже почти всё поздно, да и план этот со всеми моими бумагами мне не выдают.

Напиши мне, каковы возможности передачи игр в производство.

Обе игры, которые я выслал тебе, мне кажутся достаточно интересными, особенно Димина. Ведь это (пропуск, зачеркнуто цензурой — Т. Х.) новый вид.

Курить, видимо, придется бросить. Курить приходится

— разрешено по 3 папиросы в день. Изредка удается больше.

Вот и все «бытовые темы». Хотелось бы поделиться впечатлениями от присланных тобою книг и начать изложение полученных в Киеве результатов. Но ничего не поделаешь.

Таня, пиши независимо от частоты моих писем. Ты же видишь, как получается.

До свиданья.

P.S. Насчет Леськи я сомневаюсь — правильно ли ты сделала. Но тебе, конечно, виднее.

Добейся трех моих писем тебе, по одному маме, Диме, Леське, которые я передал перед отъездом сюда. Мне обещали отослать. Никаких разумных оснований для задержки писем нет.

Здравствуй, родная!

Уже три дня как ты уехала. Я получил твоё шестое письмо. Ты пишешь о «Лошади в городе» Ж. Пелегри. В будущем пиши также о фильмах и книгах. Художественные, видимо, высылать не нужно — более важно получать научную литературу. Хотя я начинаю сомневаться и в целесообразности научной литературы — (пропуск, зачеркнуто цензурой — Т. Х.). По этой причине я не буду писать детям. Получил письма от Тамары и Саши, от Юлии Александровны, от В. Недоборы. Смогли ответить им — не знаю. Ты на всякий случай объясни им ситуацию. За их письма очень благодарен. Но отвечать не всегда смогу*.

Рассказ об упадке М. очень грустен — хотя началось это ещё при мне. И помочь здесь, действительно, невозможно — всё зависит только от него самого.

«Вопросы философии» и др. журналы отбирай — только то присылай, что интересно. «Знание-сила» вряд ли представляет большой интерес.

Занимается ли кто-нибудь неинтеллектуальными играми? Я думаю ими заняться, кое-что сделал уже. Лишь изучив их в совокупности можно будет раскрыть суть понятия игры, суть игрового воспитания, развития.

Таня! Пошли маме это письмо — или пошли своё — я не дождусь никак ихних писем, а самому писать не о чем, послал одно и жду ответа.

Целую и обнимаю всех.

26. 8. 73 г.

Леня

*) К постоянному нахождению среди душевнобольных, невозможно пользоваться свободно ручкой и бумагой, добавилось «лечение» галоперидолом.

Звездочка моя далекая!

Получил твоё седьмое письмо. Получил также письма от Ады и Виктора Шарапова. Надеюсь, что Ада и мама приедут на предстоящей неделе. Письмо Виктору отсылаю тебе.

Чувствую себя немного лучше и очень жалею, что на свидании был не в форме. Теперь только дошло до меня, чего ты от меня хотела. Внимательно слежу за прессой.

Ну, конечно же, моя позиция всегда была этической, а не политической. Я не понял твоего вопроса об этом.

Я, к сожалению, не знаю ещё какие письма вы получили от меня. Поэтому не знаю, повторять ли, что нужно в передачах и из книг.

Вкратце повторю о книгах. Все по структурному анализу (только не чистое языкознание — а только с обобщениями), Пропп, Бахтин, Выготский, Леонтьев, Марков, Венгер — во вторую очередь. Короче — всё нужное по структурному и психологическому анализу.

Я спрошу у врача, можно ли будет получить Фрейда и Юнга. Фрейда меня интересует то, что я не читал: «Предисловие к роману Иенсена »Градива«, статья о Леонардо да Винчи. «Остроумие и бессознательное» чересчур велика по размерам. Подготовь лучше те две. Если нельзя будет прислать фотокопии, то ты сможешь хотя бы пересказать основные тезисы и метод анализа. Обе статьи есть в Академке. «Литературную газету» я думаю выписать здесь. С нетерпением жду «Записки Тартусского университета».

У меня нет под рукой моей записной книжки. Там были записаны интересующие меня книги. В частности, в том году вышла новая книга Лотмана по структурному литературоведению. Ты её пропустила? У тебя теперь есть знакомства со структуралистами, ты у них узнавай новинки. Меня в основном интересует структурное

Здравствуй, родная!

ДНЕПРОПЕТРОВСК

Уже 3 дня как ты уехала.
Я получил твоё первое
письмо. Мы пишем о
«Ломая в городе» Ж. Пеле-

так же - о фильмах и книгах. Худо же в школе,
видимо, писать не нужно - более важно полагать
какую-то литературу. Хотя я читаю сам Левин
в целях образованности и регулярной литературы - ~~ничего~~
~~ничего~~ ~~ничего~~ ~~ничего~~ ~~ничего~~ ~~ничего~~ ~~ничего~~ ~~ничего~~ ~~ничего~~ ~~ничего~~
~~ничего~~ ~~ничего~~ ~~ничего~~ ~~ничего~~ ~~ничего~~ ~~ничего~~ ~~ничего~~ ~~ничего~~ ~~ничего~~ ~~ничего~~
Поэтому я не буду сегодня
писать тебе. Получил письма от Тамара
и Саши, от Юлии Александровны, от В. Козло-
ва. Силы им от всего им - не так, но
какая великая случайность имени и ситуация. За
их письма очень благодарен, но ответов не
всегда пишу.

Рассказываю от упавки Мирона очень удиви-
тельно, каково это жить при нем. И потому здесь
действительно невозможно - всё зависит только
от него самого.

«Вопросы философии» и другие журналы
отбираю - только то, что интересно.
«Знаменитый» бродит и представляет отличный
интерес.

Вспоминается ли кто-нибудь кем-нибудь,
вспомни и я? Я думаю или заметишь,
кое-что сделал уже. Лишь и пусть не в со-
крушении можно будет раскрыть суть
пока что и ты, суть иррационального, ~~воображения~~,
развивая.

мифоведение, литературоведение, фольклористика, психология (по ней у нас, кажется, ещё ничего не опубликовано). Будет ли печататься Леви-Стросс?

Из новых книг, что ты передала, меня заинтересовала лишь книга Мелетинского «Герой волшебной сказки». Жаль, что устаревшая и черезчур специальная. Я прочел её и «Итальянские пьесы». Пьесы почти все великолепные. Особенно понравилась «Суть семьи». Конец мне кажется неудачным — слишком много рассуждений, разрывающих ткань художественную. Вся философия должна быть в ткани, а не вне её. Интересна и антифашистская, первая.

Прочла ли ты сама Мелетинского? Для тебя должна быть интересна глава об Иванушке-дурачке. Жаль, что автор не развил собственной точки зрения, а потому горьковская, хоть и односторонняя, но лучше. Мне кажется важным замечание о связи образа Иванушки с князем Мышкиным.

Я бы продлил эту связь дальше к Дон-Кихоту и даже к Христу, а точнее, к парадоксальным «нищим духом» у Христа в Евангелии. «Нищие духом» имеют, видимо, двойной смысл. Это, во-первых, ищущие, «алчущие» правду (я не помню как в Евангелии). Во-вторых, это демократические массы, противопоставленные «книжникам», саддукеям, с их мертвой книжной мудростью, застывшей, остановившейся.

Если Мелетинского не читала, то прочти. Там есть кое-какие сведения об игре, о связи игры с обрядом. Вот цитаты: «Куклы играли большую роль в быту различных народов. Считалось, что в них переселялась душа покойника, поэтому кукол кормили» . . . «Игра в жмурки первоначально могла иметь ритуальное значение. Это было испытание, которому медведь-хозяин леса подвергал героя». Помимо этих упоминаний в других книгах я встречал о связи моторной игры с ритуалами, обрядами, мифом, ещё более подробные описания. Например, лаун-теннис у индейцев Северной Америки был священной игрой-гаданием. Видимо, есть специальное

исследование о мифологических обрядовых истоках мотторной игры. Я хотел бы, опираясь на анализ структуры, развить аналогичную гипотезу о нардах, и тем самым показать значение морфологии игры.

Мелетинский интересен ещё различными замечаниями о дидактике сказок. Ведь нам волей неволей придется заняться психологией и педагогикой сказки — в связи с игровым (и сказочным) периодом развития ребенка — до 10-12 лет. Интересно замечание о том, что в мифах культурный герой, творец часто сопровождается братом-неумейкой или глупцом. Если же брата нет, то он сам сочетает в себе как творца, так и трюкача, «трикотера». Это очень близко идее Мирона о «цирковом критерии» в детской литературе, и о поэзии «человек всё может, шут — ничего не может», к преодолению ребенком комплекса неполноценности. Но можешь ли ты прислать соответствующие работы Мирона? А также его книгу о Маршаке, об «анти-энтропийности» Маршака. Передавай ему привет.

Преобразования твои в комнатах детей представляю и, конечно же, одобряю. С удовольствием бы включился в них, и в нашей комнате.

Пиши, как воспринял Леська моё «вступление» к сказке. У меня есть идея только для одного продолжения. Пиши о детях побольше. О себе тоже, любимая.

2. 9. 73 г.

Добрый день, Лесичек!

Вот я и получил, наконец, твоё письмо. Жаль, что оно такое короткое.

Давай сделаем так: ты будешь писать письмо несколько дней. Если произойдет что-нибудь интересное, ты запиши об этом в письме ко мне. Пиши о новых книжках.

Я написал для тебя много рассказов о том «Как папа был маленьким», «Удивительные и ужасные приключения маленького папы, маленькой тети Ады и других маленьких взрослых». Но пока я не могу послать тебе. В этом письме я посылаю тебе подарок на день рождения — игру. Пусть Дима и мама сделают её тебе. Но в эту игру можно играть только тем, кто умеет умножать. Если ты ещё не умеешь, я пришлю другую, а в эту ты сыграешь после. Пиши мне, какие игры ты любишь. Научился ли ты играть в «уголки», в «диамино»?

Тебе понравилась новая сказка о Муми-тролле? Мне больше понравилась «Муми-тролль и комета». Она — веселее, смешнее. Правда?

Сказки-сценки о буквоедах* я сочиню позже, когда отошлю тебе рассказы о маленьких взрослых.

Мама пишет, что ты сейчас закаляешься и редко плачешь. Молодец. Боишься ли ты темноты, как в детском саду? Если боишься, то вспомни, что я тебе советовал.

Что ты собрал в этом году в путешествиях? Собираешь ли растения или только жучков?

Я хотел бы, чтобы ты сам (или с помощью Димы) проделал некоторые эксперименты и наблюдения. Жаль, что лето уже прошло и часть из них придется отложить на следующий год.

1. Лесик наловил несколько гусениц и посадил каж-

*) «Сказку о буквоедах» — Л. И. сочинил детям к Новому 1972 году. (Арестован 15 января 72 г.).

дую отдельно в закрытые коробочки. Когда через два месяца он открыл коробочки, то в них сидели бабочки, а в одной черненькая оса. Откуда взялись бабочки он догадался, а вот оса . . . Я даже не знаю понял это Лесик или нет. Если Лесик не читал об этом, пусть почаще наблюдает как гусеницы превращаются в куколки, и что с ними происходит потом.

Это трудная задача, а вот полегче.

2. Положи на видном месте открыто мокрую тряпку с тестом. Можно с мясом.

Через несколько дней осмотри её и положи в закрытую банку. Тряпочку всё время смачивай. В тесте (или в мясе) заведутся червячки. Откуда? Заползти в банку они не могли.

Чтобы проверить в чём дело, понаблюдай за червячками в банке, что с ними случится?

Зимой ничего не получится. Почему? А теперь положи тряпку с тестом сразу в закрытую банку. Червячков не будет. Почему?

Теперь ты догадываешься, что случилось с гусеницей в первой задаче?

Я составил для тебя много таких задач и экспериментов. Если тебе интересно будет, я опишу и другие.

Мама пишет, что ты мечтаешь достать ореховую соню. В «Науке и жизни» за 1972 г. есть рассказ о бурундучках. Они тоже очень интересны, и их можно купить в Москве.

А теперь я перейду к игре. Опишу её маме.

Прощай мой камышонок (о камышатах — сказочных мышках — я постараюсь написать тебе сказку).

Игра

1. Поле одномерное, типа гуськового либо по спирали. Мест — 36 либо 100. Игроков двое. Фишки — двусторонние (как в реверси). Всего 36 либо 100 фишек.

Два датчика случайности — обычные кубики либо китайские счетные палочки (десятигранные палочки на каждой грани цифра от 1 до 10).

Игрок в ходе бросает оба кубика. Полученные значения перемножаются между собой. В соответствии с произведением игрок помещает фишку (своей стороной) на место, номер которого равен произведению, либо перемещает уже находящуюся на поле фишку на число шагов, равное произведению. Если все соответствующие места заняты, ход пропускается.

Игра заканчивается, когда заполнены все места (можно — когда закончены все места с номером выше 5, для ускорения партии. Как лучше, выбери сама). После игры игроки складывают все свои номера. Выигрывает тот, у кого сумма больше. Эта процедура + сложения длительна и нудна. Можно её упростить, отбрасывать у обоих противников равные парные, тройные и другие суммы. Ещё одно упрощение — отбрасывание двух пар такого типа.

ч	б			б	ч
---	---	--	--	---	---

Легко убедиться, что суммы черных и белых в этих парах равны. Эти упрощения — опредмеченные правила, приемы упрощения алгебраических уравнений и, следовательно, увеличивают дидактическую ценность игры. Основная дидактическая цель — усвоение таблицы умножения от 1 до 6 и от 1 до 10 (оба варианта можно осуществить на одном поле).

Игра стратегическая.

Как оформить игру? Живописное оформление — цветное и графическое, формальное, бессюжетное.

Кубики — «ле» и «сик», игра «Ле-Сик» (пусть выскажется Леська. Тебе нравится такое название, Лесь?). Кстати, неясность, какой кубик «Ле», а какой «Сик», внутренне связана с перестановочным законом умножения.

К сожалению, у меня нет под рукой старых киевских записей, в которых я анализировал эту игру с дидактических позиций.

Здравствуй, Лесичек!

Я для тебя приготовил рассказик, но не могу пока прислать. Получил ли ты игру, которую я придумал к твоему дню рождения? Напиши, как она тебе понравилась. Пиши всё о своих играх и книгах. А теперь я начну сказку, которую обещал тебе. Вначале я расскажу о том, кто такой камышонок. Это мой подарок ко второму классу.

КАМЫШОНОК ДИМЛЕ

Вы спросите, кто такой Димле и почему он камышонок. Об этом легко догадаться, прочитав внимательно заглавие.

Любой ученик первого класса сразу догадается, что это мышонок. Любой ученик второго класса поймет, что живет он в камыше. Но только очень проницательный ученик второго класса догадается, что имя своё наш камышонок получил с помощью двух братьев — Димы и Лесика.

Живет камышонок не *среди* камыша, а *в* камышинке. Ведь камышинка, как и её родственница — бамбуковая палка — является трубкой, разделенной перегородками из легкого и мягкого материала на этажи.

А сверху, над всем камышиным домиком, необычайная крыша-метелка. На крыше этой селятся другие существа — всякие жучки и мошки.

Когда камышонок поселился на первом этаже, он был очень огорчен: вся его квартира состояла из одной комнаты, темной и сырой — ведь она находилась как раз над поверхностью пруда. Когда ветер совсем легко дул на крышу домика Димле, метелка пыталась спрятаться от него среди других камышинок — и весь домик недовольно скрипел, терся о другие домики и нехотя нагибался так низко, что весь этаж Димле оказывался

под водой (Пусть Дима в этом месте нарисует этот момент — с камышонком вместе. Но перед этим пусть потренируется и посоветуется с тобой и мамой, каким его нарисовать).

Но огорчение камышонка длилось недолго — он прогрыз дырочку в полу и полез в подвал. Стенки подвала были мокрыми и скользкими. И не успел он опомниться, как очутился в воде.

«Бр-р-р-р... Холодно!» — воскликнул камышонок и вылез в свою комнату. Но в его комнате стало ещё более сыро — через дырочку в полу проникала вода.

Пришлось перебираться на следующий этаж. Здесь было сухо. Увидав, что на втором этаже никто не живет, Димле сообразил: что у него будет не только многокомнатная, но и многоэтажная квартира. Поднимаясь с этажа на этаж, Димле добрался до крыши. Жучки и мошки, увидав нового жильца, вначале испуганно зажужжали и бросились врассыпную. Но когда пролетавшая мимо жилища стрекоза презрительно проворчала: «Да ведь это камышонок», они со стыдом вернулись обратно. Все знали, что камышата — добрейшие в мире грызуны. Едят они только всевозможные зернышки, пьют росу на метелках и листьях (а чтобы она была слаще, добавляют «камышовый рафинад» — сухие кусочки сладких корней аира и других болотных и луговых растений). Но больше всего они любят лакомиться нектаром и пылью — как пчелы. Когда камышонок выбирается из цветка, его невозможно узнать: всё рыльце, тельце вплоть до хвоста желтые от пыли. Он выбирается на самую верхушку растения и, начиная от хвоста и кончая собственным носом, вылизывается. Труднее всего вылизывать от пыли волосики между глазами (в этом может убедиться любой, самый непросвещенный ученик второго класса — какой бы длинный язык он ни имел).

И потому-то пыльца на бровях и между бровями казалась Димле самой вкусной. Он всегда оставлял её на закуску.

После такого вкусного умывания камышата выглядят такими чистыми, как-будто только что родились на свет.

Если у вас заведется камышонок, и вы захотите видеть его чистым, почаще пачкайте его. Запачканные камышата — самые чистые в мире камышата. Это правило знает всякий грамотный камышоновед.

Но нужно знать, чем пачкать их.

Если вы испачкаете камышонка пылью или золой, он так и останется грязным. Не вздумайте пачкать его солью или горчицей — он обидится и никогда больше не будет облизывать свои пальчики. Он может покинуть вас — а это будет очень грустно.

Зато с какой радостью, с какими довольными улыбками и восхищенными воплями умываются камышата, обмазанные вишневым вареньем, медом, стуженным молоком и какао, молочным киселем. Все эти пачкающие вещества являются камышонковым мылом.

Однако вернемся к камышонку Димле. Он ещё не подозревает даже о пыльце, не говоря уж о других вкусных вещах.

Погревшись на солнышке, Димле вернулся в дом и принялся за благоустройство своей квартиры. Первым делом из длинных листьев камыша была сделана веревочная лестница — простая веревочка, по которой Димле стал бегать вверх-вниз, с крыши в подвал и обратно. Нырнув несколько раз в «ванную комнату» — так назвал он подвал — Димле вылез снова на крышу и сел обсыхать. В воздухе вкусно пахло нектаром и пыльцой соседних цветов.

Димле очень хотелось тут же отправиться за завтраком, но он чувствовал, что в квартире чего-то не хватало. Камышата любят свет, а в его квартире было так темно! Подумав немного, он стал прогрызать дырочки-окна. Яркие лучи пронзили комнаты, по стенам забегали зайчики.

Димле устроил охоту за ними, но зайцы оказались неуловимыми. Как только он настигал одного из них,

тот перепрыгивал ему на спину. (Об этом хорошо знает Лесик — достаточно накрыть зайчика ладошкой, как он тут же вынырнет и усядется сверху).

Погоня за зайцами была в самом разгаре, когда вдруг послышалась музыка. Она неслась из окошек и откуда-то из глубины домика. Камышина колебалась от ветра и в такт её движениям менялись звуки. Удивленный Димле высунул голову в одно из окон. Музыка изменилась. От изумления хвост Димле стал трубой и закрыл ещё одно окно. Музыка ещё раз изменилась. Димле вертел головой в поисках музыкантов. Но кроме обычных, совсем не музыкальных мух, жуков, стрекоз и бабочек ничего не было видно. И вдруг Димле догадался — ведь камышата чрезвычайно сообразительные мышата. Это пел . . . Но об этом я расскажу в следующий раз.

А Лесик догадался? Напиши мне, что ты хотел бы узнать о камышонках. Пусть Дима пришлет ваш рисунок камышонка Димле. А ты любишь рисовать? А петь или слушать музыку?

Пиши мне об этом.

2. 9. 73. г.

Папа

Димок, здравствуй!

Очень рад твоему симпатичному и уже взрослому письму. От мамы я получил несколько писем, где она пишет о тебе. В основном приятные новости. Особенно обрадовали меня мамины и тетины Алины слова о твоих сочинениях. Хорошо, что ты не пишешь дешёвок. Помнишь наши споры на эту тему?

Я из Киева отослал тебе письмо о сочинениях подробно, потому не буду повторяться.

Признаюсь, что тройки твои меня пока не очень волнуют, т. к. мама пишет, что у тебя появились самостоятельные интересы, собственные мысли (сочинение об эволюции, предложения о «мыслях-чувствах»). О «мыслечувствах» я написал тебе письмо ещё в Киеве, т. к. — и это очень забавно — я тоже недавно интересовался (и интересуюсь) этой проблемой. Пока, однако, не имею возможности послать тебе это письмо. Написал тебе ещё одно письмо, о софизмах, софистическом мышлении и софистах — в связи с твоей склонностью к софистическим приемам в спорах. Можешь не опасаться — я пишу в нём не нотацию, а пытаюсь рассказать о положительном и отрицательном у древнегреческих софистов, а также о том вреде, который может нанести мышлению современного человека увлечение софистикой.

Если эта тема тебя заинтересует — я пришлю его.

То, что алгебра тебе нравится больше геометрии, меня очень удивило. Так как у тебя есть способности к живописи и скульптуре, я ожидал, что геометрия заинтересует тебя больше. (Я кстати тоже любил больше алгебру).

Ты окончательно забросил рисование и лепку? Жаль. Но живописью всё же интересуйся — хотя бы в качестве зрителя.

Мы с мамой в детстве не получили соответствующего воспитания, и поэтому, став взрослыми, столкнулись с тем, что в искусстве мы профаны. Особенно в музыке. А жаль — ведь мы потеряли столько счастливых минут. У тебя есть возможность подняться на гораздо более высокий уровень культуры чем мы (хотя бы в живописи). Напиши, что ты думаешь об этом.

Занимаешься ли ты с Леськой? Я ему буду высылать «задания», чтобы развивать его естественно-научные интересы. Осторожно помогай ему — не решай за него, давай подумать, но незаметно для него подталкивай к правильному решению. Мама тебе поможет. Играй с ним (но так, чтобы было равенство сил — незаметно поддавайся в тех играх, в которых ты намного сильнее его).

Я не знаю, до какого числа ты в Одессе, поэтому посылаю ответ в Киев.

Жду маму через день. Рад был бы видеть тебя, но вдруг ты ещё в Одессе.

До свидания. Пиши больше о себе и Леське.

Папа

Здравствуйте, родные мои!
Солнышко моё!

Начну с уточнения некоторых деловых вопросов.

Здесь есть возможность подписаться на некоторые журналы и газеты. Но т. к. мы уже договорились, что на «Литературку» подпишешь меня ты, то я не подписался. Но нужно будет, чтобы ты прислала соответствующую квитанцию сюда. Сделай это сразу же после подписки. То же самое, видимо, нужно будет сделать и с журналами. Нельзя ли тебе при этом иметь копию квитанции (для страховки)?

Если будешь высылать деньги, шли с копейками (напр., 10 р. 15 коп.). Как показал опыт, деньги сюда скорее приходят в этом случае.

В передачах, помимо того, о чём мы говорили, нужно мясное и сыр.

Вот и всё, пока, деловое.

Хочу уточнить кое-что по темам свидания.

Ты сказала, что Мирон не опубликовал ещё своих статей о Маршаке и «критерий цирка». Относительно «критерия» ты, кажется, ошибаешься. Что-то было опубликовано.

С нетерпением жду Майиных писем. Жаль, что не смогу ответить на уровне. Но ещё раз подчеркиваю — я не хотел бы, чтобы кто-либо заставлял себя писать письма. Тем более — Майя.

Наслаждаюсь Тартусскими «Трудами». Хотел бы поделиться с тобой некоторыми соображениями по поводу прочтённого.

Помнишь, мы как-то говорили о том, что Пропп, решая задачу раскрытия структуры и генезиса волшебной сказки, не коснулся вопроса психологического и педагогического смысла сказки, значения её для воспитания

детей. Как пишет редакция, он на самом деле рассматривал фольклорный текст в трех аспектах, в том числе с точки зрения «функционирования в коллективе» (работы последнего десятилетия). Не можешь ли ты узнать, что это за работы? Может быть, они помогут пролить свет на социальное, педагогическое значение сказок сейчас.

Статья о структурном анализе сказок (Мелетинский и др.) интересна параллелями сказки и игры. Но об этом как-нибудь после (авторы раскрывают некоторые стороны структуры сказки, очень хорошо согласующиеся с результатами Выготского и с походовой структурой интеллектуальной игры).

Из первых двух прочитанных пока статей первая, Топорова, меня особенно заинтересовала тем, что дает подтверждение некоторым моим предположениям о загадках (помнишь, я тебе когда-то говорил о них?).

«Без окон, без дверей, полна хата людей».

Эту загадку на самом деле не отгадают не только дети, но и взрослые, если... не знают ответа. Можно сделать эксперимент — дать группе взрослых, сколь угодно интеллектуальных, набор загадок, фольклорных. Большинство загадок не будет отгадано. Загадки же, сочиненные для детей педагогами, отгадываются. Почему? Да потому, что социальная функция народных и «культурных» загадок различная.

Педагогические загадки — форма, разновидность логических задач. Социальная их функция — дидактическая, обучающая и развивающая интеллект. Социальная функция народных, фольклорных загадок иная. Какая? Это нужно исследовать. Мне кажется, что загадки имеют ту же функцию, что и постоянные эпитеты, метафоры — функцию прежде всего художественную. Если они что-либо развивают, то прежде всего образное мышление.

Эта функция загадок подмечена и прекрасно использована Некрасовым в «Орина — мать солдатская» (или «Мороз — красный нос» — я не помню точно).

То, что загадки даются не для разгадывания, подтверждается неоднозначностью разгадки, т. е. некорректностью задачи загадки. Загадка является как бы особой формой поговорки (функция поговорок также не сводится к «дидактической», к «народной мудрости». Но это вопрос более сложный).

Топоров пишет об обрядовом, сакрально-ритуальном происхождении загадок. «Существенно, что загадка часто не предполагает нахождения ответа со стороны непосвященного».

Во времена, когда загадка зарождалась, загадка являлась диалогической формой изложения («вопрос — ответ») мифа, формой свадебного обрядового диалога, колядок и т. д. Отгадывания как такового не было, т. к. ответ был заранее известен как часть ритуального диалога.

Следовательно, во всяком случае в древности, загадки не были задачами для отгадывания. У Топорова есть и другие факты, подтверждающие моё предположение.

Майя, как Вы считаете?

15. 9.

16. 9. Получил от тебя письма 13-18 и два Диминых. Отвечаю по порядку на все твои письма. На все письма друзей ответил.

О Леське всё время от всех идут комплименты. Мне интересно услышать и о его недостатках. Я писал тебе уже, что опасаясь чтобы его увлечения не носили поверхностного, собирательно-коллекционного характера. Ты пишешь о том, как вы подготовили с помощью Петра Никитича коллекцию камней. Хорошо, что он видит занятие этим делом на высоком уровне. Но я опасаясь, что мы можем повторить ошибку с Димой — черезчур облегчать ему задачи, вырабатывать несамостоятельность, связанную внутренне с поверхностью. Ведь камни-то эти он не собирал сам. Если и собирал часть, то не для школы, нецеленаправленно.

Из твоего письма догадался (косвенно), что Леська учился на Бессарабке. Уточни. Я опасаясь, что он испы-

тает на себе бессарабское влияние. А ты ведь знаешь свойства этого влияния.

Димины письма хороши. Но попытайся наталкивать (осторожно) на то, чтобы он писал под свежим впечатлением чего-нибудь интересного (событий, прочитанного, придуманного им самим, напр., его мысли о «мыслечувствах»). В этом случае и я смогу писать ему интереснее. Пусть только не пишет писем выполняя долг.

То, что ты пишешь о твоих достижениях в области проведения в свою жизнь заповеди «не сердись», мне, конечно, нравится. Но Толстой здесь не при чём (вернее, толстовство не при чём). Это рационализация своего поведения, самоуправление. Я ведь не отрицаю большинство частных его положений. Многие у него мне симпатично. Я отрицаю его религиозную подкладку, чрезмерный рационализм, ведущий к упрощенчеству, к плоской идеологии.

Очень жалею, что не могу участвовать в твоей работе по значению интеллектуальных игр для умственного развития дошкольников. При мне нет моих записей.

Кроме тезисов Выготского-Эльконина обязательно отметить огромное значение эмоциональной насыщенности для производительности всякого труда, и в частности умственной, логической деятельности. Это обычно недооценивается. Исключение — Сухомлинский. Перечитай его работу. Жаль, что не могу привести цитаты из Роллана «Очарованная душа» (о воспитании сына Марка с помощью «радости». Там же великолепное место о «натяжении», преодолении тяжести, как дополнении к «удовольствиям»), из В. Кузнецова «Эйнштейн» (высказывания самого Эйнштейна об «ассоциативной игре ума», интуиции, комментарий Кузнецова об эмоциях).

Я собрал было за эти полтора года много цитатного материала — помимо своих тезисов по этой теме. Ты пиши свои тезисы — в ответ я кое-что вспомню.

Обрати внимание на то, что психические функции проходят путь от интерпсихической деятельности к внутренней (у Выготского от спора к монологическому дока-

зательному, логическому мышлению). Игра является «диалогом», интерпсихической деятельностью. Это своеобразный спор, в котором дети учатся приводить «доводы» — решения тех или иных ходовых задач. Основное в структуре интел. игры — ходовое строение. Игровая — интеллектуальная и эмоциональная — задача разбивается на ходовые микрозадачи, шаги. Ребенок вначале формально, под влиянием правил разбивает интеллектуальный процесс на шаги. Научившись этому он уже в головоломках произвольно разбивает свою деятельность на этапы.

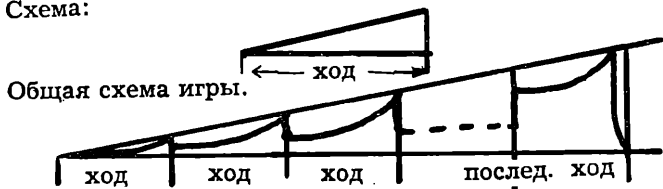
Если тебя это заинтересует, попытаюсь изложить подробнее.

Очень важно показать, что это разбиение двойственно — эмоционально-интеллектуальное. Атом структуры — ход является «атомом» интеллектуальным (решение микрозадачи хода) и эмоциональным. Эмоциональная схема хода такова.

Неопределенность хода (неопределенность ожидания — ярко в чисто-вероятностных, независимых от игрока и неопределенность выбора — «чем, куда и т. д. ходить») вызывает эмоц. напряженность. Разрешение хода, неопределенности ведет к эмоц. разряду.

Схема:

Схема:

Из хода в ход общая напряженность растет, пока не закончится последним разрядом. На самом деле схемы разных игр отличаются. Но в целом картина такая. Достань сборник «Актуальные проблемы сексопатологии» (68-71 гг.). Там есть статья Васильченко «Структурный анализ мнимой импотенции» (кажется) и есть структурная схема фрикционного («походового») строения «сексопроцесса».

Схема удивительно похожа на полученную мною. Это говорит, видимо, о единстве структуры эмоциональных процессов.

С другой стороны, эта схема очень близка схеме эмоционального процесса в чтении литературного произведения (элементы разбиения на ходы, рост напряжения, частичный разряд, конечный разряд) — у Выготского в «Психологии искусства».

На этом пока о своей работе закончу. Жду твоей реакции.

Книгу Кагана высылать не надо — это для специалистов. Подозреваю, что мне это не по зубам или не связано никак с моими темами. «Ранние формы искусства», видимо, интересна и связана с игрой, сказкой, мифом.

Стендаля прочти сама, присылать не надо. Там описан процесс «кристаллизации» чувств, внутренне связанный с «приручением». О связи приручения с сюжетно-ролевой их игрой упоминается у Сухомлинского. Я написал как-то тебе письмо об этой связи. Что ж, попытайся увидеть это сама, прочитав Пришвина «Корень жизни» и «Капель», «Маленький принц» Экзюпери, «Сагу о Форсайтах» (проследи линию «захвата», присвоения против «приручения»).

То, что ты пишешь о Мироне — очень грустно. И самое страшное, что никто со стороны помочь ему не может. Всё в конце концов упирается в него самого. Он только может «рационально» выйти из ситуации. Иначе ситуация сломит его.

Цитаты, что ты привела об игре и воспитании, очень интересны. И всё же мы, как-будто, в области теории ушли дальше, чем американцы. Радует меня также то, что они подтверждают тезис «все люди по сути своей талантливы».

Вырезок о процессе не надо. Вырезки об игре будут интересны, но только нужно, чтобы ты переписывала соответствующие игры (чтоб у нас собралась коллекция игр).

Согласен с тобой в том, что точка опоры должна быть в нас самих. Но если только в нас, то это никогда не достаточно. «Единица ноль» и т. д. Должно быть некое соответствие индивида и рода (опора — не отдельные личности и даже группы их, а род человеческий в целом, его потенции, его лучшее, что создало, в частности, лучшее в личности, что создало индивидуальную самоопору «внутри нас»).

Ну вот и ответил на все твои чудесные письма. Чудесные потому, что адекватны моим желаниям.

Привет всем друзьям.

Твой Лёня, моя звездочка.

Авиа не пиши — это не ускорит получения.

Димок, здравствуй!

Получил два твоих письма и две вырезки из журналов.

Вырезки мне очень понравились — обе, в особенности о дельфинах. Ты пишешь, что писать не о чем. Да вот хотя бы об этих статьях. Что ты обо всём этом думаешь? Меня именно это и интересует — чем ты занимаешься, чем увлекаешься, что читаешь, о чём думаешь.

Мама, например, написала мне интересное письмо о твоих соображениях о «мысле-чувствах». Мне было бы интересно получить от тебя письмо об этом. Я думал над этим вопросом тоже и у меня есть кое-какие соображения о глубокой связи между чувствами и мышлением. Возможно твои соображения вовсе не похожи на мои — тем интереснее обменяться мыслями.

К Дадашеву я отношусь скептически. Пусть мама расскажет, как мы проверяли похожего на него Мессинга. Мессинг ещё больше удивительного рассказывает о себе, но проверка ничего кроме идеомоторных движений не подтвердила. Я не исключаю, что Дадашев нечто более интересное чем Мессинг, но сомневаюсь в этом.

Вообще ко всяким чудесам, на мой взгляд, нужно относиться осторожно — проверять их, даже увлекаясь ими. Иначе получится вместо науки религиозная вера в чудеса.

О дельфинах поэтому мне интереснее — пишут учёные, а не журналисты. Учёные обычно осторожны в своих выводах.

Моё мнение об этом? Я не специалист в этой области. Но был бы очень рад, если бы доказали, что дельфины обладают разумом и какой-то культурой. Особенно поразил меня факт, что несколько десятков тысяч дельфинов (пол Индийского океана) собрались в одном месте. Как это объяснить без гипотезы о разуме?

Удивлён твоими словами о том, что тебя интересует техника. Вот никогда не ожидал! И, честно говоря, даже усумнился. Уточни — тебе нравится читать о технических достижениях или же о самих технических конструкциях, новых принципах работы и т. д.

В первом случае нельзя сказать, что техника тебя интересует. Интересуют лишь успехи (вроде как интересуется болельщиков футбол — не как футболистов).

Во что ты играешь? С кем дружишь? Пиши о друзьях, о классе. Понимаешь, я ведь хочу о тебе, как и о Леське, знать побольше. Пиши мне о Леське.

О чём бы ты хотел, чтоб я тебе написал? Интересует ли тебя «Знание-Сила»? Там работают хорошие художники. Или ты совсем забросил живопись?

Ну, пока. Пиши, когда будет желание.

Папа

Лесик! Ты мне тоже пиши. Жаль, что не могу пока продолжить тебе сказку. Пиши, как тебе понравилось начало. Может быть ты сам придумаешь конец?

Понравилась ли тебе игра с умножением?

Пиши о своих книжках, о школе и о товарищах, о Диме и маме.

Целую обоих сынов моих.

Папа

Здравствуй, любимая!
Здравствуйте, Дима и Лесик!

Сегодня я не смогу писать вам, пишу только маме.

От тебя получил уже двенадцатое письмо. Письма твои очень хорошие. Как раз такие, как мне нужно. Жаль, что не могу отвечать тебе как хотел бы.

Не знаю, получила ли ты от меня письма, а если получила — то какие. Поэтому ещё раз затрону вопрос о чисто деловом.

Я хотел бы, чтобы вы с мамой и Адой распределили свидания и приезжали регулярно. Вот прошла уже неделя, в течение которой я ждал кого-нибудь из вас. Если помеха в финансах, то уменьшите как угодно передачу.

Теперь о передачах. Тратьте поменьше денег на всякие деликатесы. Мясное, сыр, масло. Сахар пока не нужно. Фрукты нескоропортящиеся. Медовое печенье очень понравилось. Но вообще печенье не нужно. Всё остальное — как захочешь, тебе виднее. Чеснок пока не надо. Договоритесь только с мамой как следует — и о свиданиях и о передачах.

В ближайшее свидание или в посылке пришлите больничную пижаму (потеплее) и зубной порошок.

Получил письма от Сережи Борщевского и Саши Фельдмана. Отсылаю письма Тамаре и Саше, Владику. Для экономии конвертов часть писем буду пересылать через тебя.

Настроение моё ты видала. Никаких существенных изменений в нём не произошло. Послал в предыдущее воскресенье сказку (типа «введения») для Леськи — о камышонке. Есть идея лишь для ещё одной части. Напиши попутно, как он реагировал (да и свою реакцию — хотя я ни в малейшей мере не претендую на какую-либо художественность. К сожалению, фабулу я совершенно не умею придумать, а без фабулы получается сказочная

зоология, а не рассказ). Мне очень хочется писать им обоим что-нибудь интересное. То, что я написал раньше, я не могу всё ещё получить. А для нового условия совсем неблагоприятные.

Диме я смогу писать в ответ на его развернутые письма и на твои о нём. Ты хорошо, подробно о них пишешь. И в дальнейшем пиши так же.

То, что ты пишешь каждый день — молодец. Но я думаю, что надолго у тебя энергии не хватит, и потому лучше реже, но систематически пиши. Письма твои — и всех — очень для меня дороги. И если я не на все и слишком коротко отвечаю, то это объясняется и настроением, и условиями.

Прочёл уже почти всё, что ты передала. Читаю Щедрина, прочёл томик Бунина. Это не совсем подходящая литература. Всё время одна и та же исконная расейская дремучая тоска. Она помогает хапдрить, а это мне совсем ни к чему.

Перечитал сейчас твои письма. Ясно представляю все перестановки, всё, что ты сделала по дому. Не представляю всё это только без себя.

Хотел бы, чтобы Дима поделился впечатлениями от Одессы, а Леська — от Ташкента (в твоём изложении). Но только не заставляй их писать.

А теперь по ходу твоих писем.

Дима, я очень рад, что ты занялся Леськой.

А Лесик — ты молодец, что слушаешь и любишь Диму. Кстати, Дима, прочти «Братья Земганно» Гонкуров. Там описана такая дружба между братьями, которую я желаю вам обоим.

Интересно, как ваш новый знакомец мальчик из Полесья. Приходил ли ещё? Очень симпатичная история.

С мопедом не знаю, честно говоря. Ничего против не имею, но ведь тебе это виднее. Если он сам будет подрабатывать для этого, то это поможет ему глубже, серьёзнее относиться к своим планам.

По поводу художественного училища, Дима, мне ка-

жется, пусть решает сам. Вовины аргументы в пользу школы убедительны.

Я всё ещё не адаптировался как следует к окружающей среде. Поэтому в противовес киевскому периоду весь эмоционально сжат — и поэтому письма выходят такими сухими. Но ты, родная, пиши так, как писала до сих пор.

Буду посылать тебе кое-какие выписки из различных книг, что читаю. Впоследствии, возможно, ими воспользуюсь. Другие цитаты — просто для тебя.

«У слов есть душа. Большинство читателей и даже писателей ищет в них только смысла. Нужно найти эту душу: она появляется при соприкосновении слова с другими словами, вспыхивает и освещает некоторые книги неведомым светом, но нелегко высечь из слова этот огонь» (Мопассан). Это — к теме своеобразия художественной информации, её несводимости к обычной, смысловой информации. Я надеюсь всё же поработать когда-нибудь над психологией эмоций, которая меня так заинтересовала в проблеме игры.

Вот и всё, родная.

Приветы друзьям.

Твой Лёня.

9. 9. 73 г.

Посылаю в этом же конверте письма Саше Фельд. и Сереже. Передай им.

Дорогой друже, Виктор!

Очень рад был получить твоё письмо. Таня мне писала о твоих письмах, так что я знал, что ты не исчез бесследно и значит когда-нибудь встретимся.

Жаль, что мы с тобой так мало побыли вместе. Хорошие отношения у меня были со всеми сокамерниками, но дружба завязалась только с тобой. Своеобразное «с первого взгляда». Такое со мной было только с Таней.

Очень хорошо, что ты пишешь ей, и большущее тебе спасибо за подарок к её дню рождения. У меня, увы, нет никаких талантов, чтобы сделать ей какой-либо подарок. Сынам, правда, придумал несколько игр, не знаю понравятся ли.

О моем положении здесь Таня напишет тебе подробно. Настроение я бы не назвал бодрым. Благодаря лекарствам я в основном сплю — днем и ночью, и хожу как в воду опущенный.

Таня присылает мне книги. Я их читаю, изредка делаю выписки. Научную работу пришлось забросить, и это, пожалуй, самое тяжелое в моём нынешнем положении.

Пиши о себе. Почему ты ничего не написал о себе? По себе знаю, что писать собственно не о чем. У меня к этому добавляется состояние под лекарством. Какие у тебя надежды и шансы на попадание домой? Сколько времени ещё ждать?

Держаться, я держусь, и думаю, что выдержу всё, что предстоит. Насчет «прелестей в этой жизни» — как ты пишешь, я, честно говоря, усомнился. Какие уж тут прелести... Школа — да, я согласен. Школа — как и вся жизнь является школой. Я предпочел бы не посещать некоторых классов в этой «школе жизни», но дареному коню в зубы не смотрят.

Напиши, пожалуйста, Димке тот способ рыбной ловли, о котором ты мне рассказывал — «на кораблик». Я позабыл размеры и другие параметры.

На этом пока закончу.

Обязательно пиши, хотя боюсь, что интересных писем у меня не получится.

С искренней дружбой и приветом.

Твой Л. Плющ

2. 9. 73 г.

Здравствуйте, родные Тома и Саша!

Порядок имен не случаен. По нашему украинскому обыкновению муж естественно находится под каблуком своей лучшей половины. И я разделяю эту участь, и соглашаюсь с этим обычаем. Саша, правда, судя по письму, пытается забрать бразды правления в свои руки и даже приписать себе родящие функции: «мы с Тамарой успели пожениться и родить ребёнка». «Мы пахали».

Юлия Александровна уже расхвалила мне новорожденного, и хотя я всегда с сомнением посматривал на таких крошек и думаю, что Саша не испытывает к нему никаких позитивных эмоций (?), но Тому рад поздравить с Борисом. Саша войдет во вкус отцовства, видимо, позже. Или ты являешься исключением?

Разделавшись с первостепенным событием вашим, перейду к второстепенным. Хотя нет, я забыл о Даниле. Ты как-то невнятно, Саша, написал о нём, поэтому напиши точнее. Как и почему он появился и т. д. Боюсь попасть впросак, откликаясь на это событие. Интересен и Томин комментарий.

Мне трудно по названию судить о книге и потому не знаю, стоит ли присылать «Апологию истории». Посоветуйся с Таней. Читаю я здесь много — присланное Таней.

Из Томиного письма яснее стало, кто такой Данила. В таком случае очень рад за вас, вдвойне рад.

Почему ты считаешь, что неинтересно потрошить тебя с помощью Фрейда? Бестолковая мамаша? Попервоначально все они бестолковые. Саше, я думаю, интереснее сейчас Данила. Да и тебе, небось?

Из Харькова получил письмо от Владика. Сегодня на него, наконец, ответил. Я уже всем объяснил почему мне трудно отвечать — не буду повторяться.

К сожалению, не знаю кто из вас получил мои письма. Такое впечатление, что даже Таня ещё не получила ни одного письма.

Как долго у вас будет Данила? Если долго, то интересно как вы будете его воспитывать? Попробуй вести дневник обоих — две-три фразы в день. У Данилы начинается игровой период — многое можно наблюдать и давать ему. Попробуйте применить к нему развитие игрой. Я глубоко убежден в больших возможностях игрового воспитания. Исходя из Сашиного типа («анально-садистического») можно ожидать наклонности к систематизации, конструктивно-строительной игре, к лото и парным картинкам, к разрезным картинкам. Но нужно упирать также на сюжетно-ролевую (особенно) и моторную игру.

После вашего ответа я попытаюсь подробнее обо всем этом написать.

А теперь пока, сажусь читать Щедрина, что прислала Таня.

6. 9. 73 г.

Ваш Лёня

Здравствуй, сынок!

Получил твое письмо с ответом на мои вопросы и с вырезками из журнала. «Технику — молодежи» я просматриваю, так что именно эти статьи я уже читал. Но вырезки всё же присылай — из других журналов. Интересы у тебя, я вижу, широкие. Я смогу участвовать в обсуждении тех или иных вопросов, которые ты затронешь сам — чтобы я знал, что именно тебя интересует. Читаешь ли ты «Вокруг света»? Я прочел несколько номеров — очень интересно. Читал ли ты по истории «Загадки истории» (у нас дома есть) и Керамы «Боги, гробницы . . .»? Я в школе историей не увлекался, т. к. преподаватели попадались никчемные. Сейчас об этом жалею, т. к. историю знаю слабовато. В спорах часто приходится пасовать. О том, что рисование ты забросил, я понял из твоих рисунков. Они удачны, но видно, что ты совсем не продвинулся в них вперёд.

Ты пишешь, что письмо, которое я написал тебе из Киева о софистике, было бы интересно.

Попытаюсь сейчас восстановить хотя бы частично. Полностью не удастся, т. к. для этого нужно подходящее настроение (вот первая связь между мыслью и чувством — для эффективного мышления нужно соответствующее эмоциональное состояние, в частности так называемое вдохновение).

Я начну в этом письме с греческой софики, а в следующий раз перейду к ученикам-«софистам», в частности к тебе (мама пишет, что ты ещё не преодолел в себе этого).

Софисты в Древней Греции появились тогда, когда было замечено, что на уровне слова можно с одинаковым успехом защищать и доказывать самые противоположные утверждения. Напр., философ Гераклит доказывал, что в мире всё движется, меняется, нет ничего постоян-

ного. Философ Протагор доказывал обратное — что изменения в мире несущественны, не имеют никакого значения. И в самом деле, мы видим, что любая вещь, любое явление в конце концов меняется и исчезает, всё находится в движении. Но прав и Протагор: из того, что лето сменяется осенью, осень — зимой и т. д., следует только то, что смена эта постоянна, каждый год повторяется. Люди умирают, но на смену им приходит новое поколение — и всё опять повторяется. Правда ведь видно, что правы оба?

Софисты создали много интересных парадоксов. Напр., о том что стрела не долетит до цели или о том, что Геракл не догонит черепаху (пусть мама тебе расскажет).

Парадоксы софистов — софизмы возникли либо из-за неправильных доказательств (логических ошибок), либо из-за недостатка знаний о мире.

По-моему, софисты, несмотря на то, что свои рассуждения они чаще всего использовали для нечестных целей, принесли некоторую пользу.

Они заставили присмотреться к мышлению, к способам доказательств, и тем самым помогли созданию науки о мышлении — логики. Они же показали, что в природе не всё так просто, как кажется. Над многими явлениями нужно долго биться, чтобы разобраться в них.

Основной недостаток — нечестное, корыстное мышление. Доказательства, рассуждения не для выяснения истины, а для победы над противником во что бы то ни стало. Это, кстати, характерно и для большинства детей в споре — они спорят не для того, чтобы найти правду, а лишь бы доказать свою правоту (но об этом в следующий раз). Это развивает неправильное, нечестное мышление. Для науки — настоящей, нужно обязательно честное, бескорыстное мышление.

В споре очень важно прислушиваться к противнику — в чём он прав. Софистическое мышление ищет у противника только ошибки, у себя же не обращает на них внимания. В этом и состоит нечестность мышления.

Так как на словах (придираясь к словам, перекручивая слова) можно доказывать всё, что угодно, то нужно опираться на практику. Я называю практику «аргументом Диогена». Когда философу Диогену надоело выслушивать доказательства о том, что движения нет, он стал ходить вокруг противника до тех пор, пока тот не разозлился. Тем самым он практически заставил противника признать движение (ходьбу).

Присмотрись к своим спорам с мамой. Я думаю, что ты нередко сам видишь, что по сути неправ, что практически мама права, но споришь только балансируя словами.

Я хотел бы обратить твоё внимание ещё на такую деталь. Достаточно допустить в мышлении одну только ошибку, чтобы затем доказывать всё что угодно. Вот пример софизма, построенного на такой ошибке.

Докажем, что бог существует.

Определение. Богом будем называть разумное существо, совпадающее со всей вселенной.

Теорема 1. Докажем, что $1 = 2$

$1 - 2 \times 1 \times 3/2 + 9/4 = 4 - 2 \times 2 \times 3/2 + 9/4$ — это равенство есть равенство квадратов разностей $(1 - 3/2)^2 = (2 - 3/2)^2$

Извлечём корень квадратный из обеих частей.

$1 - 3/2 = 2 - 3/2$ Отсюда $1 = 2$, что и требовалось доказать.

Теорема 2. Докажем, что любое число равно любому числу.

Если $1 = 2$, то $0 = 1$ (перенесём 1 в правую часть). Умножим обе части на любое число A $0 = A$. Значит любое число A равно 0. Значит и $B = 0$.

Запишем это так:

$$0 = A$$

$$B = 0$$

Сложим оба равенства:

$$0 + B = A + 0$$

Получим $A = B$, где и A и B любые числа. Что и требовалось доказать.

Теорема 3. Бог есть.

Пусть в мире всего N разумных и M неразумных существ (или даже неживых). Т. к. любые числа равны между собой, то $N = 1$, а $M = 0$. Значит весь мир равен одному разумному существу. Что и требовалось доказать.

Попытайся найти ошибку — софизма.

Практика «аргумент Диогена» опровергает уже теорему 1. В ней, конечно, вся суть. Остальное всё правильно. Очевидно с помощью теоремы 1 можно доказать вообще всё на свете.

По поводу последней третьей теоремы ты мог бы возразить, а почему N приравнять 1, а не 3-м, например? Совершенно верно. Но это лишь докажет, что бог одновременно и один, и три. И, кстати, так и считают некоторые религии.

Я пишу тебе так подробно о софизмах, потому что считаю склонность к софистическим спорам опасной для тебя.

Если ты займешься самовоспитанием, то борьба с этой склонностью будет, видимо, чуть ли не самым важным.

На этом кончаю. Пиши о книгах, о себе, о Леське — обо всём.

Папа

Дорогой папа!

Так как был мне самым родным, так и остался. Мне очень понравилась твоя сказка о Камышонке и в этом письме напишу тебе, какое бы я хотел продолжение. Я хочу, чтобы Камышонок попал в страну буквоедов и чтоб там заболел, а потом его вылечили «горькой правдой», а потом попал в страну техники и потом прилетел бы на летучеездующем самолёте, сделанном Винтиком и Шпунтиком. И прилетел бы на своё родное болото.

Я был в кино и видел там фильм «Иван Васильевич меняет профессию» и ещё видел фильм «Парад алле». Мне понравились оба фильма. «Иван Васильевич меняет профессию» про машину времени, а ты, наверно, догадался, кто такой Иван Васильевич? Это — царь Грозный, он в этом фильме приходит из своего века в XX век. А ты, наверно, спросишь, кто изобрёл машину времени? Её в этом фильме изобрёл знакомый тебе, наверно, Шурик.

А «Парад алле» о цирке, в этом фильме показано много всяких интересных номеров, но в этом фильме нет таких номеров как глотание шпаги или как циркач ходит по раскалённым углям босыми ногами.

Напиши рассказ про Камышонка.

Дорогой папа, до свидания до следующего письма.

* * *

Мне очень понравилась твоя сказка. И Камышонок Дымле тоже. Мне больше всего понравилось как камышонок Димле играл на дудочке — камышинке. Мне понравилось всё и так как ... камышонка и так как Димле играл с солнечными зайчиками. Ещё хочу узнать как Димле путешествовал и нашёл других камышат, как они жили в камышиной стране. Одни в камышиной

стране, а другие в стране Димле, а назвали эту страну из-за того, что нашёл её Димле.

Мне очень понравилось во 2-м классе, потому что мы учили украинский язык и ещё природоведение.

В лесу я видел следы лося, даже видел следы самого кабана.

Я ещё был в Ташкенте и видел верблюдов, ишаков, старый базар, где много больших дынь и арбузов.

Я за тобой очень скучаю и хочу чтобы ты скорей приехал.

* * *

Дорогой мой папа!

Я очень за тобой соскучился. Пиши сказки и стишки и ещё всякие сценки про «буквоедов».

Папа, у меня есть микроскоп и я в него уже видел много интересного. Например, я видел таких мелких жучков, что простым глазом не увидеть.

Папа, я был в Одессе. Там я с тетей Адой ловили крабов. Я, конечно, ни одного краба не поймал, но две иголки я поймал. У меня и у Димы уже есть ласты. Мы в них уже плавали.

Папа, пиши нам почаще. Я тебя очень люблю.

Твой сын Лесик Плющ

Сказка моя!

Почему сказка, тебе, к сожалению, неясно. Я пытался в одном из писем из Киева развить понятие «сказка жизни», опираясь на пришвинский «Корень жизни», гриновские «Алые паруса», на Шиллера и т. д. Сказку в жизни либо видят, вглядываясь в жизнь (раскрывая уже существующее), либо ищут, либо создают.

Но восстановить то своё состояние я не смогу, и потому не берусь восстановить письмо. Вот попытался восстановить письмо о софистическом мышлении Диме. И не удалось. Получилось сухо и неполно. Напиши его действительную реакцию. А то, судя по его письмам, он может писать щадя мои чувства, дипломатичая.

К сожалению в эту неделю получил письма только от Димы. Твоих нет. Поэтому писать буду только о книгах. Напиши, когда ты отослала бандероль и когда получила извещение о вручении. Бандероль, видимо, задержана на почте. Читаю сейчас «Психологию искусства». Прочел «Проблемы поэтики Достоевского» Бахтина. Вот некоторые цитаты, так или иначе связанные с моими размышлениями. Еще в Москве я начал работать над психологической природой юмора. Расчет был такой. Раскрыть структуру острот и отталкиваясь от неё перейти к психологии. Структуру частично вскрыл Лук. Я писал Татьяне Сергеевне о том, что мне кажется, что слово юмор этимологически связано со словом «мор» — смерть, и это отлично выражает психологическую связь страха смерти (и других эмоций связанных со смертью) и смеха, смехового начала. Сейчас я уже выяснил, что происходит юмор от humor — влага, жидкость. И всё же продолжаю надеяться, что установить связь амур—юмор—мор удастся.

«Карнавал — это великое всенародное мироощущение прошлых тысячелетий. Это мироощущение, освобождающее от страха, максимально приближающее мир к че-

ловеку и человека к человеку». А в карнавале основное — смех.

«Все имеет свою пародию, т. е. свой смеховой аспект, ибо всё возрождается и обновляется через смерть. В Риме пародия была обязательным моментом как похоронного, так и триумфального смеха».

У Выготского нашел косвенное подтверждение своим соображениям о загадке (я писал тебе): «в применении к загадке именно такая удаленность образа от того, что он должен означать, является неременным залогом ее поэтического воздействия . . . Так поступали те учителя, которые желая заменить мудрые и трудные народные загадки рациональными и воспитывающими детскую мысль, задавали детям пресные загадки, вроде следующих: что такое, что стоит в углу, и чем метут комнату. Ответ — метла. Такая загадка именно в силу того, что она поддается полнейшей наглядной рационализации, лишена всякого поэтического действия».

Читала ли ты «Психологию искусства»? Она трудна, но в ней очень много интересных мыслей на разные темы, общезначимые.

ЦК, как пишет мама обычно.

Твой Леня. Привет.

Любимая!

Получил твоё двадцатое письмо. Ты, видимо, перепутала, и его надо считать девятнадцатым?

В эту неделю получил два письма — от тебя и от Ады. Соответственно отвечаю.

Рад, что Леське понравилось начало сказки. Но, к сожалению, всё никак не соберусь написать продолжение. С сюжетом у меня совсем слабо. Следующая часть должна быть о мальчике, открывающем «поющий камыш» и ищущем причину. Должна быть интрига, приключения, а я совсем к этому не способен. Если будет спрашивать, объясни, что я занят (или как-нибудь ещё). Я очень хотел бы поддерживать с ними обоими переписку. Но как? О чём писать?

Ада пишет, что при ней и при маме Леська хнычет меньше, чем при тебе. Причина ясна — привычная с дошкольного возраста позиция, стандарт отношений, точнее (по-структуралистски) — клише отношений. Тебе как-то надо будет изменить это клише, иначе оно войдет в его характер (хныкать в общении с ближайшим человеком, с остальными же держаться).

Это я продолжаю свои старые размышления о том рациональном, что есть в Эдиповом комплексе. Мне кажется, что в детстве, главным образом в семье, создается ряд типов отношений — с отцом, с матерью, дедушкой, бабушкой, братьями и т. д. (со всеми действующими лицами семьи). Эти типы отношений закрепляются и переносятся на других лиц. Появляются своеобразные линии: линия отца, матери, брата и проч. (в зависимости от эмоциональной значимости, их «роли» в детстве).

Такие линии явственно прослеживаются у Шевченко, Достоевского и у совсем ничтожных писателей. Струк-

тура образов в творчестве того или иного писателя часто (если не всегда) линейчата.

У Шевченко, например, линия «Христа»-«сирота», авторское «я», Гонта, декабристы, Христос, Прометей. Что идет перед «я»? Или это и есть линия «я».

Ошибка Фрейда, как мне кажется, состоит в том, что он выделил две линии (отца — матери), причем частный случай клише отношений принял за общий и поэтому чрезмерно сексуализировал.

Читаю «Мышление и речь» Выготского. Прочла ли ты её? Обрати внимание на предисловие Леонтьева и Лурье. Там есть кое-что, что ты могла бы использовать. Если хочешь, я пришлю цитаты, которые я отметил для себя и прокомментирую в связи с игрой.

Ты ничего не написала об игре для Леськи по умножению. В связи с нею я отметил для себя следующее место у Выготского: «Мотивы, побуждающие обращаться к письменной речи, ещё мало доступны ребенку, начинающему обучаться письму. Между тем мотивация речи, потребность в речи, как и во всяком новом виде деятельности, всегда стоит в начале развития этой деятельности... То, что мотивация предшествует деятельности верно не только по отношению к онтогенетическому плану, но и по отношению к каждому разговору, к каждой фразе». Мотив — «это нужно для хорошей учебы» — часто недостаточен не только для первого, но и для более старших классов. В частности, необходимость научиться умножать не ощущается ребенком. Игра, в той форме, что я послал тебе, дает мотивацию каждому ходу — каждому акту умножения. Эта мотивация — игровая («хочу играть, хочу выиграть, а для этого нужно правильно перемножить»). Не помню, вписал ли в правило — при неверном умножении ход пропускается).

Ты могла бы использовать это в работе. С этой мыслью связана более общая: «Мысль — не последняя инстанция. Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наши влечения и потребности, наши интересы и побуж-

дения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция». Я уже писал о связи мышления и эмоций. Тут важно подчеркнуть преимущественно эмоциональный характер игровой деятельности, её эмоциональную насыщенность — т. е. как раз то, что нужно для рождения мысли.

«Конфликтующие структуры» мне вряд ли нужны. Напиши подробнее — о чём? В моей ситуации мне даже Выготского трудно читать (трудно сосредоточиваться), а математическую литературу совсем не удастся, видимо. Так что только при условии полного совпадения моих интересов с математической книгой стоит её присылать.

Вот Бахтин — это здорово. Но я боюсь, что ты слишком тратишься на меня, а сама не успеваешь прочесть. Выготский, например, тебе нужен более, чем мне.

Кто-то умудрился прислать мне большую сумму, и в целом сейчас у меня 80 руб. Зачем? Я всё равно не смогу так много реализовать. Пожалуйста, поменьше тратьтесь на меня.

И твою, и Сашину бандероль (с Аверинцевым, что он послал) я пока ещё не получил.

В случае посылок крен лучше сделать в сторону мясного.

Покончив с деловыми вопросами, возвращаюсь к чтению. Прочел несколько номеров «Вокруг света». Журнал стал кое в чём лучше «Науки и жизнь». Дима! Советую тебе регулярно читать его. Там много интересных научно-популярных статей, заметок, рассказов, в частности фантастических. Я с удовольствием прочел почти все статьи.

Получил ли Саша Фельдман моё письмо? Если не получил, то передай ему спасибо за открытку — очень симпатичную (ну, и естественно, за книги).

В 72 г. (или 71?) вышла книга Лотмана. Видела ли ты её?

Жаль, что получилось так нелепо. Когда я работал

над игрой — не было книг, теперь есть книги — не могу их использовать.

Вот вкратце, что я успел сделать за 1,5 года.

«Морфологию игры», а точнее «Строение и типология интеллектуальных игр» — вчерне закончил. «Эмоциональный баланс интеллектуальных игр» — в тезисах, кой-какие тезисы о других типах игры. Более-менее продвинулся по дидактике игры, «самодостаточности», «опредмечиванию-распредмечиванию» в игре, эталонированию в системе игр, «Ведущая роль игр в развитии дошкольника». Подготовил статью «Игра как специфическая форма отражения», тезисы к статье об играх, моделирующих мировосприятие древних (модель времени в нардах и «гуське»). Кстати, ты, видимо, забыла о моей просьбе выслать статью Гурвича (?) о времени — я на ней ведь базировался.

Особенно мне жаль последнюю статью. Уж больно неожиданные выводы в ней получаются. Она, пожалуй, годилась бы для Тартуского сборника.

Наиболее интересные выводы получаются по темам «эмоционального баланса в игре», «опредмечивания» и «самодостаточности». Эти темы разворачиваются в целые концепции, смыкающиеся с одной стороны с Выготским («Психология искусства» и статья об игре), с другой стороны — с «Философско-экономическими рукописями» и статьей Батищева об опредмечивании. Последнюю я попросил Генчика и Владика выслать мне.

Не могла ли бы ты попросить, чтобы мне разрешили — на короткое время — взять свои бумаги, выписать себе основные тезисы. Тогда я смог бы продолжать хотя бы думать по этим темам, а частично, в тезисной форме обмениваться с тобой теми или иными соображениями по игре. На темы о Шевченке и юморе я уже махнул рукой.

Буду заканчивать.

До свиданья. Твой Лёня

22. 9. 73 г.

P.S. Сказку я со скрипом продолжил. Опиши его реакцию.

Кстати, если будет неясно волшебное свойство Сиклэ — объясни ему, что это слышится как «Лэ-сик». Но пусть он сам — и ты ему повтори — попробует догадаться.

Выпишу на оставшемся месте некоторые цитаты из книг.

«С чем, однако, совершенно нельзя согласиться — это с его идеализацией психологии любви, и в силу этой особенности он принадлежит к числу писателей, своим волшебством преображающих чувства людей» (Мопассан о Пьере Лоти. Лоти я прочел несколько вещей в Лефортово. Характеристика Мопассана справедлива). Эта мысль очень хорошо согласуется с основной мыслью Толстого и Маркова о социальной функции литературы (искусства) как преобразователя эмоций.

«Сколько найдется женщин, которые не знают меня и для которых я доныне — ничто!» (Дон-Жуан у Флобера). Прекрасная характеристика связи одиночества субъекта и любви. То, о чём мы говорили с тобой в последний наш вечер...

«До того как появились учебники орфографии с их твердыми застывшими нормами, в правописании разных людей невольно проявлялись особенности их характера, а также интересные оттенки в выражении мыслей...» (М. Твен «Из автобиографии»). Очень близкие мысли научно сформулированы у Выготского — о формальной и содержательной грамматике.

Здравствуй, мой хороший Лесик!

Очень рад, что тебе понравилось начало моей сказки. Посылаю тебе продолжение. Напиши, понравилось ли оно тебе. Мне самому начало нравится больше.

ПОЮЩИЙ КАМЫШ

Ранним утром к берегу пруда, в котором в камышовом домике жил Димле, пришел мальчик. Самый обыкновенный, несказочный мальчик. Вот разве что имя у него было самую чуточку волшебю — Сиклэ. Но об этом не знал никто — и сам Сиклэ в том числе. «И в самом деле — имя как имя!» — доносится уже чей-то голос. Так-то оно так, но не совсем. Вот попробуйте сами. Быстро-быстро повторяйте это имя — «Сиклэ, Сиклэ, Сиклэ . . .» — и вы сами увидали волшебное свойство имени мальчика.

И ещё у него было одно необыкновенное свойство — он был очень-очень любопытным. О чём ни услышит, что ни увидит — сразу заинтересуется, станет исследовать и испытывать.

Вчера вечером Сиклэ услышал, что на берегу соседнего пруда жерлянки по утрам исполняют хором «Песенку Солнца». И конечно, тут же попросил маму с папой разбудить его, чтобы самому увидеть хор жерлянок.

Не успел Сиклэ подойти к берегу, как увидел и первую жерлянку. Она неспеша прыгала к пруду. Сиклэ осторожно пошел за ней, надеясь, что она приведет его к месту сбора всего хора.

Подул ветерок. Послышалась тихая музыка. Сиклэ прислушался. Звуки доносились со стороны пруда. «Хор жерлянок» — понял Сиклэ и ещё осторожнее продвинулся за жерлянкой. Она достигла берега, оглянулась, посмотрела на Сиклэ и прыгнула под воду. Сиклэ обошел

вокруг пруда — музыка доносилась со всех концов пруда.

Но сколько он ни всматривался в камыш и в воду — певцов не было видно. К тому же это было столь непохоже на обычный лягушачий концерт. Это была музыка, а не пение.

Сиклэ так глубоко задумался над тайной музыки, что, не заметив сучка, наступил на него. Раздался треск. Но пение не прервалось. «Значит, это не жерлянки. От шума они испугались бы и попрятались. Ветер дует в сторону пруда. Может быть, звуки приносит ветер». И Сиклэ пошел против ветра. Музыка стала стихать. Сиклэ сообразил, что опять ошибся — музыка шла из пруда.

Когда он вернулся к берегу, музыка затихла совсем. Ветер тоже. Постояв немного на берегу, Сиклэ обнаружил, что музыка слышится в такт ветру. Ветер затихает — музыка исчезает, ветер усиливается — громче и музыка.

«Значит, создает её ветер» — заключил, наконец, Сиклэ. Загадка становилась всё таинственнее по мере того как он разгадывал её. «На чём и как играет ветер? Неужели метелками камыша? Нет, они лишь шепчут. Листьями? Они шелестят».

Сиклэ подошел к камышу ближе и лишь тогда увидел, что камыш в этом пруду был очень странный — он весь был в дырочках. «Так вот откуда музыка! Кто-то превратил камышинки в дудочки».

Вы, конечно, догадались, что произошло с прудом?

Когда Димле наигрался на своем домике-дудочке, он вылез на крышу-метелку, на самую верхушку. Ветер пригнул камышину, и она верхушкой прикоснулась к верхушке другой камышинки. Димле перепрыгнул на неё. И тут ему пришла в голову забавная мысль — обойти весь пруд-хор. «Придуманно — сделано» — девиз любого камышонка.

Камышонок прогрызал дырочки, взбирался на верхушки метелок и оттуда прыгал на другие дома. Он делал это так, как делают мальчишки в лиственном лесу.

Они взбираются на верхушки тонких упругих деревьев. Под тяжестью их тел деревцо нагибается, раскачивается. Держась за тоненькие веточки, они как на салазках по веткам спускаются на землю.

Но вес Димле был совсем небольшой, и потому он ждал, пока ветер поможет ему согнуть камышину.

Раз — прыжок — и он спустился на лист следующего домика. Два — прыжок — и он на крыше-метелке второго домика. Три — прыжок — и он... в воде. «У-у-уу! Холодно! Придется идти на крышу, загорать и сушиться». Так за несколько часов пруд стал музыкальным.

Проходивший мимо человек услышал музыку, увидел красавицу жерлянку и решил, что поет она. Но он ошибся, так как был невнимательным.

Сиклэ вырвал несколько камышинок — но в них ничего не оказалось. Тайна Музыкального пруда превратилась в тайну того, кто просверлил дырочки.

Что же делать? Рвать весь камыш?

Тайна будет раскрыта, зато исчезнет Музыкальный пруд.

Сиклэ простоял у пруда до самого обеда и так и не раскрыл тайну.

Вечером он привел к пруду своих папу, маму и брата. Они прослушали несколько красивых музыкальных концертов, но так и не догадались, в чём дело.

Здравствуй, сказка моя!

В эту неделю писем получил много. От тебя 26-27 и 23-е. От Юлии А., Верхмана и от Сережи. От Клары писем не получал. Пусть она ещё напишет. Сережа прислал свои переводы Лорки. Передай ему мой ответ.

О качестве перевода мне судить невозможно. Стихи мне нравятся. Украинский язык перевода тоже (т. е. никаких замечаний по языку не имею). Но отвечать на такое письмо — наполненное стихами — мне нечего. Сережа, если бы это были твои стихи, я пустился бы в критику. Ты учти моё бестемье. По этой же причине я не смогу писать Славе. Передавайте ему приветы от меня. Но думаю, что и ему, как и мне, писать будет нечего.

Отвечаю теперь на твои письма.

Какие фрукты привозить? Я уже писал, что не надо слишком твердого (твердых яблок, моркови, редьки) и слишком быстропортящегося (точнее, такие вещи как виноград, мягкие совсем груши и т. д. — в небольшом количестве). Орехи можно. Конфеты не стоит. Можно шоколад, халву. Вообще, у тебя наметился крен в сторону сладкого. Некоторым из больных присылают небольшие банки с мясными консервами: тушонка, колбаса и т. д. Привези ветчину, сыр.

Ну да хватит об этом. Того, что ты привозишь, мне достаточно. Что привозить — фантазируй сама. Например, такие вещи как то печенье я бы не смог предусмотреть. Ты совершенно права, вспоминая науку о подарках.

Ты пишешь о внутреннем диалоге со мной. Здесь я сознательно свернул внутренний диалог с тобой — чтобы не усиливать тоску по тебе, по дому, друзьям и детям. Это сказывается на письмах. Из Киева я писал тебе длинные эмоциональные письма.

Начну вот читать художественную литературу — раскочаюсь в письмах. Я писал уже тебе о своем увлечении Пришвиным. Не можешь ли ты купить мне и себе «Корень жизни» и «Капель» (вместе с «Фацелией»)? Почему ты ничего не написала об этих вещах — ведь я уже писал о них? Мне хочется, в частности, с помощью образов Пришвина передать тебе свои чувства. Своих слов и своих образов мне не хватает. Если будешь читать, обрати внимание на образ ланки, превращающейся в царевну. В «Фацелии» «Корень жизни» («Женьшень») дополняется другими образами. В целом возникает концепция мифа-сказки любви (а шире — приручения), концепция реализации сказки жизни. Так же, как придавая смысл детским каракулям, мы повышаем «каракули» в ранг осмысленного рисунка (смысл, вновь возникший, воздействует потом на форму — «каракули» действительно превращаются постепенно в рисунок, адекватный смыслу), так, создавая сказку по отношению к реальным, животным отношениям, мы очеловечиваем, одухотворяем их, повышаем в ранге. Установка на новый сказочный смысл животных отношений превращает их в человеческие отношения — любовь, дружбу и т. д. Сюда, в частности, входит и приручение вещей — возникновение человеческого отношения к вещам.

Я когда-то говорил тебе об этом новом смысле — человеческом смысле любви (преодоление одиночества субъекта). В «Фацелии» есть прекрасные места, показывающие их «расширение Я», как называет это Пришвин. Жаль, что у меня нет под рукой книги. Там есть много о замещении образа утерянной любимой всем миром как одним лицом. Ты прочти обе вещи — и, я думаю, поймешь моё чувство, которое сопровождало чтение.

Превращение ланки в царевну разъясняет сказку о превращении лягушки в царевну — оно происходит под влиянием мифа любви. Миф, сказка оказывается имеющим реальную жизнетворческую силу. Это ещё одна сторона темы сказки жизни и приручения. (Приручение

ланки означает раскрытие в ней царевны). Тут трудно высказаться яснее, не опираясь на художественные образы.

Во всей концепции самое важное — превращение «каракуль любви» в сказку жизни, реальную сказку любви, «картину любви» под воздействием сказочной установки, сказочного переосмысления. Какой новый смысл мы вкладываем в реальные отношения, таковыми они станут (если таковое становление возможно. Во всяком случае изменения произойдут в этом направлении. Установка меняет действительность в сторону приближения её к установке).

Если достанешь мне книгу, я смогу всё это изложить лучше, точнее — комментируя их и интерпретируя Пришвина.

Ты смотрела в «Античности и современности» перевод «Евангелия от Фомы»? Гораздо хуже канонических «Евангелий» и по содержанию, и по форме. Но всё же приятно был обрадован возможностью прочесть. Будит мысль, эмоции.

Вообще в этом сборнике я нашел для себя несколько интересных статей. Одна дополняет статью Гурвича о времени, другая посвящена комическому у древних, ну и само собой статья Аверинцева. В целом же сборник слишком специален, для филологов.

Очень заинтересовало меня твоё сообщение о введении «игрового обучения» с 6-ти лет в Грузии. Высылай всё, что встретится об этом. Если не перегнут палку с обучением, в сторону обучения, то ничего страшного не будет в школе с 6-ти лет. Ведь это получается что-то вроде нулевого класса или игрово-сказочной подготовки у Сухомлинского.

Твой вопрос о классификационной игре застал меня врасплох. Я этим специально не занимался, так что ничего нового добавить не могу. Задавай мне вопросы конкретные, описывай свою работу, пиши свои тезисы, тогда я смогу что-нибудь добавить.

Пока, моя родная.

Дима и Лесик! Здравствуйте! Как поживаете, как дела в школе? Пишите мне о себе подробнее.

14. X. 73 г

Никак не могу понять, где сейчас Ю. А. — пишет из Крыма, а письмо пришло из Харькова. Поэтому посылаю письмо тебе. Кстати, и прочитай — о сказке я ей лучше изложил. Передай сразу и мою благодарность за открытки. Я забыл вписать.

Саше я сегодня не успею ответить. Передавай привет им обоим.

Дорогая Юлия Александровна!

Все как будто сговорились писать мне о Леське. И Таня, и сестра моя, и Татьяна Сергеевна, и Вы. Всё это приятно, конечно, читать. Я был бы очень рад, если бы часть комплиментов Лесику была перенесена на Диму. Несмотря на многие черты его характера, я надеюсь, что Дима вырастет неплохим человеком.

Леська удивительно повторяет все мои увлечения и влечения (фрейдовского порядка. У него тот же тип психики, что и у меня). Поэтому я могу предполагать, что и недостатки характера частично совпадут. Мне кажется, имеет смысл углубить его коллекционирование и сборы, чтобы они не фиксировались на этом уровне (на «марочном»). Углублять по методу переосмысления. Собрал, например, коллекцию ракушек. После этого натолкнуть его на «исследование» способа закручивания спирали. Все оказались левовращательные? А нет ли правовращательной? Поставить цель — найти. Чем правовращательная ещё отличается? Я пишу наугад, т. к. я в этом более чем слаб. Вы смогли бы более точно поставить доступные ему задачи. С нашим типом психики угрожает поверхностное скакание с проблемы на проблему, точнее, с темы на тему, т. к. соль как раз и состоит в превращении поверхностного поиска тайн в проблемный подход к действительности. Мы с ним любители тайн и их раскрытия (на фрейдовском уровне это наиболее наглядно видно. Леська этим любопытством отличался еще с 3-х лет).

Очень здорово, что Вы поиск сдваиваете — естественнонаучный и художественный. Это поможет избежать засушенности (я в этом плане не учел в своё время Диминого типа и засушил его частично).

Пусть Таня Вам расскажет о «феномене каракуль» — хорошей модели любой сублимации по методу переосмысления. Вкратце это так. Ребенок рисует каракули,

ничего не значащие. Взрослый «узнает» в каракулях что-либо, говорит об этом ребенку. Ребенок уже иначе чертит каракули — переосмысляет их. Новый уровень осмысления воздействует на сами каракули — они постепенно (под влиянием смысла!) превращаются в рисунок. Именно так из секса появляется любовь, из отдельных звуков («лепета») младенца — речь, из чувственных криков — песня, музыка. Это слишком грубая схема, но как схема педагогическая мне кажется плодотворной.

Вот почему я хочу составить для Леськи «план» его поисков, экспериментов и наблюдений: углубляя уровень смысла его занятий. Самое скверное, если увлечение и влечение фиксируется, а не сублимируется.

Не знаю, удалось ли мне это всё изложить достаточно ясно. Состояние у меня — под влиянием лекарства — сонное.

Эпизод с зоопарком меня также радует. Если удастся сочетать научный интерес к живому с этическим, с сочувствием всему живому, с эстетическим — очеловечиванием всей природы, одухотворением, поэтизацией её, то получится искомая духовная гармония.

Очень рад за Сашу (за Тому, конечно, тоже, но я феминист, сторонник женщин — они мне симпатичнее. Это наше хохлацкое). Им письма я пошлю в следующий раз, т. к. сегодня я и так совершил подвиг эпистолярный. А отвечать им придется сразу на два письма.

Пишите мне, когда будет настроение.

Все письма меня очень радуют, особенно тематические.

Не обещаю отвечать. Писать ерунду не хочется. А ерунду не всегда есть настроение и не всегда (по сути никогда) в форме.

Ну, пока. Привет молодоженам и молодородителям. Не совсем понял о Даниле. Это Т. ребенок? Гм... Очень неожиданно и приятно, что они общаются так тесно. Давно пора преодолеть все эти дурацкие нравственные предрассудки — перегородки (нравственные и эмоциональные).

То, что их малыш — чудесный, неудивительно. Они все чудесные, хотя каюсь, до месяцев шести они напоминают мне лягушат, а помоложе — кусочки мяса, довольно неэстетические. Но это, видимо, чисто мужское видение. Я обожаю детей с 3-х лет, когда они очеловечиваются.

Еще раз пока.

Пусть молодожены ещё пишут, не взирая на отсутствие ответа. И так же как в первый раз — порознь. А отвечать я им буду вместе.

2. 9. 73 г.

Ваш Леня

№ 22

Добрый день, Юлия Александровна!

У Вас в Крыму, видимо, все добрые.

У нас в основном пасмурно. Я отключаюсь от этой пасмурности — всякой и разной — в книги, что присылает Таня.

Прочитал вот «Евангелие от Фомы», переведенное в сборнике «Античность и современность» и под впечатлением его попытался написать Тане о «концепциях» «сказки жизни» и «приручения», которые сложились у меня после Пришвиновских «Корня жизни» («Женьшень») и «Капели». К сожалению, не смог воспользоваться своими выписками из этих произведений, и поэтому изложение Тане не удалось.

Попытаюсь вкратце рассказать Вам.

Читали ли Вы «Корень жизни» и «Капель»? Если нет, то обязательно прочтите. Вам это должно понравиться. Очень тонкая поэтическая психология, философия жизни.

Произведения Пришвина, Шиллера, Экзюпери и Грина дали мне образный материал, а психоанализ, детская психология и теория установки — теоретический материал для приблизительно следующей схемы.

Из истории развития ребенка известен «феномен каракуль» — я Вам, кажется, о нём писал в тот раз (увы, не помню точно, а потому вынужден повториться). Ребенок рисует на определенной стадии «каракули». Если взрослый «узнает» в них что-нибудь, то ребенок начнет придавать своим «каракулям» новый смысл. Смысл преобразит прежнее занятие — оно начнет приближаться к рисованию в буквальном смысле. Содержание деятельности ребенка воздействует на её форму, «каракули» становятся рисунком уже не только по смыслу, но и по форме.

Ребенок во всем начинает с «каракуль» (то же происходит и в филогенетическом плане). Так можно говорить о каракулях искусств, каракулях любви и проч., которые наполняются смыслом всё новым и новым и возвышаются, сублимируются, очеловечиваются благодаря этому.

Я раньше упрощал позитивную функцию мифа в развитии, сводя её к опиуму (и негативная — наркоманистическая, и позитивная — обезболивающая, являются наркотической функцией). На самом же деле миф не только является искаженным, фактическим отражением реального и не только помогает вытерпеть это реальное, но и создает установку, которая преобразует реальное, приближая его к мифу (Вы, видимо, знакомы с понятием установки?).

Миф, сказка поэтому является жизнетворческой силой. Под мифом я подразумеваю нечто более широкое, чем религиозный миф, в частности, поэтизацию действительности.

Гриновские «Алые паруса» как раз рассказывают о реализации сказки в жизни. Я всегда воспринимал Грина (и Паустовского, в таких вещах как «Корзина с еловыми шишками») как рассказ о воплощении сказки в жизни.

Такую сказку, которая преобразует жизнь, придавая ей новый смысл, я называю сказкой жизни.

В «Саге о Форсайтах» есть вставная новелла о супругах, создавших сказку друг из друга. У Грина очень близок ей «Голос и глаз».

Сказка жизни не сводится к любви, хотя здесь она наиболее ярко выражена, и потому ей в основном и посвящены все произведения искусства. У Циолковского такой сказкой жизни стала мечта о выходе за пределы «Колыбели». Часто сказка жизни находит своё выражение, концентрируется, кристаллизуется (в смысле Стендалевского «Трактата (?) о любви») в образе. Так возникает образ «Алых парусов», Христа, ланки-корня жизни — Фацелии у Пришвина, Розы для Маленького Принца.

Теперь я связываю обе части — «каракули» и сказку. Возникает сказка жизни. Она вырастает, сублимируется из каракуль, т. к. каракули приобрели новый смысл, им не присущий — сказку. Сказка становится магнитом, отклоняющим в свою сторону развитие из «каракуль». Чудище из «Аленького цветочка» превращается в прекрасного принца, лягушка — в царевну, ланка у Пришвина — в царевну.

В конце концов вся культура есть культивирование человека из дарвиновско-фрейдовского чудища.

Со сказкой жизни внутренне связана тема приручения. По мере становления человека как личности, субъекта перед ним всё более грозно встает проблема абсолютного одиночества — одиночества среди природы и среди других субъектов. Вся человеческая культура (тут я противопоставляю её цивилизации) представляет собой решение и этой проблемы, выход человека за свои границы, к Другому и к Природе. Этот выход осуществляется по пути присвоения и приручения.

Присвоение лишает всё окружающее самоценности и самостоятельности. В «Царевне-лягушке» это выражено *посвятельством* на границы лягушки — шкурку (сожжение), в «Корне жизни» — желанием автора *схватить*

ланку, в «Саге о Форсайтах» посягательством Флер на Джона (Двух других действующих лиц не помню уже — отец Флер и его жена). Описать процесс приручения я не смогу. У Пришвина он хорошо показан (с ланкой и Фацелией). Есть оно в «Маленьком принце» (Лис и Роза). Приручение — это сказка, в отличие от хватания руками. Приручение — проникновение в тайну Другого, с уважением к этой тайне, к самоценности Другого, к его индивидуальности. В приручении Роза выделяется из всех роз (в этом — сказочность. В самом деле, чем Роза Принца лучше тысяч других роз, что он видел в оранжеее? Сказочен выбор — лягушки в сказке, ланки у Пришвина) и является самоценной (не как одна из тысяч, а ценна своей индивидуальностью, равной самоценности, особенности выбирающего Я).

Тут всё дело в том, чтобы другой стал для «Я» «Ты» (в присвоении он — «не-Я»).

По отношению ко всякому присвоению можно повторить слова: «Каин, Каин, где брат твой Авель? Что сделал ты с братом своим?»

Вот это *сделал* — и определяет присвоение в отличие от приручения. Сделать можно только с чем-то чужим, неравноценным, служебным, низшим. В приручении имеют дело с равной «Я» природой и Другим, можно вести с ними диалог, а не делать.

Вам получилось лучше, чем Тане. Пишите о людях, книгах.

Ваш Леня

Родная, здравствуй!

Ожидаю сегодня твоего приезда. Получил письмо от тебя — 31-е.

У меня произошли изменения — я переведен в новое отделение — 9-е. Поэтому в адресе нужно будет писать «РБ-9».

Письма писать мне труднее. Думал написать свои замечания о конструкт.-строительной игре. Не смогу. Рассмотрю их, эти игры, с точки зрения опредмечивания-распредмечивания и генезиса игры. Игра развивается в сторону возникновения мысленного плана и мысленной конструкции — из опредмеченных.

Получил очень милые письма от Лесика. Любимая, пиши мне побольше — теперь ваши письма станут для меня ещё большей опорой.

Лесик, опиши мне, что ты видишь в микроскопе.

Дима! Я теперь «Технику молодежи» не читаю, так что можешь присылать вырезки и из неё. Читаю «Науку и жизнь», «Литературную газету». С Нового года подписался на полгода на «Новый мир».

22. X. 73 г.

Ваш Лёня

Часть II

ДИАГНОСТИКА И ЛЕЧЕНИЕ

Глава 1

ПОСТАНОВКА ДИАГНОЗА В МЕДИКО-ЮРИДИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Л. И. Плющ, математик по профессии, участник Инициативной группы по защите прав человека в СССР, арестован 15 января 1972 г. в Киеве по обвинению в антисоветской деятельности.

До 29 апреля 1972 г. содержался в Киевском следственном изоляторе КГБ УССР. Шли допросы. Л. Плющ выбрал позицию молчания.

После окончания допросов переведен в Москву, в следственный изолятор Лефортовской тюрьмы. В Киеве в это время продолжается допрос свидетелей.

В середине октября 1972 г. возвращен в Киевский следственный изолятор.

В декабре 72 г. следствие заканчивается. Жена впервые узнает, что её муж признан душевно-больным.

С 25 по 29 января 1973 г., через год после ареста — заседание Киевского областного суда. Суд официально закрытый, так как, по заявлению судьи Дышеля «данное судебное разбирательство является государственной тайной».

Зал пуст. В нём присутствуют только три члена суда, прокурор и адвокат. Ни обвиняемый, ни эксперт не вызваны. Жена и родственники не допущены.

Суд определил: «Направить Л. Плюща на принудительное лечение в больницу специального типа».

В течение полугода, до июля 1973 г., в высших судебных инстанциях УССР решается вопрос о типе психиатрической больницы. (Кассационный суд, протест Прокурора, Пленум Верховного Суда Украины).

5 июля 1973 г. Верховный Суд УССР выносит окончательное решение: «Направить Леонида Ивановича Плюща на принудительное лечение в *специальную* психиатрическую больницу ввиду особой социальной опасности его антисоветских действий».

Никаких *действий* не было. «Преступление» Л. Плюща состояло лишь в том, что он подписывал письма-обращения Инициативной группы в ООН, хранил у себя дома рукописи собственных работ на философско-этические темы и материалы самиздата.

Основанием для направления на принудительное лечение явились заключения 2-х московских *судебно-психиатрических экспертиз*.*

В действительности Л. И. Плющ был подвергнут *трем* (одной в Киеве, двум — в Москве) судебно-психиатрическим экспертизам, из них *ни одна* не проводилась в стационаре.

Первую экспертизу, в марте-апреле 1972 г., провели эксперты судебно-психиатрического отделения Киевской областной больницы (доктор мед. наук Лифшиц, зав. отд. Винарская, врач Кравчук) амбулаторным путем в тюремных условиях следственного изолятора КГБ в Киеве. Согласно этой экспертизе испытуемый представляет собой «психопатическую личность»; «вел себя несколько демонстративно, завышенный уровень притязаний, позерство»**, вменяем.

Прокурор по надзору за КГБ Малый заявил, что в «деле Л. И. Плюща такой экспертизы нет», это же несколько позже подтвердил и адвокат Л. Плюща Кржепичкий. Однако мне хорошо известно, что Киевская экспертиза состоялась. Это может подтвердить Матильда

*) Зарансе прошу извинения за неизбежные в условиях «сугубой секретности дела» неточности в передаче текстов экспертиз. Тексты экспертиз даны на основании 2-х источников.

***) Выписка из «Истории болезни Л. Плюща» в киевском варианте.

Соломоновна Чечик, которая более 20 лет была экспертом этой больницы и лично видела заключение экспертной комиссии. В сентябре 1973 г. М. Чечик выехала из Советского Союза в Израиль.

Вторую экспертизу провела Комиссия экспертов Ин-та им. Сербского под председательством директора Ин-та члена-корр. АМН Г. В. Морозова в следственном изоляторе Лефортовской тюрьмы в форме 2-х часовой беседы.

Заключение Комиссии:

«Материалы дела, рукописной продукции, результаты обследования свидетельствуют о том, что Плющ Л. И. страдает психическим заболеванием — медленно текущей шизофренией. С юношеского возраста страдает паранойальным расстройством, которое характеризуется идеями реформаторства, расстройством эмоциональной сферы, некритическим отношением к своему состоянию. Представляет социальную опасность: следует считать невменяемым, подлежит направлению в специальную психиатрическую больницу на принудительное лечение».*

Комментарий к экспертизе:

Изъятые на обыске «материалы рукописной продукции» представляют собой черновые наброски будущих статей на темы морали и этики, своего рода пробу пера в области социальной философии и психологии личности**, наброски произведений литературоведческого характера. Честно работать над подобными темами в наших условиях неимоверно трудно. Человек думающий, пишущий, вынужден держать свои работы вне дома, если он заинтересован в том, чтобы они не пропали в тайниках КГБ. Отсюда — для не посвященного в эти трудности человека — подобные черновики могут показаться «странными», ибо представляют собой обрывки начатых и незаконченных мыслей, в них обычно бывает много пропусков, многоточий. Записи часто содержат лишь намек на какую-то концепцию, а не её изложение,

*) Заключение второй, а также публикуемой ниже третьей экспертизы из «Истории болезни Л. Плюща» в московском варианте прочтены прокурором по надзору Малым: записаны с его слов.

***) См., напр., дополнительное приложение № 3.

и поэтому могут быть расшифрованы лишь самим автором, что он и надеется сделать когда-нибудь впоследствии. Естественно, такие обрывки при желании можно истолковать как «наивные суждения», «неупорядоченное мышление», «хаос, сумбур», и т. д.

Вторая экспертиза почему-то не удовлетворила следствие, и оно потребовало новую. Вот как обосновано это требование в следственном деле: «Основанием для заключения были данные дела с *клинических наблюдений*. Данные экспериментально-психологические, биохимические, высшей нервной деятельности использованы не были».* **

Назначается *третья экспертиза* под председательством акад. АМН А. В. Снежневского.

Заключение Комиссии:

«Страдает хроническим психическим заболеванием в форме шизофрении. Указанное заболевание характеризуется ранним началом с формированием паранойального расстройства — элементами фантазии, наивностью суждений, — что и определяет поведение. В последнее время характеризуется появлением идей изобретательства в области психологии: присутствует *некритическое отношение к содеянному*. Представляет социальную опасность, нуждается в лечении в психиатрической больнице».

«За время от первой (имеется в виду первая Московская) экспертизы состояние ухудшилось... Появилось расстройство эмоционально-волевой сферы (апатия, безразличие, пассивность); стабильная идея реформаторства трансформировалась в идею изобретательства в области психологии; ... Направить на принудительное лечение в психо-неврологическую больницу».*

По-видимому, третья экспертиза удовлетворила следствие, хотя и на этот раз она состояла исключительно из бесед, одну из которых (последнюю) провел акад. А. Снежневский: ни психологических тестов, ни каких-либо иных исследований не было.

***) Цитата заимствована из кассационной жалобы адвоката в Верховный Суд СССР (приведена без ведома адвоката). Верховный Суд СССР отказался принять дело к рассмотрению, сочтя определение Верховного Суда УССР достаточно обоснованным.

*) Цитата заимствована из Кассационной жалобы адвоката в Верховный Суд СССР (приведена без ведома адвоката).

Комментарий:

1. К моменту проведения последней экспертизы (октябрь 72 г.) испытуемый уже долгие месяцы находился в полной изоляции от внешнего мира — он ничего не знал о семье, детях, друзьях — и очень тосковал («апатия», «безразличие»).

2. Не участвовать ни в следствии, ни в судебном разбирательстве, так как никто никого не вправе судить за убеждения — такова позиция Л. Плюща. Он остался верен ей и во время проведения экспертиз.

3. Уже находясь в следственном изоляторе, Л. Плющ создал работу «Морфология игры», а также придумал несколько сказок и изложил их в письмах к своим детям (письма не получены). К сожалению, эту работу и письма оказалось невозможным присоединить к публикуемым в данном сборнике письмам и статьям Л. Плюща: они включены в «Историю болезни» и находятся в Днепропетровской психиатрической тюрьме.

15 июля 1973 г. Л. Плющ направлен в специальную психиатрическую больницу в город Днепропетровск.

ЛЕЧЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ТИПА

Все специальные психиатрические больницы в СССР официально, согласно Закону, находятся в ведении *Министерства внутренних дел* — МВД, ему же подчинены все тюрьмы и лагеря (исправительно-трудовые колонии) Советского Союза.

Многие специальные психиатрические больницы размещены в зданиях бывших тюрем или на территории ныне действующих тюрем.

Примеры.

Специальная психиатрическая больница в Ленинграде — бывшая дореволюционная женская тюрьма.

Специальная психиатрическая больница в Орле (находится в одном здании с действующей тюрьмой) — бывшая дореволюционная тюрьма, известная в истории под названием «Орловский централ».

Специальная психиатрическая больница в Черняховске (бывшая Кёнигсбергская, ныне Калининградская область) — старая немецкая тюрьма.

Специальная психиатрическая больница в Сычевке (Смоленская область) — бывшая тюрьма или казарма, построенная при Екатерине I: во времена немецкой оккупации в последней войне — каторжная немецкая тюрьма.

Начальники психиатрических тюрем, главные врачи, начальники по режиму, по хозяйственной части, контролеры* — военнослужащие МВД; обслуживающий персонал (санитары и «хозобслуга») — отбывающие свой срок уголовные преступники.

Форма содержания, отношение обслуживающего персонала, условия, в которых осуществляется лечение

*) Контролеры — лица, осуществляющие контроль за т. н. поднадзорными больными. К поднадзорным больным принадлежат и инакомыслящие.

(переполненные камеры, почти не вентилирующиеся, отсутствие воздуха, грязная арестантская одежда), — всё это свидетельствует о том, что эти больницы — не лечебные учреждения, а места заключения для душевнобольных.

Люди, формально считающиеся больными, приравниваются к осужденным преступникам и содержатся как преступники. В то же время, не менее тяжелые и *опасные* душевнобольные, но не совершившие преступления, карающегося законом, находятся на излечении в больницах общего типа (таких, например, как больница им. Кащенко в Москве или больница № 5 на станции Столбовой Московской области). Это разделение абсурдно. Больные есть больные — их надо лечить, а не держать в тюрьмах.

Однако проф. Лунц, например, настаивает на необходимости таких тюрем, мотивируя это тем, что само пребывание в больницах *специального* типа, благодаря их строжайшей изолированности, более эффективно содействует лечению шизофрении, когда страдающий ею больной уже совершил преступление.*

Это бесчеловечно.

Тем более бесчеловечно, когда в эти условия попадают люди, «преступление» которых состоит в том, что они смеют иметь «особое мнение» (т. е. собственную точку зрения) и отстаивают его.

Это бесчеловечно и именно поэтому окружено строжайшей «государственной тайной».

*) Я лично слышала такое утверждение проф. Лунца на судебном процессе над Н. Горбаневской, где он отвечал на вопросы в качестве эксперта.

«ЗДЕСЬ СТРАШНО, ЗДЕСЬ ТАК СТРАШНО»**

В городе Днепропетровске на территории действующей тюрьмы сравнительно недавно была организована специальная психиатрическая больница. Окружающая её белая кирпичная стена заканчивается тремя рядами колючей проволоки. За первой стеной видна вторая — тоже с проволокой, за ней — красное кирпичное здание, в центре которого возвышается белый куб.

Это и есть Днепропетровская психиатрическая тюрьма.

Больше ничего не видно. Не видно и деревьев, не видно потому, что их просто нет, — каменный мешок — это дворик для прогулок.

Сюда, в конце июля 73 года, с ярлыком преступника-душевнобольного прибыл Леонид Плющ.

Отныне его семья — буйные сумасшедшие, его жилище — камера.

И никто в этой камере не имеет покоя, и никто не может жаловаться на те условия, в которых вынужден жить годами.

Это *строжайше* запрещено.

Да и кто поверит людям с расстроенным рассудком: им, ведь, свойственны «элементы фантазии», «наивность суждений», «кошмары и бреды».

Больные находятся в камерах по 20-25 человек, на окнах решетки, освещение плохое, холодно. Какова величина камер, сколько окон — узнать не удалось. Даже неизвестно, есть ли постельное бельё.

Не известно, что едят больные и сколько раз в день. На сбритых наголо людях — грязное бельё и заношенные арестантские одежды. Такая же одежда на обслуживающих больницу уголовных преступниках. Прогулка — час в день.

Но только ли это вызывает тоску, затаенную тревогу и, наконец, просто страх у помещенных в учреждения подобного типа больных и небольших людей?

***) Слова Л. Плюща.

Почему их покорность носит какой-то, хоть и еле уловимый, но совершенно особый, непривычный оттенок?

Обратимся к некоторым свидетельствам.*

*I Рассказ очевидца***

Специальная психиатрическая больница в городе Сычевке Смоленской области (п/я ЯО 100/6).

Отделенная лишь деревянным забором Сычевская психиатрическая больница-тюрьма непосредственно примыкает к лагерю для заключенных.

Из 600 уголовников, находящихся в лагере, 200 работает санитарями в этой психиатрической тюрьме. Кроме того, многие обитатели лагеря — *бывшие* пациенты или *бывшие* санитары этой «больницы». Отсюда — неизбежная утечка информации, несмотря на тщательный досмотр охраны (например, перед выходом из психиатрической тюрьмы в лагерь санитаров раздевают догола и обыскивают). Вот благодаря этой-то утечке и удалось установить следующее.

Больные находятся полностью во власти безграмотных, грубых санитаров, которые усиленно применяют к ним методы физического воздействия. Всех больных в глаза и за глаза они называют «дураками». Один заключенный, бывший санитар с завистью вспоминает:

— Хорошо работать в психушке: всегда есть, кому морду набить.

— А зачем бить?

— Да вот так. Стоишь посреди коридора. Идет дурак, крадется по стеночке. Скучно, ведь. Как дашь ему в рыло, словно веселее станет.

Другой санитар (высокий, крепкий, здоровый парень) жалуется:

— Руки у меня сегодня болят.

— Отчего болят?

— Одного дурака дубасил.

Третий рассказывает:

— Мне врач делает замечание, почему в палате грязно? Вышел он, я как стукну первого попавшегося дурака по шее и говорю:

*) К сожалению, я не располагаю пока никакими иными материалами о Днепропетровской специальной психиатрической больнице, кроме излагаемых в этой работе.

**) Фамилия, имя, отчество очевидца мне известны. Он согласен подтвердить свой рассказ.

— Помой сейчас же пол и убери, чтоб всё было чисто, как в зеркале.

Избиения производятся не только для наказания, но и для своеобразной забавы.

У заключенных-больных нет табаку. Его им выдают санитары. Плата за табак — 20 «щелбанов» (щелчков, или 25 «банок», ременной пряжкой).

Всё это — система, так что начальство и врачи никак не могут этого не знать.

В некоторых палатах на 7-8 больных приходится одна пара тапочек, так что больные принуждены лежать в постели. Больные не могут отправлять свои естественные надобности, т. к. санитары не всегда по первой просьбе выводят в уборную. Сами же больные выходить туда одни не имеют права, поэтому они вынуждены терпеть иногда по нескольку часов.

При психиатрической тюрьме имеется библиотека. Однако пользоваться ей больные не имеют права. Таким образом, большинство больных находится в состоянии томительного бездействия или монотонной, «идиотской» работы (напр., плетение сеток).

Врачи злоупотребляют уколами, которые применяются не только как средство лечения, но и в качестве репрессии: за грубый ответ пациента, по жалобе санитаря и т. д. Кроме того, широко применяется так называемая «привязь», когда больного привязывают к койке иногда на целые сутки (чаще, больных, проявляющих агрессию).

В больнице имеется 10 отделений (самые страшные — 7-ое и 10-ое отделения). Состав больных весьма разнообразный: заключенные, заболевшие во время пребывания в лагерях (по возвращении их выписывают обратно в лагерь); симулянты и аправанты — преступники, на совести которых зверские убийства, и которые предпочитают психиатрическую больницу расстрелу или пребыванию в особых лагерях; имеется немало лиц, заключенных по религиозным мотивам. Многие доставлены в город Сычевку из Москвы, Ленинграда и Украины. Среди них есть и лица, содержащиеся по «политическим» мотивам (например, Юрий Белов и Михаил Кукобака*).

II Семь раз Казань**

Юрий Иофе

Дело было так:

Проснулся утром,

Взглянул в окно:

— Кругом — советская власть.

*) Об их делах см. «Хронику текущих событий» 9, 18, 26, 27.

**) Взяты только отрывки из этого «Документального поэто-очерка № 5», имеющие непосредственное отношение к теме данной работы.

Казанская спецтюрьма, психиатрическая больница специального типа, учреждение УЭ-148/СТ-6, расположена на уединенном унылом пустыре, за белым брандмауэром, на берегу реки Казанки.

Заведует этим учреждением доктор А. Р. Мердеев: сквозь белый халат проступает военный мундир.

Место свиданий — низкая, грязно-белая проходная с зарешеченными окошками. Её украшают часы и портрет Чехова, автора «Палаты № 6»; под портретом плакат с известной цитатой: «В человеке должно быть всё прекрасно — и лицо, и одежда, и душа, и мысли»...

Часы необходимы: они отбивают минуты свидания.

Таков фасад. Интерьера я не видел. Знаю о нём только понаслышке.

Вот что я узнал.

Палата № 93, где содержалась моя дочь*, невелика — 14 м.² Синие-зеленые стены, дверь — чуть посветлей. В двери — кормушка для кормежки. Напротив двери — окно, в него сквозь решетку видно солнце, оно садится за белым брандмауэром, за черными деревьями, где-то за рекой Казанкой.

В темные часы в палате № 93 светит неугасимая лампочка без абажура.

Население палаты — 5-6 человек, в основном — убийцы. Назову некоторых обитательниц — сокамерниц моей дочери, а также других, знакомых ей по прогулочному дворику.

Вера Иванова, 41 год. Забила топором свою мать. Себя считает английской королевой Вилей. Всё время откращивается от чертей, ибо черти насилуют её, английскую королеву, в задницу. Одолевают её и рептилии. То и дело умоляет Ольгу снять у неё со спины змею.

Анида Гехт, 35 лет, немка, видимо — из переселенок. Изувечила своего отца. Помешана на том, что лечат только русских, немцев же калечат. Агрессивна, как щука (Гехт, точнее — Хехт по-немецки значит щука).

Татьяна Гусева, возраст неизвестен (идет ещё по 58-ой статье, согласно сталинской нумерации) — за преступление против государственного флага. По тюремным преданиям поступила сюда веселой девушкой с пышной косой. Теперь, после 12 лет лечения — бритая стопроцентная идиотка.

Ольга Ножак, возраст неизвестен, статья 58. Сидит 16 лет. Бодрая гитаристка, сгорбленная от постоянного общения с

*) Ольга Йофе, обвинявшаяся по 70 ст. УК РСФСР, 20-го июня 1970 г. по определению Московского городского суда была направлена на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа в г. Казань. Оле было тогда 20 лет. См. «Хронику текущих событий» 15.

гитарой. Сочиняет песни, наиболее популярна «Вставай казанский заключенный» — поет её на мотив «Интернационала». Кроме песен, выкрикивает лозунги.

Люба, по кличке «Телевизор», 38 лет, по виду — 50, в диаметре — 1,5 метра. Убила своего любовника на 7-ой день счастливого сожительства: померещилось, что он стащил 20 руб. Торгует продуктами из своих передач (головка чеснока — 10 коп.). На воле жила со своим отцом.

Мария Щекач, без возраста, урожденная имбецилка. Испражняется под себя. В свободное от испражнений время роется в уборных, тщательно собирает их содержимое, бережно прячет его в карманах халата. Всех мужчин кличет дедами, женщин — машинами.

Ховря Петракова, полупарализованная, наголо обритая мастерица по матерным частушкам. Ладным голосом исполняет:

М. . . вошка из окошка
высунула голову:
По . . . те, ради бога,
Помираю с голоду.

Пение сопровождается плевками, бывает — и блевотиной. Санитары с восторгом вызывают Ховрю на бис.

Ещё Ховря рьяно натирается конфетными бумажками.

Другие обитательницы учреждения УЭ-148/СТ-6 — в том же роде. Онанистки, лесбиянки, нимфоманки.

Одна из них, для меня — безымянная, сидит голая на снет, с наслаждением втыкает себе сосульку в то место, которое вдохновенный поэт окрестил «Розовым потайным гротом», и которое в просторечье называется куда проще и звонче.

Другая пристрастилась целовать мою дочь, когда та сидит на толчке.

И так далее.

Повседневно — цепкие схватки. Из-за места под душем. Из-за валенок и ватников.

И это —
не мешает есть и пить,
курить, блудить, рядиться, раздеваться
и радоваться.

А Оле — 20 лет!

Пару слов о медперсонале.

Ольга Ивановна Волкова. Врач. Убеждена, что «видит всех насквозь». При выписке ласково напутствует: «Ты ещё сюда вернешься».

Санитарка Роза — душеспасительная провокаторша по кличке «Дорогая моя».

Обслуга — из заключенных (вменяемых). Эта обслуга охотно истязает других заключенных (невменяемых). Особенно прославился некий Славик — он избивал привязанных к кровати женщин. За усердие этот Доброхот получал от начальства всякие льготы и — для подкрепления — глюкозу.

* * *

«Организационные формы советской судебной психиатрии дают реальные гарантии охраны прав психически больных». — Д-р Лунц, доктор медицинских наук, профессор. «Советская судебная психиатрия» изд. «Знание», 1970 г., стр. 32.

* * *

22-23 августа Л. Плющ, спустя *полтора* года после ареста, получил первое свидание с женой. Свидание происходило, согласно правилам данной тюремной больницы, на расстоянии 2-х метров друг от друга в присутствии двух тюремных служащих.

Вскоре от него пришли первые письма.

Леонид Иванович просит жену хлопотать о переводе его в любую другую больницу того же типа (Орловскую, Ленинградскую, Казанскую — всё равно). «То, что творится здесь, ни с чем не сравнимо. Казанцы мечтают попасть обратно в Казань».*

В день свидания, 22 августа, «больному» *начали давать галоперидол*. Почему именно галоперидол, никто не объясняет.

— Какая дозировка? — Индивидуальная.

— «Ваш муж тяжело болен, — добавляет врач Э. П. Каменецкая.** — Мы будем его долго лечить разными препаратами: сначала галоперидолом, потом назначим что-нибудь ещё».

*) В Днепропетровской спецпсихбольнице есть пациенты, переведенные сюда из Казанской спецпсихбольницы.

**) Элла Петровна Каменецкая (заведующая 12 отделением Днепропетровской специальной психиатрической больницы, она же первый лечащий врач Л. Плюща) отказалась назвать не только свою фамилию, но даже имя: «У нас не полагается». Имя и фамилию мы узнали позже и не от неё.

Л. Плющ просит не присылать ему беллетристику. Художественная литература не вызывает таких эмоций, которые могли бы заставить не замечать окружающей обстановки, а потому читать её невозможно. Л. Плющ хочет попытаться продолжать свои научные поиски: наука всегда поглощала его. Следственный изолятор теперь кажется ему раем: там он мог читать, там он со-здал «Морфологию игры».

Леонид Плющ не изменил своих убеждений и своей позиции. Он не признает себя больным и именно поэтому отказался от пенсии, которую предложили ему оформить, как инвалиду, страдающему психическим заболеванием.

ПАЛАТА № 9

19 октября, в пятницу, жена Л. Плюща, Татьяна Ильинична Житникова, приехала в Днепропетровск на очередное свидание с мужем, взяв с собой четырнадцатилетнего сына Диму.

В свидании ей было отказано:

«Л. Плющ переведен в другую палату. А там больной на соседней с ним койке заболел каким-то острым инфекционным заболеванием, поэтому Ваш муж сейчас на карантине. Попробуйте прийти в понедельник, может быть, к тому времени картина прояснится и Вы получите свидание».

Три дня, которые Т. Житниковой с сыном пришлось провести в Днепропетровске, были для неё тревожными. Её томила неизвестность. Почему Л. Плюща перевели в другое отделение? Лучше или хуже ему там? Увидит ли она его на этот раз или придется возвращаться в Киев, не повидавшись?

Каждая поездка в Днепропетровск требует денег, а их почти нет. На иждивении Т. Житниковой двое детей и сам Леонид Иванович, которому она старается передать наиболее полезные продукты, лишь бы приняли.

На этот раз Татьяна Ильинична привезла с собой сына, о котором почти в каждом письме спрашивает отец,* — это вдвое удорожило саму поездку.

Однако не это главное. Главное — сам Леонид Иванович, ведь он всегда так ждет часа свидания с ней! Ими, этими свиданиями, он сейчас только и живет. Наука помогает ему отрешиться от окружающей обстановки, углубиться в себя, не видеть... и скоротать время до очередного свидания.

*) См. часть 1-ую, «Письма Л. Плюща».

Тревога всё росла. Она росла ещё и потому, что Татьяна Ильинична в первый же день своего приезда в Днепропетровск заметила, что за ней и сыном постоянно следят агенты КГБ. Почему? Может быть, что-нибудь случилось с мужем? Кроме того, слезка сильно затрудняла её жизнь: как бы не причинить вреда людям, которые приютили её с сыном на эти 3-4 дня.

Наступил понедельник. Свидание получено, разрешили присутствовать даже сыну.*

Когда в комнату для свиданий ввели Леонида Ивановича, его невозможно было узнать. В глазах боль и тоска, говорит с трудом, с перерывами, часто откидывается на спинку стула в поисках опоры. Видно, как он сдерживается, временами закрывает глаза, стараясь вести разговор, отвечать на вопросы. Но вот внутренние силы истощились, кончились. Леонид Иванович начал задыхаться, расстегивать непослушными пальцами свою одежду, его начало ломать, лицо исказилось судорогой, стало сводить руки и ноги. Он то судорожно вытягивался, напрягаясь всем телом, то бессильно падал на стол. Было заметно, что временами он теряет слух. Но он крепился — перед ним жена и сын, совершенно обескураженный увиденным, — старался говорить, судорожно проглатывая слюну. Судорога перехватила горло, голосовые связки. Леонид Иванович не выдержал и сам попросил окончить свидание (на 10 минут раньше). Его увели.

По слухам, палата № 9 «самая тяжелая», по восприятию Леонида Ивановича — невыносимая.

Удалось узнать лишь, что в палате 26 человек, среди них много агрессивных («буйных») сумасшедших. Все больные находятся в палате-камере *безвыходно*. Выводят их только раз в день на часовую прогулку и на «оправку». Новый лечащий врач Л. Плюща, Лидия Алексеевна**, производит впечатление жёсткого, чёрствого человека. В беседе с женой Л. Плюща она сказала,

*) До этого говорили «не положено».

***) Фамилию назвать отказалась.

что не успела ещё как следует ознакомиться с «больным», потому может сообщить о нём очень немного.

— Пока я ещё не обнаружила у него «философской интоксикации» . . . Однако у больного отмечается склонность «к математизации психологии и медицины». Я врач и понимаю, что математика не имеет никакого отношения к медицине.

На вопрос о том, какое лекарство принимает Леонид Иванович (ему дают какие-то таблетки три раза в день), врач отказался ответить жене:

— Зачем Вам это знать? Что надо — то и даём.

Во время свидания Л. Плющ предупредил жену о том, что теперь он уже ничего не может, даже писать ей письма. Попробовал — смог написать только $\frac{1}{2}$ странички — и не отправил. В ответ на настоятельные просьбы жены он обещал отсылать письма, даже если они будут состоять из одной строчки.

Вскоре стало известно, что после свидания Л. Плющу было очень плохо: он корчился в беспрерывных судорогах, вскакивал, снова ложился, меняя положение рук, ног, всего тела — ничего не помогало. Не спал всю ночь.

Прошло две недели. За это время жена получила от мужа только одно короткое письмо. То самое, которое он обещал ей отослать (см. письмо № 23).

И вот следующее свидание. 6 ноября 1973 г. Снова волнение, тревожное ожидание, опасение, что на этот раз они не увидят друг друга, скажем, из-за физического состояния Леонида Ивановича.

Увиделись. Более того, физическое состояние Л. Плюща улучшилось: не было спазмов, судорог, смог выдержать свидание до конца. Объяснение простое — уменьшили дозу лекарства до 30 мг. (предшествующая доза неизвестна). Препарат дают в каплях. Корректор? Нет, видимо, не дают. По крайней мере, кроме этих капель, ничего не дают: ни капель, ни таблеток типа циклодола, ни порошков.

На этом месте разговор был прерван замечанием де-

вушки в белом халате, которая постоянно присутствует на свиданиях:

— Он может напутать, не так передать, и Вы поймете неправильно.

Состояние Леонида Ивановича всё время сонное, читать почти не может, с трудом написал накануне письмо (в предыдущее воскресенье пропустил очередной срок, отпущенный на письма, — не смог ничего написать). Теперь и научные книги просит пока не передавать: не только не может читать, даже думать не может.

Общее состояние — апатия. Больше слушает, говорит мало. Чувствуется, что говорить ему трудно, вначале даже заикался. Почти ни о чём не спрашивает. Живой интерес, присущий ему, ко всем и ко всему теряется. Всё безнадежно, бессмысленно. Никто и ничто не в силах помочь.*

Единственные просьбы, обращение к жене:

1. Береги себя, чтобы с тобой ничего не случилось.

2. Понимаю, что бесполезно, но всё-таки попроси, чтобы передали обратно в отделение № 12 (см. предыдущую главу: «Здесь страшно, здесь так страшно!»). Там, например, можно было хотя бы самому стирать с себя бельё, здесь и это невозможно. Может быть поэтому просит не передавать мыла и почему-то табака. Почему? Не объясняет.

Жалуется, что болят зубы (или десны?), поэтому просит ничего жесткого не передавать: ни копченой колбасы, ни печенья, ни моркови, ни редьки.

Просит всех извинить, что не отвечает на письма, но ему просит писать. И добавил: «Письма выдаются мне только для прочтения, а потом отбираются. Фотографии семьи, жены, детей тоже только показали».

В комнату для свидания входит лечащий врач Л. И. Плюща и поздравляет всех присутствующих с наступающим праздником *Великого Октября*.

*) В это время (8-12 октября) в СССР проходил Международный семинар по шизофрении.

Вместо общепринятого ответного поздравления раздаётся вопрос:

— Меня интересует диагноз моего мужа, Л. И. Плюща. Почему ему дают галоперидол? Дают ли корректор и какой?

— Какой корректор? А вам зачем это знать?

— Но ведь я знаю, что дается галоперидол. Именно этим объясняется тот приступ у моего мужа, свидетелем которого я была на прошлом свидании.

— А что, разве Леонид Иванович жалуется? Ведь у нас с ним прекрасные отношения. Неправда ли, Леонид Иванович?

Леонид Иванович молчит. Лишь во взгляде промелькнула и тут же усилием воли была погашена искра недоброжелательности, так не свойственная его натуре.

— Что же касается вашего вопроса, — обратился врач к жене, — то я ничего говорить не буду: ни диагноза, ни чем мы лечим.

Леонида Ивановича увели. Свидание кончилось. Однако не кончились мытарства его жены: она вынуждена была обратиться за разъяснениями к начальству.

Принял её заместитель начальника медчасти Днепропетровской специальной психиатрической больницы — Валентина Яковлевна Каткова.*

В. Я. Каткова выслушала жену Л. И. Плюща, обратившуюся к ней с двумя просьбами:

1. Перевести Л. Плюща обратно в отделение № 12 .

2. Разрешить Л. Плющу иметь при себе хотя бы некоторые из присылаемых ему писем и фотографий членов его семьи.

В ответ на первую просьбу В. Каткова добродушным тоном начала разглагольствовать о том, какая прекрасная у них больница, как много желающих в неё попасть.

— Они ведь не знают — (между прочим заметила она) — за что здесь люди, но они знают, что у нас *лечат*. Мы Московской школы.

*) Фамилию удалось установить по списку, висящему в проходной; в нём перечислено всё местное начальство.

— Снежневского?

(с гордостью) — Да, Снежневского. Вы не думайте, у нас *не экспериментируют**, а лечат строго по методике. Нами все довольны, приезжают к нам и профессора.

Порассуждав таким образом, она перешла к ответу по существу:

— О переводе в прежнее отделение, — это невозможно, там у нас соматическое отделение, т. е. там находятся люди, у которых, наряду с *нервными болезнями*, и туберкулез: язва или печень. Мы часто перемещаем больных. Да там и места сейчас нет, некуда и койку поставить.

— А как насчет писем и фотографий?

— Письма — знаете, их ведь много набирается, а могут пруссаки завестись. У нас их, конечно, нет, но всякое может быть. А фото — ну хорошо, это просьба скромная (sic!) — и письма, некоторые, — я это постараюсь решить, думаю, можно будет оставить.

*) Что это? Подсознание?

Часть III

ДРУЗЬЯ О Л. ПЛЮЩЕ

«Математик, занимавшийся биологией и психологией, человек большой духовной культуры и душевного благородства — признан душевнобольным и помещен в психиатрическую больницу специального типа.

Люди, подобные Л. Плющу, не угодны следствию, опасны: они внушают органам дознания страх своей удивительной стойкостью, нравственной безупречностью, и их предпочитают поэтому признавать душевнобольными.

В годы, предшествующие аресту, Леонид Плющ создает множество работ, глубоких и разнообразных по проблематике. Он пишет о духовной сущности человека в современном мире, о нравственном и историческом прогрессе. Он ищет самое главное — смысл жизни. Вот почему в своих работах он рассматривает такие интересные, сложные и разные темы как: христианство и богоборчество в поэзии Шевченко; Толстой и толстовство в эпоху научной революции; Достоевский и Маркс; третьесортные творения некоторых советских писателей как тревожные симптомы социальной патологии.

Работы сейчас забраны, арестованы, может быть, уничтожены. Прекрасный человеческий мозг, их создавший, сознает, чувствует, видит, как уничтожается в нём сама способность мыслить и создавать».

Т. Великанова
С. Ковалев
Г. Подъяпольский
Т. Ходорович

«Одна общая боль объединяет нас, людей различных взглядов, пишущих эти строки. Трудно с чем-либо сопоставить впечатление, которое произвело на нас, близко знавших Леонида Ивановича Плюща, официальное сообщение о том, что экспертизой, проведенной Институтом им. Сербского в Москве, он признан невменяемым и находится теперь в спецпсихбольнице.

Нелепость происшедшего настолько очевидна, а образ Леонида Ивановича настолько для нас всех связан с тем душевным здоровьем, которое было опорой для многих, кто в этом нуждался, что мы даже не осознали ещё размеров трагедии.

Марксист по убеждениям, ученый по складу ума и призванию, он в свои 33 года находился в расцвете творческих сил. Круг его интересов — кибернетика, математика, теория игры, социальная психология, культурология.

Главное, что характеризовало его как личность, — постоянный нравственный поиск.

Сближение с Плющом всегда происходило как-то незаметно и плавно. С ним легко ладили люди самых разных характеров.

В течение многих лет мы имели возможность видеть жизнь Плюща в семье. У него жена и двое детей. В этом доме царил атмосфера нравственного уюта и простого человеческого счастья. Только теперь, видя, что это разрушено, понимаешь, как весь дух и строй этой семьи для многих из нас был необходим как душевная поддержка.

В мире нет новых трагедий. Всё уже было на Земле. И всё-таки мысль о том, что в нашей стране где-то рядом — в Днепропетровске, Казани — вольные или невольные палачи, используя достижения науки, планомерно убивают душу живого и прекрасного человека — леденит в жилах кровь.

Только отъезд за границу может спасти Л. И. Плюща. Мы хорошо понимаем, что иначе его ждет гибель. Ни

он сам, ни его близкие не могут контролировать, какие препараты вводятся в его организм.

Друзья

*

«Всякое насилие, надругательство над человеческим достоинством, ложь и пошлость ранили его душу. Он и стал жертвой насилия, лжи и пошлости . . .»

*

«Мы встретились с Плющом в мае 1972 г. Я уже прошел, а он прибыл для прохождения судебно-психиатрической экспертизы. Наша радость — встретились два марксиста — была недолгой: спустя несколько часов нас разъединили.*

Марксизм Леонида был глубоко выстрадан и не был лишь одежкой, по которой желают, чтобы тебя хорошо встречали и принимали. Не был он и фанатизмом, косностью мышления. Мысли Леонида были точны, аргументированы и по существу дела. Он обсуждал, спорил, слушал, иронически замечал, соглашался, отказывался от какого-либо утверждения. Он радовал своей невозмутимостью, волей, убежденностью.

Это был человек со здоровой психикой, поэтому меня страшно поразило известие о том, что Л. Плющ признан неменяемым. Это ошибка, которую нужно исправить. Ещё более ужасающе то, что его лечат — насильственно, без его согласия, без согласия его жены. Это преступление, которое нужно остановить».

Вацлав Севрук**

*

«Я встречалась с Леонидом Плющом несколько раз, в 1970-71 годах, в небольшой компании. Он почти сразу привлекает к себе каким-то особым внутренним обая-

*) Напоминаю: Л. Плющ пообедал в столовой Института им. Сербского и был снова отправлен в Лефортовскую тюрьму. Экспертизы в Институте не проводилось.

***) О Севруке см. «Хрвоника текущих событий» №№ 15, 22, 24, 26.

нием. Скромный, никак не афишируя, не «выставляя» себя, внимательно слушая других, он говорил не много, негромко, непринужденно, естественно; делал удивительно уместные умные реплики, замечания, вопросы.

... Кто-то из знакомых сказал мне, что Леонид Плющ — марксист. Меня это очень удивило — такой думающий, чуткий и, несомненно, честный человек — марксист (?!). Как-то, прощаясь с ним в коридоре, я выразила своё недоумение по этому поводу и попросила «убедить» меня. Он улыбнулся и ответил, что не любит, не хочет никому навязывать свои убеждения. Мы немного побеседовали о культурологических статьях Г. Померанца, я обещала достать и передать ему некоторые из них.

В разговоре-общении с Леонидом Плющом чувствуешь себя легко, нескованно. В отличие от некоторых других умных, эрудированных и знающих себе цену людей, в его обращении совсем не чувствуется пренебрежения, превосходства, элитарной замкнутости и совершенно нет никакой позы.

После первого знакомства с Леонидом Плющом я расспрашивала о нём многих своих знакомых, знавших его раньше и больше меня.

«Лёня», — это имя в устах тех, кто знаком с Леонидом Плющом, звучит как-то совершенно особенно: о нём говорят с удивительной теплотой, уважением, восхищением!..

Один мой хороший знакомый (имеющий высшее филологическое образование, серьёзно интересующийся литературой, философией), одно время (конец шестидесятых годов) часто бывавший в доме у Леонида Плюща, не раз вспоминал о своих спорах с ним, нередко затягивавшихся далеко за полночь. Леонид Плющ — очень интересный и неутомимый спорщик, с большим уважением и вниманием слушает оппонента («противника»), спокойно, с хорошим знанием материала аргументирует свои положения...; спор считает одним из способов поисков истины.

С Леонидом Плющом не бывает скучно: всё, что он

делает — он делает с огоньком, удовольствием. «Лёня прихрамывает (после перенесенного в детстве костного туберкулеза), но ходит быстро. Мы лазили с ним по крутым берегам Днепра и я не могла за ним угнаться», — рассказывает Л. (сама любительница попутешествовать, полазить по живописным кручам), гостившая у Плющей...

Мне кажется, что люди, когда они говорят о Леониде Плюще, становятся красивее и добрее...

... Я надеялась, что удастся ещё встретиться, побеседовать с Леонидом Плющом... С большим опозданием я достала интересующие его статьи Г. Померанца, хотела передать... — Леонид Плющ был арестован.

Во время суда над Леонидом Плющом я познакомилась с его женой Татьяной Ильиничной Житниковой — Таней. Леонид Плющ и его жена — редкий (редчайший) случай, когда люди действительно нашли друг друга. Женщина удивительной внутренней теплоты, доброты, терпимости, чутко относящаяся к людям... с необыкновенной внутренней выдержкой. Как и Леонид Плющ, она обладает прекрасным психическим и духовным здоровьем, красотой... Советский режим предположил ей нечеловечески жестокое, дикое испытание...

Конечно, Леонид Плющ — психически здоров. Но это не просто психически здоровый человек, это человек с замечательной внутренней гармонией, красивый человек!

Однако, ни арест Леонида Плюща, ни признание его психически больным, невменяемым, ни направление на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа (псих-тюрьму), ни то, что делают с ним в этой «больнице» — я не рассматриваю как «ошибки» советской администрации.

Хорошо сказано по этому поводу в статье Дмитрия Нелидова: «Но тюремной давилки оказалось всё же недостаточно, и вот чья-то гиммлеровская фантазия избрала заключение в психиатрические больницы.

Это не просто «изменение меры пресечения», это уже революционный скачок: количество наказания перехо-

дит в качество . . . Здоровье же означает принятие обусловленных правил, законов двоемыслия, «культуры социальной адаптации» . . . Норма двоемыслия выдвинула свою норму человека и ею стала измеряться человеческая полноценность. Весь смысл политического протеста «Демократического движения» состоял в том, что оно показало иную норму человеческого здоровья, которая оказалась невыносимой для общества, зараженного духовной эпидемией» («Идеократическое сознание и личность», Самиздат, сентябрь 1973).

М. Н. Ланда

Часть IV

«ОНИ ГРОЗИЛИ СТРАШНЫМИ КАЗНЯМИ ВСЯКОМУ, КТО ПОСМЕЕТ ОТКРЫТЬ ЛЮДЯМ ПРАВДУ»*

Органы правопорядка убеждали и продолжают убеждать жену Л. Плюща в том, с чем она не может согласиться, пока чувствует себя человеком. Убеждают в том, что её муж подвержен «тяжелому душевному заболеванию», что он представляет «особую социальную опасность».

Своё отношение к этому обвинению она не однажды выражала во множестве писем, заявлений, обращений, просьб во всевозможные инстанции КГБ, Суда, Прокуратуры, от местных до общесоюзных. Как ни тяжело ей было, она заставила себя написать письмо и академику А. В. Снежневскому:

«Леонид Иванович Плющ обладает высоким достоинством никогда, никому не передоверять свой разум. Во всех своих мыслях, словах и поступках он руководствуется исключительно нравственными побуждениями и собственной совестью, а не номенклатурными соображениями...

Зачем, во имя чего Вам понадобилось сломить, смять, духовно уничтожить моего мужа?! Какими высокими идеалами Вы руководствовались при этом? Ведь не взыскиваемыми с Плюща 73 рублями судебных издержек, в которые входит и стоимость Вашей экспертизы?*** Где Вы приобрели такую покладистую совесть, где изыскали моральное право обречь здорового человека на полную изоляцию среди душевнобольных и на

*) «Из потаенных произведений народников 1873-1875 гг.», Изд. «Наука», Ленинград, 1970 г.

**) Справка за подписью «Лысенко» об уплате судебных издержек женой Л. Плюща — Т. И. Житниковой — датирована 24 августа 1973 г. и выдалась в Народном суде Ленинского района г. Киева.

беззащитность перед любым произволом, не поддающимся никакому контролю извне?

Ведь это хуже тюрьмы, хуже каторги, хуже убийства. Как посмели Вы это сделать, Вы — давший клятву Гиппократу? Вас не терзают сомнения? Вы не бо-
ились захлебнуться горем и слезами детей Плюща?***

Ответа на это письмо не последовало. Получено лишь почтовое уведомление о его вручении.

Потрясенная, жена Леонида Ивановича вновь обращается к врачебной совести, теперь уже к совести Президента Академии медицинских наук Тимакова:

«Извините, что беспокою Вас. Помогите мне! Не может быть, чтобы всё это случилось, — ведь мы среди людей живем. Помогите!» (См. приложение № 2).

Однако Президент АМН не только ничем не помог, но так же, как и акад. А. В. Снежневский, на это письмо не ответил.

Но, может быть, органы правопорядка вели себя по-иному?

В своем заявлении в Верховный суд УССР (см. приложение № 4) Т. И. Житникова, в частности, пишет:

«Подобное ведение следствия, судебного разбирательства напоминает скорее расправу, чем акт правосудия.

Обращаюсь в Верховный Суд Украинской ССР с просьбой, чтобы допущенные нарушения законности в деле моего мужа Плюща Леонида Ивановича были исправлены при кассационном рассмотрении».

Заявление на имя Председателя Верховного Суда УССР (см. приложение № 5) пишут и друзья Л. И. Плюща:

«Мы не знаем, на основании чего делает свои выводы психиатрическая экспертиза, но как люди, близко знавшие Л. И. Плюща и его семью в течение многих лет, мы со всей ответственностью утверждаем, что Л. И. Плющ совершенно нормальный человек и требуем проведения новой открытой экспертизы с включением в состав экспертной комиссии двух врачей-психиатров, представленных родственниками.

***) Полный текст письма см. приложение № 1.

Мы понимаем, что при любом судебном разбирательстве возможна судебная ошибка. Однако никакое наказание, даже несправедливое, так не потрясло бы всех, кто знал Л. И. Плюща, как решение суда о помещении его на неопределенный срок в спецпсихбольницу для принудительного лечения.

В данном случае речь идет не об обычной судебной ошибке, а об ошибке неизмеримо более страшной.

Речь идет о насильственном помещении здорового человека в учреждение для душевнобольных, о введении в его организм сильнодействующих препаратов, предназначенных для лечения тяжело больных людей, и о возможном ментидиде, т. е. убийстве человеческой личности.

Трудно представить себе человека, чья совесть могла бы спокойно вынести тяжесть подобной ошибки».

С просьбой о пересмотре дела брата обращается в Прокуратуру УССР А. И. Плющ — сестра Л. И. Плюща:

«Ни мама, ни я никаких странностей в поведении брата не замечали. У него всегда было много друзей, которые любили брата за общительный характер, его терпимость к людям и их ошибкам.

В школе он был одним из первых по успеваемости, охотно помогал товарищам по математике, участвовал в математических олимпиадах, в устройстве школьных вечеров. Это я пишу со слов матери и школьных товарищей брата. Школу он закончил с серебряной медалью.

Дни, проведенные с братом, считаю лучшими днями своей жизни. Он умел не только интересно рассказывать о науке, литературе, но и внимательно выслушать собеседника, если нужно — помочь. За это и любят его и близкие и друзья».

Всё безрезультатно. А *впрочем...*

Но сначала ещё об одном обращении жены Л. Плюща*:

«Николай Викторович!
Леонид Ильич!
Алексей Николаевич!

Я прилагаю все усилия к тому, чтобы дело Плюща Л. И. не выпадало из под контроля ЗАКОНА: письменно и устно обращалась с заявлениями, просьбами, про-

*) Текст письма к Н. Подгорному, Л. Брежневу и А. Косыгину см. приложение № 3.

тестами во всевозможные инстанции вплоть до Прокуратуры СССР и Верховного Совета СССР. Но это ни к чему не привело. Я была лишена возможности предотвратить обвинительный уклон следствия. Мне не дали возможности иметь своим представителем на медицинских экспертизах кого-либо из известных мне врачей-психиатров. Мне не сообщили о выводах экспертизы и тем самым не дали возможности пригласить адвоката в период следствия, на что Плющ имеет право. Я была лишена возможности присутствовать на судебном процессе над моим мужем. Мне до сих пор не дали постановления суда или хотя бы выписку из него. Меня дважды запугивали репрессиями в отделении милиции (на моё возмущение мне цинично заявили: «Можете жаловаться, всё равно Ваша жалоба к нам придет»). Я ни разу не получила свидания с мужем (со дня его ареста прошло уже свыше 16 месяцев). Мне запретили даже переписываться с мужем...

Но ведь жизнь нашего общества сейчас основана на принципах более гуманных и демократических, чем до XX съезда КПСС. И я не верю в то, что всё случившееся с нашей семьей — государственная необходимость, я думаю, что эта несправедливость исходит от отдельных личностей, имеющих ложное представление о чести мундира.

Помогите нам, иначе совершится верх бездушия, предел бесчеловечности — заключение здорового человека в лечебницу специального типа. Угроза этого адского ужаса нависла над мужем, надо мной и нашими детьми в середине второй половины XX века, в нашей стране.

Безнадежность охватывает не тогда, когда нет никакой помощи, а тогда, когда уже и не хочется никакой помощи. Но не может быть, чтобы не осталось в мире ничего святого».

Что именно «безрезультатно», думаю ясно: Леонид Плющ находится в Днепропетровской психиатрической тюрьме.

А что же «впрочем»?

Наиболее красноречивый и исчерпывающий ответ на этот вопрос, по-моему, содержат следующие выдержки из следующего документа, а также всё то, что за появлением этого документа последовало.

Итак, выдержки из документа (полный текст см. приложение № 8):

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

г. Киев

28 августа 73 года

Следователь прокуратуры Дарницкого р-на г. Киева
Сидоренко

произвел обыск на квартире № 36 дома 33 по улице
Энтузиастов в квартире у гр-ки Житниковой Т. И.
с целью отыскания и изъятия произведений *клевещни-
ческого характера*.

При обыске обнаружено и изъято:

Копия письма, напечатанного на пишущей машинке,
начинающегося словами «Андрей Владимирович» и за-
канчивающегося словами «...если же случится, что
моё письмо не попадет к Вам, я постараюсь довести его
текст до Вашего сведения любым другим способом»
(на 3-х листах).

Копия письма, отпечатанного на пишущей машинке,
начинающегося словами: «Уважаемый товарищ Тима-
ков!», заканчивающегося словами «...с уважением
26.II.73» (на 1 листе).

Заявление гр-ки Житниковой Т. И. в Верховный Суд
УССР (копия), отпечатанное на пишущей машинке на
4-х листах от 14 февраля 1973.

Письмо, отпечатанное на пишущей машинке, на 4-х
листах, начинающееся словами «Николай Викторович!
Леонид Ильич! Алексей Николаевич!», заканчиваю-
щееся словами: «Не получив никакого ответа и даже
почтового уведомления о вручении моего письма адре-
сатам, посылаю этот текст вторично» дата 7 июля 1973.
У Житниковой осталось 5 копий письма с аналогичным
содержанием.

Заявление на имя Председателя Верховного Суда УССР
от С. Е. Борщевского, А. А. Вержмана, В. Е. Ювченко,
А. Д. Фельдмана, отпечатанное на машинке (копия)
на 2 листах, датированное мартом 1973.

Уведомление о вручении почтового отправления прези-
денту Академии медицинских наук Тимакову на 1
листе.

Уведомление о вручении почтового отправления гр.
Снежневскому А. В.

Вышеперечисленное изъято в папке в ящике пись-
менного стола, находящегося в 1-й комнате квартиры

Житниковой и в ящике этого же стола, находящегося в этой же комнате.

Значит, кому-то понадобилось запугать жену Л. Плюща и заставить её отказаться от мысли, что её муж здоров, так как попытки защитить его оборачиваются против неё обвинением «в клевете».

Ну как тут не обратиться к сказке: А чтобы простой народ жалобами на свое горькое житье царя не беспокоил да со своими делами и нуждами к нему не лез, есть у царя стража всякая, неисчислимая, и содержат её тоже на наши денежки».

18 октября 73 г. Т. И. Житникова с места работы была доставлена следователем Городской прокуратуры Кондратенко в Дарницкое районное отделение прокуратуры г. Киева для «беседы».

«Беседа» — а следователь Кондратенко объяснил жене Л. Плюща, что такая форма юридически существует и ведется без протокольных записей, — содержала как бы 3 аспекта:

Аспект первый. Отказ от дачи показаний по делу В. А. Некипелова*. Следователя Кондратенко интересует, не передумала ли Т. И. Житникова отказываться давать показания по делу арестованного во Владимире В. А. Некипелова? Дело в том, что по закону Владимирская прокуратура за отказ от дачи показаний имеет право привлечь её к уголовной ответственности. Т. И. Житникова ответила, что позиция её прежняя — она не будет давать показаний по делу В. А. Некипелова — и что официально она это уже оформила при допросе по данному делу.

— Мотивы отказа?

— Устала от всякого общения с органами правосудия, больше не хочу никаких контактов.

Аспект второй. Связи с сионизмом.

— Что Вас связывает с сионизмом?

*) В. А. Некипелов арестован 11 июля 73 г. по обвинению «в распространении заведомо ложных клеветнических сведений, порочащих советский государственный и общественный строй», и в мае 74 г. осужден на 2 года лагерей.

В ожидании объяснения Т. И. Житникова молчит.

Следователь Кондратенко вынимает из конверта фотокопию заявления друзей Л. Плюща в Верховный Суд УССР.

— Вот здесь стоит подпись А. Фельдмана. Что Вам известно о его сионистской деятельности? Ведь он мерзавец (я это могу сказать и ему самому), не только сам собирается уезжать, а и бегаёт — других подбивает.

Т. Житникова отказывается беседовать об А. Фельдмане.

— Мотивировка?

— Он не мерзавец.

Следователь читает фотокопию какого-то письма из Израиля, в котором говорится, как плохо там живётся евреям, приехавшим из СССР.*

Аспект третий. Судьба мужа зависит от поведения жены.

Следователь Кондратенко вынимает фотокопии заявлений Т. И. Житниковой, изъятых у неё на обыске (см. выше), и одновременно ведёт неторопливую беседу о том, что он-де понимает её положение, её желание облегчить участь мужа, защитить его, что он сам, возможно, тоже стремился бы к этому. Однако он должен её предупредить, что она выбрала не те формы защиты, что за такую защиту её могут уволить, так как Т. И. Житникова находится «на идеологической работе».**

— Если бы Вы не вели себя так, — добавил он, — судьба Вашего мужа была бы другой.

Так вот оно что! Оказывается, для того, чтобы поместить Л. Плюща в психиатрическую тюрьму, советские следственные органы, Суд, врачи руководствовались вовсе не законом, не «социальной опасностью» и не «со-

*) Через 3-4 дня после этой беседы Т. И. Житникова получила вызов из Израиля, датированный июлем.

**) Т. И. Житникова — методист Республиканского методического кабинета игр и игрушек Министерства просвещения УССР, в функции которого входит апробация, рецензирование новых образцов игр и игрушек, составление методических рекомендаций по использованию их в воспитательной работе с детьми.

стоянием психического здоровья» Л. Плюща, а поведением Т. И. Житниковой!

Что же, это так же логично, как признать её письма, заявления, обращения в высшие государственные инстанции с просьбой о пересмотре «дела мужа» с соблюдением существующих советских законов, — «клеветническими».

Это так же логично, как угрожать женщине, имеющей на иждивении двух детей и мужа, насильственно помещенного в психиатрическую тюрьму, лишением последнего куска хлеба за хлопоты вернуть детям отца.

Входит следователь районной прокуратуры Сидоренко. Всё начинается сначала.

— По-прежнему Вы отказываетесь давать показания?
И т. д., и т. п.

Затем звучит уже совсем непонятный вопрос:

— Сможете ли Вы, т. Житникова, куда-нибудь определить детей на время Вашего отсутствия?

— Зачем? На какое время? Я никуда уезжать не собираюсь.

— Видите ли, я ничего не знаю. В данном случае я выполняю поручение Московской прокуратуры, которая попросила меня выяснить только то, о чём я Вас уже спросил.

— У меня есть родители.

И снова переписка.

Т. Житникова пишет жалобу в Прокуратуру УССР по поводу незаконного изъятия у неё её заявлений и обращений, протестует против того, что в Протоколе обыска они названы клеветническими.

В ответ она получает следующую бумагу:

Прокуратура СССР
Прокуратура Украинской Советской
Социалистической Республики
г. Киев-1, Крещатик 2

4 октября 1973 року

№ 13-6202-72

Гр-ке ЖИТНИКОВОЙ Татьяне Ильиничне

252147

Киев-147, ул. Энтузиастов № 33, кв. 36

На Ваше заявление сообщаю, что Плющ Л. И. помещен на лечение в психиатрическую больницу на законных основаниях.

Что касается просьбы о возвращении Ваших заявлений, то по этому вопросу следует обратиться к следователю, изъявшему указанные документы.

Начальник отдела
по надзору за следствием старший советник юстиции
в органах Госбезопасности Макаренко

Обращается она и к начальнику Днепропетровской специальной психиатрической больницы со следующей просьбой:

Начальнику учреждения ЯЭ 308/РБ
тов. Прусу Ф. К.
от Житниковой Татьяны Ильиничны

22 октября с. г. при посещении своего мужа Плюща Л. И., который находится в Вашем учреждении, я застала его в тяжелом состоянии — он не мог говорить, его сводили судороги (такие явления никогда не имели у него места).

Меня очень тревожит его состояние, а так как ему ввели галоперидол, то вполне естественно, что это можно приписать воздействию этого препарата.

Насколько я знаю, данное лекарство дается в сочетании с корректором, который должен корректировать воздействие галоперидола.

В связи с последним убедительно прошу Вас, сообщить мне, какому лечению подвергается мой муж, в связи с каким диагнозом? Если состояние, в котором я его наблюдала, вызвано галоперидолом, то дается ли ему корректор, если нет, то по какой причине? Если у Вас его нет, то сообщите, что именно необходимо, и я приложу все усилия, чтобы достать соответствующее лекарство.

С уважением

Мне кажется вполне уместным привести здесь выдержку из письма А. Твердохлебова, написанного им ещё в сентябре этого года по поводу обращения Т. И. Житниковой к начальнику Управления Исправительно-

трудовыми учреждениями МВД УССР т. Макагонову В. Е. (см. приложение № 9):

«Скромность просьбы далеко не соответствует внутреннему состоянию автора письма и её мужа. Состояние это таково, что ей и её близким, знающим подробности этого дела, впору выйти на площадь и просто кричать «караул». Но тогда исчезнет последняя надежда, что хоть кто-то из ещё не признанных социально опасными душевнобольными сможет хоть чем-то помочь сидящему в спецпсихбольнице узнику совести». — Из письма А. Твердохлебова д-ру Бернарду Диксону (опубликованного в журнале «Нью Сайнтист», Лондон, Англия, 11 октября 73 г.).

Я неоднократно имела возможность лично убедиться в справедливости предположения А. Твердохлебова «тогда исчезнет последняя надежда...»

Приведу лишь один пример.

В начале августа 73 г. я вместе с женой Л. Плюща обратилась к судье Дышелю (он вел процессы Л. Плюща, И. Светличного, И. Дзюбы, Е. Сверстюка и др.) с вопросом, где содержится Л. Плющ? Всё ещё в следственном изоляторе или переведен в специальную психиатрическую больницу? В какую? Судья Дышель ответил, что Определение вступило в силу и что поэтому судьба Л. Плюща его больше не интересует.

— Если бы я даже знал, где он, — обратился он к жене, — я бы всё равно Вам этого не сказал, т. к. Вы в Вашем заявлении в Верховный Суд оклеветали меня.

Я попросила его объяснить, в чем он усмотрел клевету, уж не в том ли, что процесс, в нарушение всех законов, был закрытым?

Вместо ответа судья Дышель закричал:

— А вы, вы вообще молчите! Вы настоящий контрреволюционер (sic!) и скоро будете вот где! — Он с ненавистью посмотрел на меня и особым образом сложил кисти рук, обозначив ими и решетку и замок одновременно.

— Или даже дальше!

* * *

Жена Л. Плюща, Т. И. Житникова, доведена до полного отчаяния физическим и моральным состоянием своего мужа. Именно поэтому, несмотря на обыски и угрозы, она продолжает обивать пороги советских учреждений, писать туда письма и заявления.

Вот её последняя письменная просьба, известная мне:

Комитет Госбезопасности
при Совете Министров СССР

Житниковой Татьяны Ильичны,
проживающей по адресу: Киев-147,
ул. Энтузиастов, 33, кв. 36

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу разрешить моему мужу Плющу Леониду Ивановичу, находящемуся в Днепропетровской спецпсихбольнице ЯЭ 308, выехать за рубеж (совместно с семьей — женой и двумя детьми).

9. XI. 73 г.

Житникова

Я, со своей стороны, обращаюсь с просьбой к зарубежным ученым, писателям, людям искусства, а больше всего к врачам — помочь жене Л. Плюща добиться разрешения на выезд её мужа и всей этой многострадальной семьи.

Извините за навязчивость.

Нет больше сил.

С уважением

Татьяна Ходорович

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

ПИСЬМО ЖИТНИКОВОЙ ПРОФ. СНЕЖНЕВСКОМУ

Андрей Владимирович!

29 января 1973 г. Киевский областной суд вынес постановление по делу моего мужа Леонида Ивановича Плюща: признать его невменяемым и поместить для принудительного лечения в психиатрическую больницу специального типа.

Основанием для этого послужила медицинская экспертиза, под которой стоит Ваша подпись как её председателя.

Вам, может быть, неприятно будет читать это письмо, но честное слово, писать мне его ещё горше. Прочитайте, пожалуйста, его без предубеждения.

Не буду рассказывать обо всех унижениях человеческого достоинства, о циничном пренебрежении к закону, о следственных и судебных издевательствах, которым подверглась наша семья из-за Вашей медицинской экспертизы (если Вас интересует документальное изложение фактов, Вы найдете его в моём заявлении в Верховный Суд УССР о кассационном рассмотрении дела).

Скажу только о том, что непосредственно касается Вашей подписи.

Смею Вас уверить, что во всей этой истории Вы объективно не были самостоятельны. Вы — только исполнитель чужого замысла. Буквально с первых же дней следствия над мужем сотрудники КГБ всячески подказывали свидетелям их ответы о ненормальности Плюща, о его странностях. Следствием были подобраны именно сговорчивые свидетели (мы — родственники и друзья

Леонида Ивановича большинство свидетелей видели впервые). Да и без свидетелей, уводя мужа из дому, сотрудники КГБ не сомневались, что Вы поставите свою подпись под «выводами» экспертизы.

В КГБ меня спрашивали о муже, когда он был уже направлен на экспертизу. На суде же мне запретили быть свидетелем или представителем мужа (ведь он не был допущен в зал заседания). Весь процесс был закрытым, мне запретили даже присутствовать в зале заседания. Суд не нуждался в свидетелях, знавших мужа, главным свидетелем была Ваша экспертиза. Ещё до суда прокурор объяснил мне всё это: «Мы здесь не причём, у нас есть выводы экспертизы».

Так, прикрывшись Вашей подписью, сотрудники КГБ увильнули от открытого суда над моим мужем.

Человеку свойственно ошибаться. Но если ошибка ведет к мучительству и жестокости, то это уже не ошибка. Это называется по-другому.

Чем Вы, Андрей Владимирович, руководствовались, ставя свою подпись?

Ведь какое-то отклонение человека от общепризнанных норм, если оно не является болезненным, не есть ещё признак шизофрении, даже если прикрываться весьма удобным и безразмерным термином «вялотекущая». Не мне Вам объяснять, что сомнениями и отклонениями от нормы, когда они становятся массовыми, осуществляется общественный прогресс. Норма — явление историческое, преходящее.

Сомневались и отклонялись от нормы Радищев и Чаадаев, декабристы и петрашевцы, религиозные подвижники и революционеры, обуреваемые *реформаторством*.

Какие бы выводы сделала Ваша экспертиза если бы исследовала человека, вздумавшего бродяжничать, соблазнять людей душеспасительными притчами и в случае их внутреннего самосовершенствования обещать им этический рай? Выводы об отклонении от нормы, о *мании мессианства*? А ведь именно таким был вождь хри-

стианства, которое Ф. Энгельс назвал «массовым революционным движением», — ХРИСТОС.

А если бы исследуемый, достаточно старый, чтобы довольствоваться достигнутым, вдруг тайком оставил дом, бросил жену и детей, протестуя таким странным образом против установившейся нормальности? Это ли не отклонение от нормы и отсутствие *критического* отношения к содеянному? А ведь так поступил «матерый человечище» Толстой.

Ну, а уж человеку, бросившему материальную обеспеченность и любимую работу и неожиданно решившему облагодетельствовать Африку, куда его никто не посылал, Ваша экспертиза приписала бы, по меньшей мере, *наивность суждений*. Так бы вы, олицетворяя собой нормальность, определили деятельность великого Швейцера.

Так чем же Вы руководствовались, каким эталоном нормы, приписывая моему мужу «идеи мессианства, реформаторства, отсутствие критической оценки содеянного и наивность суждений»? Чем Леонид Иванович отклонился от нормы, защищаемой Вами?

Я познакомилась с мужем, когда ему было 19 лет (сейчас — 33). У нас двое детей, старшему 13 лет, младшему — 7 лет. Я люблю своего мужа, люблю так, что Вы и понять этого не сможете. Я благодарна судьбе, что моя жизнь наполнена этим человеком. Его арестовали 15 января 1972 года. С тех пор я его больше не видела, свидания с ним мне не дают. У меня отняли мужа, у наших детей — отца.

Мой муж — хороший, честный, умный и добрый человек. Уж кто-кто, а я, зная его 14 лет, имею все основания утверждать, что он душевно совершенно здоров и духовно абсолютно нормален. Леонид Иванович обладает высоким достоинством никогда, никому не передоверять свой разум. Во всех своих мыслях, словах и поступках он руководствуется исключительно нравственными побуждениями и собственной совестью, а не номенклатурными соображениями.

То же о нём могут сказать все, кто близко знает его.

Ваша подпись швырнула этого человека в лечебницу *специального* типа на бессрочное заключение. Что значит это для вполне здорового человека, Вы знаете не хуже меня. Зачем, во имя чего Вам понадобилось сломить, смять, духовно уничтожить моего мужа?! Какими высокими идеалами Вы руководствовались при этом? Ведь не взыскиваемыми с Плюща 73 рублями судебных издержек, в которые входит и стоимость Вашей экспертизы. Где Вы приобрели такую покладистую совесть, где изыскали моральное право обречь здорового человека на полную изоляцию среди душевнобольных и на беззащитность перед любым произволом, не поддающимся никакому контролю извне?

Ведь это хуже тюрьмы, хуже каторги, хуже убийства. Как посмели Вы это сделать, Вы — давший клятву Гиппократа?! Вас не терзали сомнения? Вы не боялись захлебнуться горем и слезами детей Плюща?

Вы — палач моего мужа.

Не знаю только — сознательный или без умысла. У меня есть всё же капля надежды, что Вы не сознавали содеянного. Если это так, то Вы приложите ВСЕ усилия к тому, чтобы после кассационного рассмотрения этого дела (осталось около 2-х недель) Л. И. Плющ не был водворён в ту пропасть, которую Вы ему уготовили росчерком пера.

Если же случится, что моё письмо не попадет к Вам, я постараюсь довести его текст до Вашего сведения любым другим способом.

Киев — 252147,
ул. Энтузиастов д. 33 кв. 36
Житникова Татьяна Ильинична

14 февраля 73 г.

ПИСЬМО ЖИТНИКОВОЙ ТИМАКОВУ

Уважаемый товарищ ТИМАКОВ!

Опасаясь, что письмо, текст которого я прилагаю, может по каким-либо причинам не дойти до адресата, ОЧЕНЬ прошу ВАС, если это случится, передать этот текст Андрею Владимировичу.

Я прошу Вас и прочитать его, т. к. моё письмо не носит характера личной переписки и затрагивает исключительно важный вопрос. Надеюсь, что и Вы будете всячески способствовать ликвидации страшной ошибки из-за которой наша семья ввергнута в этот чудовищный кошмар.

Очень прошу Вас об этом, ведь кассационное рассмотрение дела длится недолго.

Извините, что беспокою Вас. Помогите мне!

Не может быть, чтобы всё это случилось, — ведь мы среди людей живем. Помогите!*

С уважением

26. II. 73 г.

*) Тов. Тимаков не только ничем не помог, но так же, как и акад. А. В. Снежневский, на это письмо не ответил.

ПИСЬМО ЖИТНИКОВОЙ СОВЕТСКИМ
РУКОВОДИТЕЛЯМ

Николай Викторович!

Леонид Ильич!

Алексей Николаевич!

Если бы не крайняя необходимость, я бы не осмелилась отнимать у вас время этим частным письмом. Помогите мне, иначе произойдет нечто страшное. Я обращаюсь к вам, так как вы являетесь сторонниками сказанного на XXIV съезде КПСС:

«Любые попытки отступить от закона или обход его, чем бы они ни мотивировались, терпимы быть не могут. Не могут быть терпимы и нарушения прав личности, ущемление достоинства граждан. Для нас, коммунистов, сторонников самых гуманных идеалов, это — дело принципа».

15 января 1972 года сотрудниками республиканского КГБ был арестован мой муж Плющ Леонид Иванович и в нашей квартире был произведен обыск. Дело в том, что Леонид Иванович — математик по профессии — входил в «Инициативную группу защиты прав человека в СССР» и подписал несколько писем-обращений к нашему правительству и в ООН. Во время обыска были изъяты некоторые материалы, не издававшиеся в СССР. Но, главное, сами по себе эти факты ещё не могут быть основанием для осуждения. Я полагала, что степень виновности моего мужа будет определена законом, а не личными конъюнктурными соображениями отдельных должностных лиц.

Втайне от меня мой муж был подвергнут медицинской экспертизе, признавшей его «невменяемым» и рекомен-

довавшей принудительное лечение в лечебнице *специального* типа. Чтобы необходимость этого изуверства ни в ком не вызывала сомнений, КГБ направило мужа (и опять втайне) через несколько месяцев после первой на повторную экспертную комиссию, членами которой были несколько академиков-психиатров. На этот раз принудительное лечение рекомендовалось в лечебнице *общего* типа.

Все, кто хоть немного знает Леонида Ивановича, все его родные, друзья и знакомые, среди них есть и врачи, никогда не имели повода сомневаться в его психическом здоровье. Никто из них не сомневается в этом и сейчас.

Да и любой непредубежденный врач-психиатр, ознакомившись с поставленным моему мужу диагнозом, не согласится в данном случае с выводами о необходимости принудительного лечения. «Вялотекущая шизофрения» («идеи реформаторства, мессианства, наивность суждений») не известна не только мировой, но и отечественной психиатрии. Её, например, отвергает киевская психиатрическая школа.

Лишь через двенадцать с половиной месяцев после ареста состоялся суд, на котором могли присутствовать только трое членов суда, адвокат и прокурор. Несмотря на все мои старания и просьбы — устные и письменные — ни я, ни мой муж на судебное рассмотрение дела допущены не были. Несмотря на письменные заявления друзей моего мужа о том, что они желают дать суду показания по сути дела, ни один из них на процесс не был допущен. Всех, кто приходил в те дни к зданию суда, чтобы попасть в зал заседания, какие-то чины в гражданском с помощью милиции переписывали поименно, а потом требовали покинуть здание суда, угрожая арестом.

Основываясь на *первой* экспертизе, суд постановил направить Леонида Ивановича на принудительное лечение в лечебницу специального типа, где содержатся убийцы, насильники — больные с патологическими агрессивными наклонностями, где может неисправимо

сломиться психика здорового человека, бесконтрольно и бессрочно отданного на гибель. Это ужасающее постановление было мною опротестовано в кассационной инстанции.

Верховный суд УССР, основываясь на данных второй экспертизы, вынес определение о принудительном помещении Плюща Леонида Ивановича в лечебницу общего типа. Сам по себе факт помещения нормального человека в психиатрическую больницу — верх жестокости по отношению к нему, к его близким, это тот предел, после которого людей ожидает самое страшное — безнадежность. Но даже этого кому-то показалось мало.

Прокуратура УССР опротестовала кассационное определение Верховного суда УССР, абсурдно объяснив это особой опасностью действий моего мужа и настаивая на лечебнице специального типа. Чем же опасны его действия? Да и какие действия?! Настаивая на больнице специального типа, меня хотят лишить возможности хотя бы изредка видеть мужа, разговаривать с ним, переписываться, поддерживать его. Это бессрочное мучение даже сильного человека может духовно раздавить и привести к медленному умиранию. Это уже находится вне того, что могут выдерживать люди, это выше всяких человеческих возможностей.

Я прилагала все усилия к тому, чтобы дело Плюща Л. И. не выпадало из-под контроля ЗАКОНА: письменно и устно обращалась с заявлениями, просьбами, протестами во всевозможные инстанции вплоть до Прокуратуры СССР и Верховного Совета СССР. Но это ни к чему не привело. Я была лишена возможности предотвратить обвинительный уклон следствия. Мне не дали возможности иметь своим представителем на медицинских экспертизах кого-либо из известных мне врачей-психиатров. Мне не сообщили о выводах экспертиз и тем самым не дали возможности пригласить адвоката в период следствия, на что Плющ имеет право. Я была лишена возможности присутствовать на судебном процессе над моим мужем. Мне до сих пор не дали поста-

новления суда или хотя бы выписку из него. Меня дважды запугивали репрессиями в отделении милиции (на моё возмущение мне цинично заявили: «Можете жаловаться, всё равно Ваша жалоба к нам придет»). Я ни разу не получила свидания с мужем (со дня его ареста прошло уже свыше 16 месяцев). Мне запретили даже переписываться с мужем.

Зам. прокурора УССР Самаев и начальник следственного изолятора КГБ Сапожников с нескрываемым садизмом официально заявили мне: «Вы никогда не получите свидания с мужем. Да и никто вам не разрешит переписку с ним. Он же сумасшедший. Зачем вам что-либо писать психически больному? И, тем более, зачем Вам видеть этого больного? О чем с ним можно говорить? Чтоб вас здесь больше не видели!» Чтобы сказать так женщине об отце её детей, мало очерстветь душой, надо страдать патологией бездушия, надо вытравить в себе всё человеческое.

Мой муж совершенно здоров. Его арестовали не за антисоветскую деятельность (такой деятельности не было), а за взгляды, которые в чём-то отличаются от взглядов Самаева и Сапожникова. Но ведь за выражение некоторых взглядов, допускаясь после 1953 года, до 1953 года человека расстреляли бы; за выражение иных взглядов, допускаясь после 1964 года, до 1964 года могли бы заключить в лагерь. Сейчас для моего мужа кто-то из КГБ избрал инквизиторский способ расправы «без пролития крови», как говорили в средние века. А Самаев, Сапожников и иже с ними не рассматривают свои действия как беззаконие, а прикрывают самодурство красивыми словами.

Я поняла, что если безнаказанно допускается беззаконие хотя бы в малом, то оно неизбежно потянет за собой большое беззаконие, которое нарушители будут вынуждены прикрывать ещё большим. Если допустить, что «целесообразность» хоть в каком-то случае может подменить или подправить закон, то и в других случаях

эта целесообразность будет заменять закон, будет вытеснять его.

Но ведь жизнь нашего общества сейчас основана на принципах более гуманных и демократических, чем до XX съезда КПСС. И я не верю в то, что всё случившееся с нашей семьей — государственная необходимость. Напротив, я думаю, что эта несправедливость исходит от отдельных личностей, имеющих ложное представление о чести мундира.

Помогите нам, иначе совершится верх бездушия, предел бесчеловечности — заключение здорового человека в лечебницу специального типа. Угроза этого адского ужаса нависла над мужем, надо мной и нашими детьми в середине второй половины XX века, в нашей стране.

Безнадежность охватывает не тогда, когда нет никакой помощи, а тогда, когда уже и не хочется никакой помощи. Но не может быть, чтобы не осталось в мире ничего святого.

Киев-147,
ул. Энтузиастов 33, кв. 36,
Житниковой Татьяне Ильиничне

22 мая 1973 г.

ВЕРХОВНЫЙ СУД УССР

Житниковой Татьяны Ильиничны,
проживающей по адресу
Киев, ул. Энтузиастов 33, кв. 36

ЗАЯВЛЕНИЕ

29 января 1973 г. в Киевском областном суде окончилось рассмотрение дела моего мужа Плюща Леонида Ивановича. Суд вынес постановление о его невменяемости и направлении на принудительное лечение в психбольницу специального типа.

Я знаю Леонида Ивановича Плюща с 1958 г., т. е. с 19 лет. К тому же я вызывалась следственными органами КГБ по делу мужа и поэтому считаю себя вправе сделать следующее заявление по существу дела Плюща Л. И.

Я считаю, что как следствие так и судебное разбирательство допустило нарушение законности и неправильно вынесло постановление о направлении Плюща Л. И. на принудительное лечение.

Какие факты являются основанием для таких утверждений?

1. Следственные органы КГБ уже с первых дней ведения следствия, до проведения экспертизы, заявляли свидетелям о том, что Плющ — СУМАСШЕДШИЙ, «такой же ненормальный как Григоренко». Об этом было заявлено и свидетелю Боднарчуку В. Г. 26 января 1972 г. во время очной ставки с Плющом (т. е. на 14-й день следствия). Свидетель Диденко Ф. А. (в феврале месяце) был введен в заблуждение следователем Суром И. И., заявившим, что в КГБ получено письмо матери Плюща, в котором она пишет о «странностях» сына. В действительности такого письма мать Плюща в КГБ не писала.

Свидетелю Недорослеву Э. Г. в июне было также заявлено о том, что Плющ — «СУМАСШЕДШИЙ».

Кроме того, мне известны аналогичные заявления со стороны следственных органов ещё двум свидетелям. Имена этих свидетелей я не называю из-за боязни навлечь на них неприятности.

Имели место и факты обвинительного уклона следствия. Их, в частности, приводят в своих заявлениях на имя Прокурора УССР свидетели по делу Плюща Л. И. — Борщевский С. Е. и Ювченко В. Е.

Фактами психологического давления я считаю и оказание давления на меня как свидетеля по делу мужа. В связи с вызовами в КГБ, мне было выражено «недоверие как методисту, имеющему право работать в Министерстве просвещения», я была отстранена от служебных командировок, мои научно-методические работы запрещено печатать в методическом журнале; спустя два месяца после ареста мужа, без какого-либо объяснения была исключена из издательского плана хрестоматия, составленная мною в соавторстве.

Обо всех фактах нарушения законности, которые мне известны, я поставила в известность Прокурора республики и органы КГБ. Молчание этих органов в ответ на мои заявления дает мне право считать, что приводимые мною факты нарушения законности не вызывают возражения.

О предвзятости следствия и судебного рассмотрения свидетельствуют на мой взгляд и те факты, что при оценке психического состояния Плюща Л. И. принимались во внимание показания свидетелей, мало знавших, почти не знавших Плюща, или не видевших его последние 5-10 лет. Так например, на суд были вызваны — свидетель Шевченко, видевший Плюща один раз (в течение одного часа), свидетель Колесов, эпизодический знакомый в течение очень короткого времени в 1963 г. (времени вообще не рассматриваемого в деле). Никто из вызванных в суд свидетелей не имеет медицинского образования, но в то же время четверем свидетелям, поже-

лавшим дать показания и хорошо знающим Л. И. Плюща, было отказано в даче на суде показаний на том основании, что они не *психиатры*.

Меня, знающую Плюща Л. И. уже 14 лет и имеющую основание говорить о психическом здоровье его с полной ответственностью (о чём свидетельствуют и мои показания следствию) на суд не вызвали. Не была вызвана следственными органами, не говоря уже о суде, родная сестра Плюща, имеющая к тому же среднее медицинское образование.

Как факт предвзятости следствия я рассматриваю и то, что мне не было сообщено о признании экспертизами Л. И. Плюща невменяемым, и я не имела возможности пригласить адвоката ещё в период следствия, на что Плющ имеет право согласно ст. 417 УПК УССР. А также и то, что адвокату не было дано свидание с Плющом перед судом, с мотивировкой, что суд не видит в этом надобности, хотя по ст. 419 УПК такой отказ может быть обусловлен лишь состоянием здоровья обвиняемого.

2. В постановлении суда были сформулированы «социально-опасные деяния», инкриминируемые Плющу и явившиеся основанием для определения его в психбольницу *специального* типа. Основанием для этого послужили машинописные, рукописные материалы, изъятые при обыске.

Зная Л. И. Плюща как человека высоких нравственных принципов, я не допускаю мысли, чтобы материалы эти были криминальны. Мне непонятно, почему выписки из книг, размышления и выводы, сделанные на основании их, частные письма, дневники могут инкриминироваться человеку и рассматриваться как общественно-опасные *деяния*? А факт хранения материалов, над которыми он работает — как антисоветский?

Из постановления суда мне стало известно также, что мой муж в составе Инициативной группы подписывал письма-обращения в Организацию объединенных наций, в которую входит и Украинская ССР, письма, определенные как антисоветские и клеветнические. В поста-

новлении эта группа названа «нелегальной организацией». Мне непонятно, почему несколько человек, вместе подписывающих один текст, указывающих при этом свои фамилии и адреса, квалифицированы как «организация» и к тому же «нелегальная»?

Зная к тому же своего мужа как сторонника открытого честного высказывания своих взглядов и мыслей, категорически утверждаю, что ни в какой *тайной* группе он *никаким образом* состоять не мог.

3. В УПК УССР нигде не говорится о том, что суд над человеком, признанным душевнобольным, может быть закрытым. Несмотря на это мне и сестре Плюща было официально объявлено, что рассмотрение дела закрытое. Ходатайство адвоката об участии Плюща в суде, а также моё заявление быть его законным представителем были отклонены. Хотя ст. 417 не содержит указания на возможность участия в суде законного представителя, в то же время ст. 424 предусматривает право на обжалование законным представителем постановления суда. В суд не был вызван и эксперт.

Даже в моей просьбе, хотя бы *присутствовать* на суде, было отказано. Зал был пуст: не было ни подсудимого, ни его законного представителя, ни родственников, ни публики.

Мало того, и меня и сестру Плюща вместе с другими желающими попасть на суд под угрозой осуждения на 15 суток не только выставили из здания суда, но даже запретили находиться на крыльце. И только после неоднократных требований мне и сестре было разрешено (в связи с сильным морозом) ждать окончания заседания . . . в вестибюле.

На слушание постановления нас с сестрой с чрезвычайными предосторожностями (запрещением брать с собой сумки, не объявляя зачем, а как бы случайно пригласив) допустили. Но это не помешало судье заявить мне на следующий день, что постановление зачитывалось «прилюдно».

Подобное ведение следствия, судебного разбирательства напоминало скорее *расправу*, чем акт правосудия. Расправу, за которую к тому же с признанного «больным» Плюща Л. И. будет взыскано 73 руб. судебных издержек.

Обращаюсь в Верховный Суд Украинской ССР с тем, чтобы допущенные нарушения законности в деле моего мужа Плюща Леонида Ивановича были исправлены при кассационном рассмотрении.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА УССР

С. Е. Борщевского, А. А. Верхмана,
В. Е. Ювченко, А. Д. Фельдмана

ЗАЯВЛЕНИЕ

29 января 1973 г. в Киевском областном суде закончилось рассмотрение в первой инстанции дела Леонида Ивановича Плюща, обвиняемого по ст. 62 УК УССР (Судья Дышель, прокурор Питенко, народные заседатели — Москалюк и Грама).

В ходе предварительного следствия мы неоднократно вызывались органами Комитета ГБ УССР в качестве свидетелей по делу Л. И. Плюща.

Ведение следствия, характер допросов, свидетелей, выбор их и многие другие обстоятельства с самого начала вызывали наше беспокойство, т. к. следствие принимало явно обвинительный уклон. В ходе допросов следователи не реагировали на информацию в защиту обвиняемого, но очень активно, наводящими вопросами, добивались от нас фраз или хотя бы словосочетаний, повторяющих формулировки статьи 62 УК УССР.

В своих письменных заявлениях двое из нас — В. Ювченко и С. Борщевский — обратили внимание органов прокуратуры на обвинительный характер следствия.

Нам неясно, почему органы прокуратуры, призванные осуществлять надзор над деятельностью следственных органов, не отреагировали на сигнал на нарушение самого основного условия в любом судебном разбирательстве, — условия объективности следствия, отсутствия в нём тенденциозности и обвинительного уклона. Мы опасались, что этот обвинительный уклон приведет к ошибкам следствия, которые не сможет исправить суд.

Закончившийся 29 января процесс подтвердил наши опасения.

В связи с этим мы хотим обратить Ваше внимание на ряд моментов, необъяснимых с юридической точки зрения и явно нарушающих существующие советские законы.

Насколько нам известно, Л. И. Плющу инкриминируется написание нескольких рукописных статей, содержание которых признано следственными органами клеветническим или антисоветским и содержащим умысел подрыва советской власти.

Очевидно, подобное дело не является особо сложным и следственные органы после соответствующих экспертиз документов и проверки фактов, изложенных в этих статьях, могли бы передать их законному открытому суду и суд в обычном порядке определил бы степень виновности Л. И. Плюща.

Однако следственные органы превысили по времени все допустимые по УПК УССР сроки содержания обвиняемого под стражей для особо сложных дел (6 месяцев) и для исключительных случаев (9 месяцев).

Обвиняемый Л. И. Плющ находился под стражей без суда в течение 12 месяцев. При соблюдении законности для этого требуется изменение закона (УПК УССР), действующего на территории республики.

Произвол следствия заключался, по нашему мнению, в том, что обвиняемый, без всяких на то оснований, подвергся трем психиатрическим экспертизам. Существуют заключения комиссии экспертов судебно-психиатрического отделения Киевской психиатрической больницы им. Павлова, признавшей Л. И. Плюща вменяемым, и двух экспертиз, проведенных в Москве, в ин-те им. Сербского. Две последние дали противоречивые в своих рекомендациях заключения, однако признали Л. И. Плюща невменяемым.

Согласно комментариям к ст. 204 УПК УССР даже умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами не является основанием для судебно-психиатрической экспертизы, если в деле отсутствуют данные о психической неполноценности обвиняемого. В деле математика

Л. И. Плюща, окончившего с медалью среднюю школу, победителя математических олимпиад, имеющего диплом университета, автора нескольких научных работ, отца двух детей, человека, никогда не страдавшего психическими расстройствами и не состоявшего на учете ни в одном психиатрическом учреждении, — естественно таких данных не было и не могло быть.

Этими данными, видимо, послужили показания одного или двух свидетелей, видевших Л. И. Плюща один-два раза в жизни, которые на наводящие вопросы следователя подтвердили, что Л. И. Плющ показался им «странным».

— «Не казался ли он вам странным?» — этот вопрос в течение следствия был задан несколькими свидетелям.

Настораживает и пугает здесь ещё и другое, а именно — уверенность следствия в исходе экспертизы. Некоторым свидетелям ещё в начале следствия говорилось: «Он же ненормальный» и «Он не знает, что его ждет», «Он такой же сумасшедший, как Григоренко».

Как стало известно из Постановления суда, в деле нет показаний самого обвиняемого. Очевидно, он отказался давать показания. Факт отказа от дачи показаний не отражен в Постановлении. Можно предположить также, что психиатрические экспертизы были одним из средств давления на обвиняемого.

Согласно ст. 417 УПК УССР участие защитника в деле душевно-больного обязательно с момента установления факта душевного заболевания. Эта статья в ходе следствия была грубо нарушена. Ни жена, ни родственники обвиняемого до последнего момента перед судом не знали состояния дела и не были официально уведомлены о начале судебного разбирательства.

Можно представить себе, сколь ничтожным был приток информации из внешнего мира к самому подсудковому на протяжении всего года следствия. Несомненно это было сильнейшим средством психического давления на него, если учесть, что длительность следствия в обычных случаях — два месяца.

Наибольшее недоумение вызвала у нас сама форма судебного процесса. В нарушение ст. 20 и ст. 419 УПК УССР процесс был закрытым. Изоляция его от внешнего мира была настолько высокой, что наряд милиции, охранявший пустой зал, где не было ни родственников, ни публики, ни самого подсудимого, не разрешал, под угрозой ареста, нескольким гражданам, желавшим попасть на процесс, находиться в коридоре здания суда.

Нас никак не может удовлетворить объяснение, данное судьей Дышелем, что слушание дела представляет собой государственную тайну. Понятие «государственная тайна» относится к военным или экономическим сведениям оборонного характера и четко определяется Основами законодательства СССР и УССР.

В деле Л. И. Плюща не могло быть каких-либо государственных тайн уже по той причине, что он никогда ни к каким материалам, содержащим государственную тайну, не имел касательства. В своих работах он не только не мог разгласить государственную тайну (за что был бы привлечен совсем по другой статье), но и никакие тайны не могли бы быть разглашены во время процесса в зале суда. И, наконец, если бы, несмотря на всё это, в деле всё-таки содержалась государственная тайна, то в Постановлении суда это было бы отмечено и были бы сделаны соответствующие купюры.

Ничего этого Постановление суда не содержит, а следовательно — и нет никакой государственной тайны.

Второе объяснение закрытости суда, данное судьей, состоит в том, что дело не представляет общественного интереса. Это объяснение не компетентно ни с юридической точки зрения, ни с точки зрения здравого смысла.

Общественный интерес могут не представлять только гражданские или бракоразводные дела. Дело об антисоветской пропаганде и агитации в эпоху развернутого построения коммунизма, учитывая воспитательную функцию советского судопроизводства, должно рассматриваться не только в открытом, но, возможно, и в общественно-показательном судебном разбирательстве. Ведь

такие дела — это преступления против советского общества и народа.

Наконец, если дело не представляет всё же никакого общественного интереса, то зачем охранять его рассмотрение от общественности с помощью милиции?

В течение всего процесса в нём ни разу не принял участие ни один эксперт-психиатр и не было законного представителя обвиняемого. Просьба его жены о предоставлении ей права законного представителя была отклонена, несмотря на то, что ст. 28 Основ гражданского судопроизводства СССР предусматривает это, а УПК УССР не противоречит этому, а, например, в комментарии к ст. 424 прямо говорится о законном представителе душевнобольного.

В результате всего этого процесс проходил в пустом зале. Единственным представителем обвиняемого был адвокат, которому, кстати, было отказано в свидании с обвиняемым перед судом. Адвокат виделся с обвиняемым всего один раз при закрытии дела.

В суд были вызваны, в основном, лишь те свидетели, которые подтверждали обвинение.

В ходе процесса мы обращались с письменными заявлениями к Председателю обл. суда с просьбой дать нам возможность выступить на суде для подтверждения прежних и дачи дополнительных показаний. Нам отказали.

Судья Дышель сказал нам, что суд решает только вопрос о принудительной мере медицинского характера, а так как мы не психиатры, то суд не считает нужным приглашать нас для дачи дополнительных показаний.

Это объяснение неверно с юридической точки зрения, т. к. суд над невменяемым согласно ст. ст. 416 и 419 УПК УССР решает вопрос о виновности подсудимого в общем порядке, но не применяет уголовного наказания.

В отличие от свидетелей, вызванных в суд и видевших подсудимого всего один или два раза в жизни, все мы хорошо знали его на протяжении многих лет, бывали у

него дома, знаем характер его научных поисков и его образ мыслей.

Мы утверждаем, что марксист по убеждениям, молодой ученый, который никогда не удовлетворялся самодовольством и самоуспокоением, а интенсивно продолжал свой поиск, человек, никогда не считавший себя политическим деятелем, Л. И. Плющ не имел умысла подорвать советский строй, у него не было для этого никаких мотивов.

Несмотря на длительное общение с Л. И. Плющом в домашней обстановке на протяжении многих лет, никто из нас никогда не был объектом антисоветской пропаганды с его стороны.

Знакомство с некоторыми рукописями или машинописными материалами, кстати, ни одним законодательным актом не объявленными антисоветскими, закономерно для ученого, работавшего в области социологии и психологии.

Высказывания Л. И. Плюща могли носить критический характер в отношении отдельных лиц или отдельных произведений советской литературы, но никогда не принимали антисоветского характера.

По своей натуре он не был ни фанатичным, ни злобным человеком, никогда не был абсолютно убежден в своей правоте, внимательно относился к критике своих положений и совершенно нормально на всё реагировал с эмоциональной точки зрения.

В комментариях к ст. 62 УК УССР (п. 10) говорится, что антисоветская пропаганда и агитация совершается только с *прямым антисоветским умыслом*. Виновный сознает, что распространяемые им идеи или клеветнические измышления... являются по своему содержанию антисоветскими, *предвидит*, что в результате его агитации и пропаганды возможны *подрыв* или ослабление Советской власти либо совершение особо опасных государственных преступлений, и желает наступления этих последствий.

Ни одно из известных нам действий Л. И. Плюща не подпадает под это определение.

Если же стать на формальную точку зрения и признать, что Л. И. Плющ невменяем, то это логически *исключает обвинение* по ст. 62 УК УССР, т. к. понятие невменяемости, предполагающее неспособность лица отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими, исключает наличие *умысла* у этого лица.

Трудно представить себе человека, совершавшего в состоянии невменяемости, на протяжении многих лет, сложные целенаправленные, логические действия, такие как писание научных статей, имеющих цель и умысел.

Перед последним заседанием суда мы обратились с просьбой разрешить нам присутствовать хотя бы на чтении Постановления суда. И в этом нам было отказано. Это нарушение ст. 11 Основ гражданского судопроизводства СССР и ст. 20 УПК УССР, согласно которым Решения судов во всех случаях оглашаются в открытых заседаниях.

Следует отметить, что кем-то, кто руководил организацией процесса, были предприняты специальные действия для недопущения в зал суда во время слушания Постановления, никого, кроме жены и сестры подсудимого. Они были приглашены «на пять минут» с неизвестной целью. Лишь войдя в зал суда, они поняли, что приглашены на чтение Постановления суда.

Когда мы и ещё несколько человек тоже попытались пойти в зал суда, нам сказали: «Чтение уже началось, вы будете мешать».

Само Постановление суда, опирающееся на две противоречивые в своих «симптомах болезни» экспертизы, не упоминающее о первой экспертизе, признавшей Л. И. Плюща вменяемым, выглядит, по меньшей мере, странным.

Мы, конечно, не специалисты-психиатры, но простой здравый смысл подсказывает, что вялотекущая шизофрения с незаметными для неспециалистов симптомами, вряд ли представляет опасность для окружающих и

общества, которая потребовала бы применения самой строгой из принудительных мер медицинского характера — помещения обвиняемого в психиатрическую больницу специального типа.

В комментариях к ст. 13 УК УССР говорится, что такая мера применяется для особо опасных больных, например, лиц, страдающих острой формой реактивного психоза, совершивших в этом состоянии убийство.

Обращаясь к Вам, мы просим проверить дело Л. И. Плюща в порядке судебного надзора. Упомянутые нами факты говорят сами за себя. Сообщаемые нами нарушения УПК УССР и Основ законодательства СССР, мы и родственники Л. И. Плюща готовы засвидетельствовать.

Чрезвычайная закрытость ведения дела и даже невозможность ознакомиться с Решением суда, очевидно, не дали нам установить в полном объеме степень этих нарушений.

В ходе следствия и рассмотрения дела в суде первой инстанции проявился обвинительный уклон и тенденциозность в решении тех вопросов, которые в связи с отсутствием прямых запретов в УПК обычно решаются в пользу обвиняемого (например, назначение законного представителя, вызов подсудимого в зависимости от состояния его здоровья в суд и т. д.).

Налицо нарушение целого ряда статей УПК УССР — ст. ст. 20, 156, 204, 417, 419, 424.

Налицо *существенное* нарушение требований УПК УССР о гласности судебного разбирательства — ст. 370 и ст. 9.

Наличие хотя бы некоторых из этих нарушений дает Вам основание для опротестования дела на очередной сессии Верховного суда.

Мы не знаем, на основании чего делает свои выводы психиатрическая экспертиза, но как люди, близко знавшие Л. И. Плюща и его семью в течение многих лет, мы со всей ответственностью утверждаем, что Л. И. Плющ совершенно нормальный человек и требуем проведения новой открытой экспертизы с включением в состав

экспертной комиссии двух врачей-психиатров, представленных родственниками.

Мы понимаем, что при любом судебном разбирательстве возможна судебная ошибка. Однако никакое наказание, даже несправедливое, так не потрясло бы всех, кто знал Л. И. Плюща, как решение суда о помещении его на неопределенный срок в спецпсихбольницу для принудительного лечения.

В данном случае речь идет не об обычной судебной ошибке, а об ошибке неизмеримо более страшной.

Речь идет о насильственном помещении здорового человека в учреждение для душевнобольных, о введении в его организм сильнодействующих препаратов, предназначенных для лечения тяжело больных людей и о возможном ментоциде, т. е. убийстве человеческой личности.

Трудно представить себе человека, чья совесть могла бы спокойно вынести тяжесть подобной ошибки.

г. Киев, февраль 1973 г.

ПРОКУРОРУ УССР

Житниковой Татьяны Ильиничны, проживающей по адресу: Киев, ул. Энтузиастов 33, кв. 36.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Киевский областной суд над *Плющом Леонидом Ивановичем*, закончившийся 29 января 1973 г., дал мне разрешение на свидание с мужем. В течение 20 дней свидание мне не давали.

После моего заявления на имя Председателя КГБ при СМ УССР 20 февраля меня пригласили на беседу, в которой следователь КГБ Федосенко сообщил, что Председателем КГБ мне свидание разрешено.

На мой вопрос, почему свидание разрешено *Председателем КГБ*, когда у меня есть разрешение областного суда (насколько мне известно, после суда следственные органы КГБ никакого отношения к подсудимому не имеют, тем более, что Плющ Л. И. по решению областного суда не является подсудимым, а признан душевнобольным), следователь Федосенко мне ответил, что суд здесь вообще ни причем — разрешение дано Председателем КГБ.

Мало того, вслед за этим следователь Федосенко преподал мне ряд советов как вести себя во время свидания — о чём можно и о чём нельзя говорить, и даже, если муж спросит о деле, то говорить с ним об этом нельзя. Учитывая, что мой муж не знаком с делом, степень изоляции его от внешнего мира составляет 13 месяцев, с его стороны такие вопросы были бы вполне естественны.

В разговоре следователь к тому же неоднократно говорил о моём «нраве» — под этим он, вероятно, подразумевал мои требования законности ведения следствия.

Естественно, такой характер разговора не мог не воз-

мутить меня, и я допустила излишне резкое выражение в адрес следователя (Федосеенко).

Следователь заявил, что может лишить меня свидания «навсегда», но всё же разрешил его и сказал, чтобы я пришла через 2 часа.

Когда я с сыном пришла на свидание, начальник следственного изолятора КГБ мне объявил, что «учитывая моё безобразное поведение» свидания не будет.

Меня удивляет, что в своем рапорте следователь Федосенко, который должен был бы отразить происшедший инцидент объективно и спокойно — исказил моё высказывание, обобщил его и перенес с себя лично на организацию, т. е. фактически оболгал меня.

Моё состояние во время беседы со следователем — после года следствия, суда и всего с этим связанного всё-таки должно быть понятно. Я понимаю, что допустила оскорбительное выражение в отношении следователя Федосенко и готова нести за это соответствующее наказание. Но я совершенно не понимаю, почему за это несет наказание и мой муж, находящийся под стражей уже свыше года.

Учитывая, что областной суд, в ведении которого находится всё это дело и сам подсудимый, не лишал меня права на свидание — это решение было принято органами КГБ и направлено фактически на ухудшение положения Плюща.

Случившееся дает мне основание рассматривать этот факт как ещё одно нарушение процессуальных норм, которое, очевидно, вытекает из всех нарушений следствия и судебного разбирательства, о которых я сообщала в предыдущих заявлениях.

Прошу Вас рассмотреть сложившуюся ситуацию, не усугублять положение Плюща Л. И., наказывая его за несовершеннолетний им проступок, и дать ему возможность увидеться со своей семьей.

2 марта 1973 г.

ПРОКУРОРУ УССР

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я — Ада Ивановна Плющ, сестра Плюща Леонида Ивановича, арестованного в январе 1972 года.

Недавно по вызову невестки (жены брата) я ездила в Киев, где 25 января начался суд над моим братом.

Ни меня, ни жену брата на суд не допустили, нам лишь зачитали приговор. Мой брат был признан невменяемым на основании медицинской экспертизы. Экспертиза строилась на показаниях свидетелей или плохо знавших моего брата (свидетель Шевченко виделся с братом только полчаса), или не встречавшихся с ним последние 5-10 лет.

Меня же по делу брата даже не вызывали. Я жила вместе с братом в 58-60-х годах. Затем на протяжении последних 10 лет мы очень часто с ним встречались. На лето он приезжал к нам в Одессу, а во время своего отпуска и мама и я ездили к нему в Киев.

Ни мама, ни я никаких странностей в поведении брата не замечали. У него всегда было много друзей, которые любили брата за общительный характер, его терпимость к людям и их ошибкам.

В школе он был одним из первых по успеваемости, охотно помогал товарищам по математике, участвовал в математических олимпиадах, в устройстве школьных вечеров. Это я пишу со слов матери и школьных товарищей брата. Школу он закончил с серебряной медалью.

Дни, проведенные с братом, считаю лучшими днями своей жизни. Он умел не только интересно рассказывать о науке, литературе, но и внимательно выслушать собеседника, если нужно — помочь. За это и любят его и близкие и друзья.

Одного из свидетелей я хорошо знаю. Это Недорослев. С братом знаком он примерно с 1960 года. Недорослев жил в Одессе, брат в Киеве. Встречались летом. Потом Недорослев переехал в Киев (в 66-67 году). Вскоре у них дружба сошла на нет, последние 5 лет они почти не встречаются (не считая пьяных вылазок Недорослева к брату). И этот человек вдруг оказывается в числе основных свидетелей по делу брата и его показания служат поводом к психологической экспертизе.

Товарищ прокурор, я очень прошу Вашего вмешательства в это дело и очень прошу пересмотреть его.

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

г. Киев

28 августа

Следователь прокуратуры Дарницкого р-на г. Киева *Сидоренко* с участием понятых *Медведук Виктор Владимирович*, проживающий Киев, ул. Ломоносова, 37/1, кв. 44 и *Зинкевича Николая Семеновича*, проживающего Киев, ул. Днепродзержинская 126, а также уч. инспектора Дарницкого РОВД... и в присутствии *Житниковой Татьяны Ильиничны*

с соблюдением требований ст. ст. 169-171, 176 и 177 УПК РСФСР произвел обыск на квартире № 36 дома 33 по ул. Энтузиастов в квартире у гр-ки *Житниковой Т. И.* с целью отыскания и изъятия произведений клеветнического характера.

Вышеперечисленным лицам разъяснено их право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления по поводу тех или иных его действий. Понятым, кроме того, разъяснена на основании ст. 135 УПК РСФСР их обязанность удостоверить факт, содержание и результаты обыска.

Обыск начат в 7 час. 45 мин., окончен в час. мин.

Перед началом обыска следователем было предъявлено постановление об этом от 9 августа 1973 г., после чего гр-ке *Житниковой Татьяне Ильиничне* было предложено выдать имеющиеся у неё произведения клеветнического характера, на что *Житникова* ответила, что таковых у неё не имеется.

В связи с этим был произведен обыск в её квартире № 36 дома № 33 по ул. Энтузиастов.

При обыске обнаружено и изъято:

2 письма и почтовая открытка на имя *Житниковой Т. И.* от *Некипелова В. А.* с обратным адресом: 601330, Советская 2-г кв. 14. Первое письмо начинается словами:

«Танечка, дорогая...» заканчивается «... брошу из Владимира, чтобы дошло быстрее». На конверте штамп «19.06.73 г. Владимир», «21.06.73 Киев». Второе письмо (открытка в конверте) начинается словами «Дорогая Танечка...» заканчивается «...жду книжку с оказией». На конверте штампы «Ковров Владимир. обл. 2.7.73», «Киев 2.7.73».

На почтовой открытке, начинающейся словами «Дорогая Таня...», заканчивающейся словами «...марку со Сквородой».

Копия письма, отпечатанного на пишущей машинке, начинающегося словами «Андрей Владимирович» заканчивающегося словами «...если же случится, что моё письмо не попадет к Вам, я постараюсь довести его текст до Вашего сведения любым другим способом» (на 3-х листах).

Копия письма, отпечатанного на пишущей машинке, начинающегося словами: «Уважаемый товарищ Тимakov!», заканчивающегося словами: «...с уважением 26.II.73» (на 1 листе).

Заявление гр-ки Житниковой Т. И. в Верховный Суд УССР (копия), отпечатанное на пишущей машинке на 4-х листах от 14 февраля 1973.

Письмо, отпечатанное на пишущей машинке, на 4-х листах, начинающееся словами «Николай Викторович! Леонид Ильич! Алексей Николаевич!», заканчивающееся словами: «Не получив никакого ответа и даже почтового уведомления о вручении моего письма адресатам, посылаю этот текст вторично», дата 7 июля 1973.

У Житниковой осталось 5 копий письма с аналогичным содержанием.

Заявление на имя председателя Верховного Суда УССР от С. Е. Борщевского, А. А. Верхмана, В. Е. Ювченко, А. Д. Фельдмана, отпечатанное на машинке (копия) на 7 листах, датированное мартом 1973.

Школьную тетрадь в зеленой обложке с надписью «Заявление прокурору УССР от Ювченко В. Е.» на 12 листах.

Копия рукописного заявления на имя заместителя прокурора Киевской области от Борщевского С. Е. на 1 листе.

Почтовая открытка на 2-х листах, начинающаяся словами «Дорогая Таня!», заканчивающаяся словами «целуем, Нина, Витя».

Уведомление о вручении почтового отправления президенту Академии медицинских наук Тимакову на 1 листе.

Уведомление о вручении почтового отправления гр. Снежневскому А. В.

Вышеперечисленное изъято в папке в ящике письменного стола, находящегося в 1-й комнате квартиры Житниковой и в ящике этого же стола, находящегося в этой же комнате.

Обыск окончен в 12.35 28/VIII-73

В процессе обыска от понятых, присутствующих и Житниковой Т. И. замечаний или заявлений не поступило.

Протокол прочли, записан верно

понятые: 1)

2)

уч. инспектор

Житникова

Следователь

Сидоренко

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ ИТУ
г. Макагонову В. Е.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мой муж, Плющ Леонид Иванович, 1939 г. р., находится в настоящее время в Днепропетровской спецпсихбольнице. Посещение его на свидании, разговор с ним, с врачом и дежурным по режиму заставили меня обратиться к Вам по ряду вопросов, касающихся содержания моего мужа.

Тяжелое моральное его состояние, условия содержания, которые имеют место, заставляют меня просить Вас о переводе мужа в другое учреждение. Основные мотивы этого таковы: моему мужу не дают возможности вести переписку даже с ближайшими родственниками; письменные принадлежности дают только один раз в неделю по воскресеньям, и даже эти письма не приходят по адресу. Так, за 1,5 месяца пребывания его в больнице я не получила от него ни одного письма. Ему не дают возможности работать, — т. е. читать, работать с книгами. Такое запрещение не вызвано медицинскими показаниями, а объясняется установкой лиц, ведающих режимом содержания (так мне было объяснено дежурным по режиму). Ведь если считать (а ни муж, ни я не считаем этого) его психически больным на почве «идей реформаторства и мессианства», т. е. на почве проблем сугубо социального характера, то это никак не дает основания запретить мужу заниматься вопросами сугубо теоретическими, т. е. связанными с его непосредственной профессией математика. Как мне и было объяснено, по характеру содержания муж имеет право на получение интересующей его литературы из области математико-психологической теории игры (это та область науки, которой он занимался последние годы).

Удручающее впечатление оставил у меня и внешний вид мужа — его одежда на 2-3 размера больше, чем нужно, чрезвычайно старая, застиранная. Учитывая, что для человека в его положении это очень существенно, т. е. даже одежда помогает сохранить человеческий облик, я обращаю Ваше внимание и на это.

Я не прошу никаких условий для моего мужа — просто прошу выполнения обычного режима. Я опасюсь, что кем-то в отношении моего мужа создаются условия, в которых нет того минимального необходимого элемента здравого смысла и сострадания по отношению к людям, оказавшимся в таком положении как мой муж.

Убедительно прошу Вас помочь мне.

29.0.8.73

Житникова

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ*

№ 1

ОБРАЩЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПЛЮЩА

В Международный Красный Крест,
в Международный Комитет защиты прав человека
в Советском Союзе,
в Международную Лигу защиты прав человека.

Мы обращаемся к вам с призывом сделать все возможное для спасения жизни Леонида Плюща, который с июля 1973 года находится в Днепропетровской специальной (тюремной) психиатрической больнице МВД УССР. Леонид Плющ входил в состав Инициативной группы, лояльно выступающей в защиту прав человека и против незаконных репрессий. Он арестован в январе 1972 года и по определению Верховного Суда УССР, которое мы считаем совершенно необоснованным, направлен в Днепропетровскую психиатрическую больницу-тюрьму, известную суровостью режима даже в ряду других учреждений этого типа. Он находится в палате, где вместе с ним заключено более 25 человек в ужасных условиях унижений и издевательств и физических страданий. Бесконтрольное и бессмысленное применение галоперидола в больших дозах привело к резкому ухудшению его здоровья, к крайнему истощению и к постоянному ознобу, к слабости, отекам, судорогам, падению аппетита. Плющ не может уже читать, писать письма и использовать полагающуюся заключенным одночасовую прогулку. На все просьбы жены сообщить ей диагноз

*) Добавлены издательством.

мужа, данные о его состоянии и лечении администрация больницы отвечает отказом. В последний раз жена Плюща видела своего мужа 4 января. Писем от него нет. Мы опасаемся, что его состояние сейчас еще хуже.

Леонид Плющ находится на краю гибели. Мы призываем вас добиваться международной инспекции в Днепропетровской специальной психиатрической больнице, как и в других больницах этого типа, международной экспертизы состояния здоровья Леонида Плюща и передачи его для восстановления разрушенного здоровья в зарубежную больницу. Обращение к вам и в вашем лице к международной общественности — единственный остающийся для нас путь к спасению жизни Леонида Плюща.

12 февраля 1974 года

*Елена Боннэр, Татьяна Великанова,
Сергей Ковалев, Андрей Сахаров,
Андрей Твердохлебов, Татьяна
Ходорович.*

№ 2

*К Международной ассоциации врачей
психического здоровья*

К Международной ассоциации юристов

ОБРАЩЕНИЕ

Обращаюсь к вам с надеждой, что вы, беспристрастно рассмотрев те материалы, которые мне с величайшим трудом удалось собрать, не останетесь равнодушными к судьбе моего удивительного друга, вдумчивого молодого ученого Леонида Ивановича Плюща.

Очень прошу вас переслать эти материалы вместе с вашим квалифицированным заключением либо лично Генеральному Секретарю ООН господину Курту Вальдхайму, либо в Комиссию защиты прав человека при Социально-экономическом Совете ООН.

Благодарная вам за ваш труд и участие, с надеждой получить ответ

(Подпись) (Т. Ходорович)

Татьяна Сергеевна Ходорович,
СССР, г. Москва И-41, пр. Мира,
д. 68, кв. 156.
Тел. 281-88-15.

P.S. Прошу сделать мой очерк и иллюстрирующие его материалы достоянием гласности.

НАКАЗАНИЕ БЕЗУМИЕМ

УЧЕНЫЙ И ГОСУДАРСТВО

Еще одна карательная акция против «инакомыслия»: 29 января в Киеве осужден к заключению в тюремную психбольницу ученый-математик, психолог и литератор Леонид Плющ.

Л. Плющ пошел по пути Петра Григоренко, Ивана Яхимовича, Виктора Файнберга, Владимира Борисова, Натальи Горбаневской, Владимира Гершуни — в свое время открыто и мужественно протестовавших против беззакония и дискриминации, нарушения гражданских свобод, возрождения в стране черной тени сталинизма.

Заточение в сумасшедший дом, *наказание безумием* — трудно вообразить более жестокий и безнравственный способ расправы государства с гражданином, не захотевшим жить и мыслить по его доктринам.

Я не стану, даже не пытаюсь, проводить какую бы то ни было «антиэкспертизу», то есть скрупулезно, используя медицинские термины, доказывать полную психическую нормальность Леонида Плюща.

Л. Плющ для меня не только *нормальнее* любого из каздивших его государственных психиатров, он нормальнее всего департамента, по чьей указке была угодливо организована эта казнь. Уж гораздо результативнее было бы рассмотреть с точки зрения психиатрической нормы логику *их* характеров и поступков, и я верю, что рано или поздно такое исследование будет проведено.

Да, мозг Плюща — необычный, высокий мозг. Может быть, на первый взгляд несколько разбросанный в своих интересах. Кибернетика и психиатрия, древнеиндийская

философия и структурная лингвистика, история иудаизма и теория игры в нарды... Того, кто бывал в его квартире и видел его библиотеку — рассыпающиеся под тяжестью томов, подпирающие потолок самодельные стеллажи — поражала пестрота этого собрания. Довоенный многотомник Ленина в красных матерчатых переплетах и стопа тонких разрезных книжек Леонида Андреева из приложений к дореволюционной «Ниве»... Маркс и Толстой, Достоевский и Ибсен, Фрейд и Швейцер... Каждой новой книге Плющ радуется восторженно и жадно. Нет, это не слепая страсть коллекционера. Он выжимает из книги все, что может понадобиться в дальнейшем для строительства новой, *своей*, мысли.

Разносторонность интересов не означает, что Плющ в своем творческом поиске «растекается мыслью по древу». Основное направление его работы определяется достаточно четко. Аналитик по складу ума, математик-теоретик, Плющ живет в прекрасном и стройном мире математической логики. Тем не менее, его волнуют главным образом проблемы человеческих отношений — мир хаотический, неподчиняемый, нервный.

Плюща глубоко волнуют проблемы общественной нравственности. Он пытается понять психологию предательства, отступничества от нравственных идеалов — как в плане личностном, так и общественном, социальном. Существует ли, образно говоря, «ген предательства»? Почему в отдельные периоды истории оно так всеохватно разливается? Его интересует общество, в котором человеческие отношения искривляются настолько (почему?), что безнравственность, отступничество, ренегатство становятся не то что нормой поведения — чуть ли не образцами гражданской доблести. Как лечить такое общество и исцелимо ли оно?

Плющ много думал над работой о психологии ренегатства и психологии «общественного непротивления», пассивности масс, определяемой классической формулой «моя хата с краю». Его интересовало поведение русской интеллигенции в прошлом и настоящем, истоки и при-

чины ее нравственной деградации в отдельные исторические эпохи.

Еще во время московского процесса над А. Гинзбургом и Ю. Галансковым (1968 г.) Плющ пытался понять, объяснить для себя линию поведения В. Добровольского — человека невысокого нравственного уровня, оговорившего на процессе своих товарищей. Что это, — спрашивал Л. Плющ — *случайность*, как результат слабости отдельной человеческой натуры или *причинный след*, запрограммированное проявление нравственной порчи какого-то поколения в своих потомках?

Размышляя в последние годы над некоторыми умозаключениями Фрейда, Л. Плющ наметил оригинальную теорию о роли *общественного подсознания* в историческом процессе. Он писал о взаимоотношениях между этим, внутренним пластом и сферой общественного сознания, о вулканических прорывах подсознательного сквозь кору официозного миропонимания, о значении подсознания в подготовке и ускорении смены общественных отношений.

Эта теория была сформулирована в черновом очерке «Обмолвка реакции», который вошел затем в более крупную работу «Наследники Сталина».

Следует сказать, что почти все известные этико-социологические статьи Плюща, в том числе самая, кажется, крупная и законченная — «Наследники Сталина», представляют собой лишь составные части одной большой работы об этике общественных отношений в современном государстве. К сожалению, Плющу не довелось не только систематизировать, собрать воедино, но даже сохранить все фрагменты этой работы: существовавшие, главным образом, в виде черновых записей и набросков в тонких непрочных тетрадях, они были бесследно изъяты при двух обысках: в 1969 и 1972 гг.

Увы, такой удел может ждать в нашей стране любого ученого, чье творчество не санкционируется государством. Какой уж тут индетерминизм — свобода научного выбора и авторской концепции, когда прежде чем сде-

лать какую-то запись, ты должен быть уверен, что сумеешь ее сохранить! В стране несвободы творчества, жестокого государственного контроля за мыслями и настроениями, далеко не каждому удастся реализовать свой творческий замысел, если он идет вразрез с ортодоксальными установками...

Работы Л. Плюща при всей сложности их замысла и структуры не несут на себе печати книжности, отвлеченного теоретизирования. Каждая — живой отклик на проблемы дня, нашей действительности, порожденный страстным желанием видеть эту действительность более разумной и совершенной. Государство в работах Плюща — это не абстрактное государство, это всегда наше государство в том виде, в каком оно есть и каким оно могло бы не быть, а психология — не теоретическая модель, а состояние души нашего современника. Плюща интересует сталинизм, но не как историческое явление, а как психологический феномен. Что это, патологическое оцепенение души миллионов людей или... ее живая потребность? Как долго такое оцепенение может длиться? Почему ветер истории никак не вырвет с корнем и не выдует из страны цепкие плевелы сталинизма? Чем живы и сильны в наши дни «наследники Сталина»?

Одна из последних работ Л. Плюща — «Этическая установка» (1970 г.)*. Она, помимо рассмотрения выдвигаемой самим автором «установки во внутривнутриполитической борьбе» и в «международных отношениях», содержит интереснейшие выводы и соображения об установках, «выходящих за пределы прошлого и настоящего». Примером такой установки может служить «установка добра», играющая «роль духовных строительных лесов будущего». Остановив свое внимание на «установке пессимистического оптимизма» и «героического пессимизма», Л. Плющ утверждает, что обе эти установки — достойные точки зрения. Первая направлена «на поиски шансов спасти мир, т. е. создать общество, дающее возможность человеку стать человеком». Вторая,

*) См. дополнительное приложение № 4.

отрицая эту возможность, считает, что человеческое Я из любви к себе «заявляет своеволие» — «не хочу быть дерьмом и буду защищать свои человеческие ценности даже в том случае, если останусь один». Поведение Л. Плюща — лучшее подтверждение жизненности исследуемых им установок.

Из-под пера Л. Плюща выходят и актуальные публицистические статьи. Например, открытое письмо академику Семенову — ответ на выступление последнего в «Литературной газете» (1970 г.) — взволнованный монолог о моральной ответственности ученого за деяния ума и рук своих.

Долго и терпеливо исследует Л. Плющ творчество двух реакционеров пера — Всеволода Кочетова и Ивана Шевцова, усмотрев в нем характерный для «наследников Сталина» исторический инфантилизм. И хотя эта работа, как уже говорилось, составляет лишь часть его будущей книги о взаимоотношениях между личностью и государством, всего лишь раздел, который условно можно было бы назвать «этикой (точнее анти-этикой) творчества», она интересна и как образец чисто литературной критики.

Оставаясь человеком науки, Плющ не чурается прямой общественной деятельности. В одиночку и вместе с друзьями он не раз выступает в защиту гражданских прав, свободы убеждений, творчества. Гражданская неуспокоенность и совесть Плюща нашли свое наивысшее выражение в подписании им ряда протестов и деклараций в составе Инициативной группы защиты прав человека в СССР.

При всем том Л. Плющ никогда не был борцом-фанатиком. «Как хочется засесть в деревне, в какой-нибудь засыпанной снегом гуцульской хате, обложиться книгами, заняться, наконец, теорией игры...» — Как немного и как недостижимо! В этой тоске — весь Плющ.

Человек «чистой науки» (мне хочется думать, что такая всетаки существует), он, конечно, мечтал отдаться ей до конца.

Углубленно занимаясь вопросами применения математики в биологии и психологии, Л. Плющ погружается в теорию игры: пытается создать ее морфологию, моделирует ее структуру, экспериментирует, создает новые игры. Для этого нужно серьезно заняться мифологией, историей элитарных культов, магией, фетишизмом. Он начинает подбирать литературу — увы, куцую.* Но математика и здесь нужна ему лишь как способ проникновения в тайники социологии. Исследователь от природы, Плющ, будь у него элементарные условия для работы, мог бы обогатить науку. Ему бы полный, мировой каталог, возможность подключить к работе нужную книгу любой страны, любой исторической концепции и философской системы. Увы, родная страна не может дать ему даже такой свободы! Это — первая ступень несвободы советского ученого, выбирающего свой путь в науке.

Плюс к этому отчаянная, нечеловеческая нужда. Ведь Плющ свыше трех лет (вплоть до ареста) был без работы, живя с семьей из 4-х человек на скудный заработок жены. (В 1968 г. Плющ был уволен из Института кибернетики по политическим мотивам и больше устроиться никуда не смог.) Это — вторая возможная ступень несвободы советского ученого, не желающего поступиться своей внутренней свободой.

Леонид Плющ, я утверждаю это с полной ответственностью, не хотел заниматься, да и не занимался никакой «политикой» в полном смысле этого слова. Только беспокойное, совестное сердце ученого не могло биться в стороне от бед и нужд общества.

Ему хочется сидеть в библиотеке, бережно перелистывая какую-нибудь книгу, а вместо этого нужно ехать

*) Куцую — не потому, что в богатейших книжных хранилищах нашей страны, таких, скажем, как Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина, нет такой литературы. Куцую — потому, что эта литература находится под запретом и может быть выдана только по специальному разрешению. Ее могут получить лишь государственные служащие, работающие над запланированными темами, выводы из которых еще до начала исследований были официально одобрены. Независимые ученые лишены такой возможности.

в Харьков, где идет судебный процесс над Генрихом Алтуняном*, — торчать на ветру перед зданием суда (ведь внутрь все равно не впустят) . . .

Он оставляет раскрытую книгу, недописанную статью. Он едет в Харьков и мерзнет на этих отчаянных ступенях — лишь для того, чтобы своим присутствием поддержать друга и сделать достоянием гласности еще одну расправу властей над инакомыслием и несогласием.

Инициативная группа . . . протесты . . . письма в ООН. Все — гласно и во имя гласности, единственного средства борьбы с произволом. В защиту Х . . . У . . . Z . . . Обыденная *гражданская деятельность*, возможная в любой мало-мальски цивилизованной стране. Но только не в нашей! И государство в конце концов карает ученого-подвижника, карает именно за «политику», которой он не только никогда не искал, но, по сути, и не занимался.

Леонид Плющ не вернулся в читальный зал к ожидающему его фолианту . . . И даже в заметенную снегом гуцульскую избушку.

СЛЕДСТВИЕ, ПРАВОСУДИЕ, ПСИХИАТРИЯ

29-го января Киевским областным судом был осужден к заключению в *психиатрическую больницу специального* (т. е. тюремного) *типа* Леонид Иванович Плющ. Это решение было опротестовано в кассационной инстанции: Верховный суд УССР постановил поместить Л. Плюща на принудительное лечение в психиатрическую больницу общего типа. Прокуратура УССР, сочтя «деяния» Л. Плюща особо опасным государственным преступлением, опротестовала кассационное решение Верховного суда УССР и настаивала на помещении Л. Плюща в психиатрическую больницу-тюрьму. «Дело» Плюща передано на рассмотрение Пленума Верховного суда УССР. Пленум вынес постановление о передаче «дела» снова в Верховный суд УССР.

*) См. «Хронику текущих событий» № 11.

Леонид Плющ по-прежнему находится в следственной тюрьме украинского КГБ в полной изоляции.

*

Передо мной те немногочисленные материалы по делу Л. Плюща, которые с большими трудностями, по крохам, удалось собрать.

В них освещается следующий достоверный факт: Леонид Плющ решением суда 1-ой инстанции насильственно помещен в психиатрическую больницу тюремного типа. Это не действие группы гангстеров от науки, выкравших человека для проведения какого-то эксперимента. Это — государственное мероприятие, едва прикрытое фиговым листком правосудия и психиатрии.

Впрочем, судите сами.

С 25 по 29 января 1973 г. в Киевском областном суде состоялось рассмотрение дела Л. И. Плюща, обвинявшегося по ст. 62 УК УССР (ст. 70 УК РСФСР).

Состав суда: председатель — Дышель,
народные заседатели — Москалюк,
Грама,
прокурор — Питенко,
адвокат — Кржепицкий.

Суд — закрытый, поэтому материалы следствия и суда остались в тайне. Известно лишь определение суда, согласно которому подсудимому инкриминировалось:

а) хранение и распространение нескольких машинописных текстов (в том числе 3 выпуска «Хроники» по 1 экземпляру, 2 выпуска «Украинского Вестника» по 1 экземпляру), которые на суде фигурировали как антисоветские, клеветнические, порочащие советский государственный строй;

б) изготовление, хранение, распространение рукописных работ, из которых 7 признаны авторскими («Письмо Советскому правительству», «Россинанту», «Наши задачи», «Письмо в «Комсомольскую Правду»*, «Психологи-

*) См. дополнительное приложение № 3.

ческая установка на допросе», «Этика и борьба», «Психология интеллигентного предательства»). Все они были квалифицированы как антисоветско-клеветнические, порочащие советский государственный и общественный строй;

в) подписание «антисоветских» писем в ООН в составе «нелегальной организации», называющей себя Инициативной группой по защите прав человека в СССР;

г) ведение антисоветских разговоров.

Из этого же Определения следует, что Л. И. Плющ совершил инкриминируемые ему деяния (ст. 62 УК УССР) в невменяемом состоянии.

Киевский областной суд постановил поместить Л. И. Плюща в психиатрическую больницу специального типа для принудительного лечения.

Судебному разбирательству, как известно, предшествует расследование дела, т. е. следствие. К нему и обратимся.

Нарушения советских законов, допущенные в ходе следствия

1. Превышены все, допустимые по УПК УССР (равно как по «Основам законодательства Союза ССР»), сроки содержания обвиняемого под стражей. Закон гласит: «Содержание под стражей при расследовании дела не может продолжаться более двух месяцев. Этот срок может быть продлен лишь ввиду особой сложности дела прокурором области... до трех месяцев, а Прокурором УССР... до шести месяцев со дня заключения под стражу. Дальнейшее продление срока содержания под стражей может быть произведено только в исключительных случаях Генеральным Прокурором СССР дополнительно на срок не более трех месяцев» (ст. 156 УПК УССР, ст. 97 УПК РСФСР).

Обвиняемый Л. Плющ находился под стражей без суда 12 месяцев. Следует отметить, что для соблюдения «законности» (фиговый листок № 1), для продления следствия в данном конкретном случае (как, впрочем, и во

многих других конкретных случаях) потребовалось изменение закона, действующего на территории УССР. Прокурор по надзору за делами, находящимися в ведении КГБ, сообщил, что есть Постановление Верховного Совета СССР за подписью гг. Подгорного и Георгадзе о продлении срока следствия над Л. И. Плющем до 1 года.

2. Предварительное следствие проводилось без участия защитника, что, если признать «невменяемость» обвиняемого, свидетельствует о нарушении ст. 417 (Комментарий, п. 4 УПК УССР) ст. 405 УПК РСФСР): «По делам лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, а также лиц . . . участие защитника является обязательным. Защитник допускается к участию в деле с момента установления факта душевного заболевания лица, совершившего общественно опасное деяние».

Каким образом это было достигнуто?

Л. И. Плющ был направлен в Москву для проведения судебно-медицинской экспертизы в конце апреля 1972 года. Известно, что к тому времени допросы обвиняемого уже прекратились. Это дало возможность органам КГБ провести предварительное следствие по делу Л. Плюща без участия адвоката, но зато с мотивировкой о его необязательном участии в связи с тем, что обвиняемый был признан душевнобольным после окончания следствия (фиг. лист. № 2). Именно такая мотивировка была сообщена жене, но лишь в декабре 1972 г. (т. е. по истечении годичного срока следствия, перед передачей дела в суд), когда в ответ на ее многочисленные жалобы и заявления (см. Приложение) ей, наконец, официально было объявлено, что ее муж — «душевнобольной».

3. Во время ведения следствия оказывалось психологическое давление не только на свидетелей, но и на обвиняемого, что противоречит ст. 22 УПК УССР и комментариям к ней.

Примеры: а) Лишение обвиняемого в течение целого года какой-либо информации из внешнего мира, в частности информации о его семье.

б) *Даже адвокату*, в нарушение всех законов о защите, за все время следствия было дано лишь одно свидание с Л. Плющом — при передаче дела в суд. Ходатайство адвоката о предоставлении ему хотя бы еще одного свидания до суда было отклонено с мотивировкой «в этом нет надобности».

в) Можно предположить, что проведение психиатрических экспертиз было тоже одним из средств давления на обвиняемого, отказывающегося принимать участие в следствии.

г) В связи с вызовом в КГБ по делу мужа, Т. И. Житникова (жена Плюща) подверглась целому ряду незаконных репрессий внесудебного характера. Так, ее отстранили от служебных командировок, перестали печатать в методическом журнале ее статьи, из издательского плана была исключена составленная ею в соавторстве хрестоматия.

д) Оказано давление и на свидетелей С. Борщевского и В. Ювченко*, которые в связи с этим направили заявление-жалобу на имя Прокурора УССР. (Ответ не получен).

Судебно-медицинские экспертизы и их назначение

1. Обвиняемый без всяких оснований был подвергнут судебно-психиатрической экспертизе. Таким образом была нарушена ст. 204 УПК УССР: «При наличии в деле данных, которые дают основания полагать, что обвиняемый во время совершения общественно опасного деяния был в невменяемом состоянии... следовательно... назначает судебнопсихиатрическую экспертизу». Согласно комментарию к этой статье, даже *умышленное убийство* с отягчающими обстоятельствами *не* является основанием для проведения судебнопсихиатрической экспертизы, если в деле отсутствуют данные о психической неполноценности обвиняемого (ст. 204, п. 2 коммент. к УПК УССР).

*) См. «Хронику» №№ 25, 26.

«В деле математика Л. И. Плюща, окончившего с медалью среднюю школу, победителя математических олимпиад, имеющего диплом университета, автора нескольких научных статей, *никогда не страдавшего психическими* расстройствами и не состоявшего на учете ни в одном психиатрическом учреждении — естественно, таких данных не было и не могло быть».*

Этими «данными» (фигурный листок № 3) послужили, очевидно, лишь показания нескольких свидетелей, подтвердивших на допросах в результате психологического давления на них со стороны следователя, его версию о «невменяемости» Плюща, о том, что Плющ — «сумасшедший», «такой же ненормальный, как Григоренко» (!). Это было заявлено, например, свидетелю В. Боднарчуку 26 января 1972 во время очной ставки с Л. Плющом, т. е. на 14-ый день следствия. Свидетель Ф. А. Диденко (в феврале) был введен в заблуждение следователем И. И. Суром, заявившим, что в КГБ получено письмо матери Л. Плюща, в котором она пишет о «странностях» сына. (В действительности такого письма мать Л. Плюща не писала.) Свидетелю Э. Г. Недорослеву в июне было также заявлено о том, что Плющ — «сумасшедший». Такие заявлениястораживают и пугают, ибо они свидетельствуют о том, что вопрос о психическом состоянии здоровья обвиняемого, по сути дела, находится в компетенции органов КГБ, а не медицины. Судебно-психиатрическим экспертам-врачам остается лишь придать медицинскую форму (фигурный листок № 4) тому решению, которое им сообщается.

Психологическое давление на свидетелей оказывалось также и самой формой наводящего вопроса: «Не кажется ли (не казался ли) Вам Плющ странным?» В результате некоторые свидетели ответили на этот вопрос утвердительно.

Есть основание предполагать, что в качестве «данных о психической неполноценности обвиняемого» органы дознания использовали и факт отказа обвиняемого

*) См. приложение № 5.

от дачи показаний. На самом же деле этот факт свидетельствует лишь об удивительной стойкости и нравственной безупречности Л. Плюща, не пожелавшего стать соучастником следствия, направленного против права каждого иметь свою собственную точку зрения.

2. При оценке психического состояния обвиняемого принимались во внимание показания свидетелей, мало знавших, почти не знавших Л. Плюща или не видевших его последние 5-10 лет. Так, например, на суд были вызваны: свидетель Шевченко, видевший Л. Плюща один раз в жизни в течение одного часа; свидетель Колесов — эпизодический знакомый в течение очень короткого времени в 1963 г. (это время вообще не рассматривается в деле) и др. Вместе с тем, родная сестра Л. Плюща, имеющая, кстати, среднее медицинское образование, не была вызвана для дачи показаний о психическом состоянии брата ни во время следствия, ни на суд. Не были вызваны на суд и лица, хорошо знавшие Л. Плюща (об этом см. след. пункт). Не были учтены данные на следствии показания жены Л. Плюща, свидетельствующие о его полном психическом здоровье.

В результате Л. Плющ был подвергнут, по официальным данным, двум судебно-психиатрическим экспертизам (по неофициальным данным — трем: третья была первой, проводила ее Комиссия экспертов судебно-психиатрического отделения Киевской психиатрической больницы им. Павлова: доктор мед. наук Лифшиц, зав. отделением Винарская, врач Кравчук — амбулаторным путем и признала Л. Плюща вменяемым).

Остановимся, однако, на официальных данных.

Прокурор по надзору за делами, находящимися в ведении КГБ УССР, тов. Малый только в конце декабря 1972 г. (т. е. после окончания следствия) сообщил жене Л. Плюща, что в деле обвиняемого Л. И. Плюща имеются тексты двух судебно-медицинских экспертиз о психическом состоянии его здоровья.

1-я экспертиза была проведена в Москве Комиссией под председательством директора Научно-исследова-

тельского института судебно-психиатрической медицины им. Сербского, члена-корреспондента АМН Г. В. Морозова (члены Комиссии: проф. Д. Р. Лунц, канд. мед. наук А. К. Качаев). В заключении Комиссии говорится, что Л. И. Плющ страдает шизофренией «с признаками параноидального расстройства, идеями реформаторства, элементами мессианства . . .», что он «невменяем и подлежит принудительному лечению в специальной психиатрической больнице».

2-я экспертиза была проведена тоже в Москве Комиссией, сформированной по распоряжению Министерства здравоохранения СССР, в следующем составе: председатель — академик А. В. Снежневский, члены — член-корреспондент Г. В. Морозов, проф. Д. Р. Лунц, руководитель отделения Онуфриев. В заключении Комиссии говорится, что Л. Плющ страдает вялотекущей формой шизофрении и «его состояние здоровья в настоящее время свидетельствует о наступлении изменений в сторону эмоционально-волевого расстройства, утраты актуальности, идей реформаторства, трансформации их в идеи изобретательства в области психологии»*, больной нуждается в принудительном лечении в психиатрической больнице общего типа.

Таким образом, две** «авторитетные» Комиссии признали Л. Плюща «невменяемым», но дали разноречивые рекомендации о типе больницы для его содержания.

Суд выбрал из двух зол большее.

Нарушения советских законов, допущенные во время судопроизводства

I. Отказ свидетелям, участвовавшим в следствии, в просьбе дать дополнительные показания на суде. Свой отказ судья Дышель мотивировал тем обстоятельством, что суд решает вопрос о принудительной мере медицин-

*) Это связано с тем, что Плющ в течение всего срока заключения занимался и продолжает заниматься теорией игры.

**) О судьбе третьей экспертизы нам ничего не известно, кроме того, что (по словам прокурора и адвоката) в деле Плюща ее нет.

ского характера и не считает нужным приглашать в качестве свидетелей не психиатров (фиговый листок № 5).

Эта мотивировка судьи Дышеля противоречит ст. 419 УПК УССР: «В судебном заседании допрашиваются свидетели и проверяются доказательства, доказывающие или опровергающие совершение данным лицом общественно опасного деяния, а также проверяются другие обстоятельства, имеющие существенное значение для разрешения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера».

Остается добавить, что ни у кого из свидетелей, допрошенных на суде, нет медицинского образования (это, кстати, и законом не предусмотрено).

II. В ходе рассмотрения дела в суде проявлялась тенденциозность в решении тех вопросов, которые, при отсутствии прямых запретов в УПК, обычно решаются в пользу обвиняемого.

Примеры.

Было отклонено ходатайство жены Л. Плюща об участии в суде законного представителя — на том основании, что в УПК УССР нет статьи, согласно которой суд при рассмотрении дела, касающегося душевнобольного, обязан ввести его законного представителя. Действительно, в УПК УССР нет статьи, содержащей прямое указание на необходимость участия законного представителя. Однако там нет и запрещающей статьи.* В этом случае согласно ст. 20 Конституции (Основного Закона) СССР — «В случае расхождения закона Союзной республики с законом общесоюзным, действует общесоюзный закон» — суд обязан был руководствоваться ст. 28 Основ гражданского судопроизводства СССР, которая предусматривает участие законного представителя при рассмотрении дела, касающегося душевнобольного.

*) Более того, в Комментарий к ст. 424 УПК УССР есть косвенное указание на существование законного представительства в делах лиц, признанных душевнобольными: «Лицами, которые могут обжаловать в кассационном порядке определение суда, являются защитник больного или его законный представитель» (Комм. п. 2 к ст. 424-б).

Было отклонено также ходатайство адвоката о вызове в суд обвиняемого с мотивировкой: «Суд не видит в этом необходимости» (фиговый листок № 6). В то время как, согласно ст. 419 УПК УССР, судья может разрешить подсудимому, признанному душевнобольным, участвовать в судебном разбирательстве, если «этому не препятствует характер его заболевания».

III. Нарушен один из основных законов судопроизводства.

Предъявленное Л. Плющу обвинение в изготовлении, хранении и распространении антисоветских клеветнических материалов, порочащих советский государственный и общественный строй, не было (да и не могло быть) рассмотрено по существу вопроса.

Ибо:

1. Ни одним законодательным актом (списком) не объявлено, какая именно литература признана антисоветской. Видимо, Л. Плющ (как впрочем, и другие лица, осужденные по этой статье) должен был сам интуитивно решить, какие книги можно хранить и давать читать, а какие — нет.

2. В советской юридической литературе нет раскрытия термина «антисоветская(ие)». В Комментарий к ст. 70 УК РСФСР (соотв. ст. 62 УК УССР) одно неизвестное объясняется через другое.

Пример. «Антисоветской агитацией или пропагандой являются:

а) агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти;

в) распространение в целях подрыва или ослабления Советской власти либо в целях совершения отдельных особо опасных государственных преступлений клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй;

г) распространение, хранение, изготовление в тех же целях литературы указанного характера» (Комм. п. I к ст. 70 УК РСФСР). Какое содержание следует вкла-

дывать в слова «цель подрыва или ослабления Советской власти? Могут ли, к примеру, работы Л. И. Плюща, написанные на этико-психологические темы, содержать «цель подрыва или ослабления Советской власти»? Как это доказать? А ведь только доказав наличие «цели подрыва...» (согласно приведенным Комментариям к ст. 70 УК РСФСР), можно доказать, что они анти-советские.

Содержат ли работы Л. Плюща, написанные на социальные темы, его раздумья о состоянии души нашего современника «цель подрыва или ослабления Советской власти», иными словами, являются ли они антисоветскими? Доказано ли это судом?

Содержат ли письма Л. Плюща, адресованные Советскому правительству или предназначенные им для опубликования в советских газетах, «цель подрыва или ослабления Советской власти»? Доказано ли это судом?

Содержат ли, наконец, письма в ООН, подписанные Л. Плющом в составе Инициативной группы защиты прав человека в СССР, «цель подрыва или ослабления Советской власти» или, быть может, «цель совершения отдельных особо опасных государственных преступлений»? Доказано ли это судом?

В чем состоит «клеветнический характер» этих материалов?

Какие факты, приведенные в них, являются не фактами, а клеветой? Доказано ли это судом?

Суд предпочитает этого не доказывать.

Он лишь голословно утверждает со ссылкой на «идеологическую» экспертизу (фигурный листок № 7), толкования которой при этом не приводятся, что эти материалы — антисоветские, клеветнические, порочащие...

Суд тем самым нарушает один из основных законов судопроизводства: «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела» (ст. 20 УПК РСФСР).

IV. Суд постановил с признанного душевнобольным Л. Плюща взыскать 73 руб. судебных издержек.

Этот пункт в комментариях не нуждается.

V. Нарушена гласность судебного разбирательства.

Суд официально был объявлен закрытым.

Мотивировки (фиговые листочки №№ 8, 9).

1. «Рассмотрение дела Л. Плюща представляет собой государственную тайну» (заметьте, не само «дело», а его рассмотрение).

Понятие «государственная тайна» определено законом следующим образом: «К сведениям, составляющим государственную тайну, относятся сведения военного и экономического характера, а также иного рода сведения, которые Советское правительство считает необходимым охранять как государственную тайну» (Комм. п. 2 к ст. 75 УК РСФСР).

Само собой разумеется, что ни дело Л. Плюща, ни его рассмотрение не содержали и не могли содержать никакой государственной тайны, а следовательно, нарушена ст. 11 Основ гражданского судопроизводства СССР и ст. 20 УПК УССР: «Разбирательство дел во всех судах открытое, за исключением случаев, когда это противоречит интересам охраны государственной тайны» (ст. 20). Кроме того, нарушена ст. 419 УПК УССР, так как в этой статье (и ни в какой другой) нет ссылки на то, что суд над душевнобольным хоть в каком-нибудь случае (даже в случае наличия государственной тайны) может быть закрытым.

А между тем, даже жене в просьбе присутствовать на суде было категорически отказано. *Зал был пуст*: не было ни подсудимого, ни его законного представителя, ни эксперта, ни родственников, ни публики. Изоляция суда от внешнего мира была настолько высокой, что наряд милиции, охранявший пустой зал, не разрешал (под угрозой ареста) гражданам, желавшим попасть на процесс, находиться даже на крыльце здания суда. И только после неоднократных требований жене и сестре подсудимого было разрешено (в связи с сильным морозом) ждать окончания заседания в вестибюле.

Что это? Кто повинен в нарушении гласности судебного разбирательства?

Судья?

Или, может быть, бездоказательный суд над Л. Плющем — это те самые «инога рода сведения, которые Советское правительство считает необходимым охранять, как государственную тайну»? И тогда автор этого письма должен быть предан суду за ее разглашение? И суд снова будет закрытым?

2. «Дело не представляет общественного интереса», — заявил т. Дышель друзьям Л. Плюща, которые обратились к нему с просьбой разрешить им присутствовать в зале заседания.

Это объяснение неверно, алогично: а) как может не представлять общественного интереса дело, касающееся возможности «подрыва или ослабления Советской власти»? б) если дело не представляет общественного интереса, то зачем охранять его рассмотрение с помощью милиции?

VI. Нарушены (повторно) ст. 11 Основ гражданского судопроизводства СССР и ст. 20 УПК УССР, согласно которым решения судов во *всех случаях* оглашаются в открытых заседаниях. На слушание Определения были допущены лишь жена и сестра подсудимого. Для того, чтобы в зал заседания не прошли остальные желающие там присутствовать, были предприняты специальные действия: жене и сестре было предположено войти «на пять минут» из вестибюля в коридор. (Как потом стало известно, в зал заседания им запретили взять с собой даже дамские сумочки.) Когда присутствующие около здания суда граждане сообразили, что началось чтение Определения, и тоже пытались войти, им сказали: «Чтение уже началось — вы будете мешать» (фиговый листок № 10).

Выдать жене письменный текст Определения на руки судья категорически отказался.

Вместо собственных комментариев к пунктам V, VI, процитирую Комментарий (п. 3 к ст. 20 УПК УССР):

«Гласность судебного рассмотрения является одним из

важнейших демократических принципов советского криминального процесса... Она ставит под широкий общественный контроль деятельность судебных органов. Открытое судебное разбирательство содействует еще большему чувству ответственности у судей, прокуроров, адвокатов, которые осуществляют свои функции в суде, а также повышает чувство ответственности за свои показания у свидетелей и экспертов, что безусловно содействует повышению качества судебной деятельности.

Гласность процесса является одним из важнейших условий осуществления воспитательной функции, возложенной на советский суд. Только в условиях открытого рассмотрения дел в суде эта функция успешно осуществляется».

Чрезвычайная закрытость дела и невозможность ознакомиться даже с определением суда явно мешают установить полный объем допущенных нарушений. По-видимому, данный документ содержит далеко не весь перечень нарушений следствия и судопроизводства.

Ясно одно: и установленного достаточно для отмены *Определения*, вынесенного Киевским областным судом по делу Л. И. Плюща.

Ибо:

«Основанием для отмены или изменения приговора при рассмотрении дела в кассационном порядке являются: односторонность или неполнота дознания, предварительного или судебного следствия; несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела; существенное нарушение уголовно-процессуального закона; неправильное применение уголовного закона; несоответствие назначенного судом наказания тяжести преступления и личности осужденного» (ст. 367 УПК УССР), а также «Приговор во всяком случае подлежит отмене: ... 9) если судом нарушены требования статей настоящего Кодекса, которые устанавливают: открытое судебное рассмотрение дела, обязательность предъявления обвинения и предъявления обвиняемому материалов предварительного

следствия, . . . предоставление подсудимому права на защитительную речь, . . . а также предоставление подсудимому последнего слова» (ст. 370 УПК УССР).

Превышение своих полномочий органами КГБ УССР

1. Согласно закону, после вынесения Определения, Киевский областной суд 29 января 1973 г. дал письменное разрешение жене Л. Плюща на свидание.

Однако свидания не было до сих пор (июнь 73 г.). Препятствуют предоставлению законного свидания следственные органы КГБ, хотя после окончания следствия и суда они не должны иметь *никакого отношения* к своему бывшему подсудимому. Тем более — не должны иметь отношения к Л. Плющу, который, согласно судебному определению, даже не является осужденным, т. к. «совершал свои деяния в состоянии невменяемости, будучи психически больным».

Это не помешало 20-го февраля 73 года следователю Федосеенко, пригласившему на беседу жену Л. Плюща в связи с ее письменным заявлением-жалобой на имя Председателя КГБ при СМ УССР, в котором она сообщила, что начальник следственного изолятора, игнорируя разрешение судьи, до сих пор не дал ей свидания с мужем, заявить, что «суд — здесь вообще ни при чем», но что свидание ей будет дано, т. к. есть *разрешение Председателя КГБ УССР*.

Далее следователь Федосеенко (он вел дело Л. Плюща) начал давать указания, о чем можно и о чем нельзя говорить на свидании. Так, он категорически запретил говорить с Л. Плющем о его «деле» (даже если он сам будет задавать какие-то вопросы, отвечать ему на них нельзя). Плющ с материалами дела не знаком. Срок изоляции его от внешнего мира достигал к этому времени 13 месяцев. Естественно, жена возмутилась такой постановкой вопроса и сказала, что считает следователя Федосеенко духовным убийцей своего мужа.

В свидании ей было отказано.

Не было ей дано свидания и после ее письменного заявления от 2-го марта 73 г. Прокурору УССР. Заявление осталось без ответа.

В конце апреля Прокурор в ответ на устную просьбу жены Л. Плюща дать ей свидание с мужем, сказал, что он не понимает, зачем ей нужно свидание, — «ведь ваш муж тяжело больной человек».

Однако это не помешало 3 мая дать свидание Л. Плющу с сестрой. Предварительно сестру проинструктировали, что она не должна говорить о «деле брата», о решении кассационного суда, об отказе жене в свидании с Л. Плющем. Сестра дала согласие на соблюдение этих условий, и свидание (единственное за 18 месяцев тюремного заключения) в рамках дозволенного состоялось.

Верховный суд УССР, куда было направлено очередное заявление жены Плюща с просьбой предоставить свидание с мужем, дал свое согласие. Однако начальник следственного изолятора Сапожников 24 мая заявил, что «за нетактичное поведение», «вы с кем-то там поссорились» (фиговый листок № 11), свидание предоставлено не будет.

Л. Плющ не только лишен свиданий, но и переписки. После окончания судебного процесса (29 января 73 года) от него не было получено ни одного письма.

Превышение органами КГБ УССР своей власти, равно как и нарушение процессуальных норм, следует рассматривать как желание сохранить в *глубокой тайне* «дело» Леонида Плюща.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма, жалобы, заявления, написанные в различные советские инстанции родственниками и друзьями Л. Плюща.
(Данный перечень ни в коем случае не является исчерпывающим)

1. 25/V — 72 г. Письмо Прокурору УССР с перечислением фактов, свидетельствующих о тенденциозном характере ведения следствия.

Письмо осталось без ответа.

2. 31/V — 72 г. Письмо такого же содержания было направлено Генеральному Прокурору СССР т. Руденко.

Письмо осталось без ответа.

3. 4/VI — 72 г. Письменное заявление в Прокуратуру УССР. Получен ответ о передаче заявления в КГБ УССР. Из КГБ ответ не получен.

4. 3/X — 72 г. Письменное заявление Генеральному Прокурору СССР тов. Руденко о затянувшемся следствии. Ответ не получен.

5. 1/XII — 72 г. Письмо Председателю Верховного Суда СССР о тенденциозном характере ведения следствия, с просьбой сообщить результат психиатрической экспертизы. Получен ответ о передаче письма в Прокуратуру УССР. В конце декабря Прокурор УССР устно сообщает о том, что Л. Плющ признан психически больным.

6. Февраль 1973 г. Письмо академику Снежневскому — председателю Комиссии судебно-психиатрической экспертизы. Ответ не получен.

7. 26/II — 73 г. Жалоба в кассационный Верховный суд УССР о замеченных нарушениях законности при судебном разбирательстве «дела» Л. Плюща Киевским областным судом. Ответ не получен.

8. Февраль 73 г. Еще одна жалоба в кассационный Верховный суд УССР о нарушении правил ведения следствия и судопроизводства. Ответ *не получен*.

9. Февраль 73 г. Письменное заявление-жалоба Председателю КГБ при Совете министров УССР о препятствиях, чинимых сотрудниками КГБ в предоставлении законного свидания. В ответ — беседа следователя КГБ Федосеенко (см. выше).

10. 2/III — 73 г. Письменное заявление Прокурору УССР на ту же тему. Ответа *не последовало*.

11. Заявление в Верховный суд УССР с просьбой о предоставлении свидания. В ответ *получено согласие на свидание*.

24/V начальник следственного изолятора вновь отказал в свидании.

12. Конец мая 73 г. Письмо тт. Брежневу, Подгорному, Косыгину с просьбой помочь Л. Плющу.

Из ЦК КПСС получено лишь уведомление о вручении.

В середине июня — открытка из Прокуратуры СССР, извещающая, что жалоба получена Прокуратурой, ответ будет дан позже.

13. Июнь 73 г. Письменное заявление Председателю КГБ УССР с просьбой предоставить свидание.

Ответ *не получен*.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Итак, суд 1-ой инстанции вынес определение поместить Л. И. Плюща в психиатрическую больницу-тюрьму.

Простой здравый смысл подсказывает, что вялотекущая шизофрения с незаметными для неспециалистов симптомами вряд ли, если она проявляется лишь в рассуждениях, представляет опасность для окружающих и общества в такой степени, что к страдающему ею больному следует применять самую строгую из имеющихся

принудительных мер медицинского характера, а именно — поместить его в психиатрическую больницу специального типа.

Возможно, этими соображениями руководствовался Верховный суд УССР, который при рассмотрении* «дела» Л. Плюща в кассационном порядке решил смягчить принудительную меру медицинского характера и вынес определение поместить Л. Плюща в психиатрическую больницу общего типа. «Больницы общего типа — это лечебные учреждения системы органов здравоохранения... Больные, направленные туда на принудительное лечение, помещаются в больничные отделения закрытого типа, в которых за больным осуществляется соответствующий медицинский надзор, предотвращающий возможность совершения побега или каких-либо действий, опасных для больного или для окружающих (Комм. п. 3 к ст. 59 УК РСФСР).

Однако Прокурор УССР, сочтя недостаточной такую степень изоляции «особо опасного сумасшедшего», опротестовал решение, и 26 апреля «дело» Л. Плюща было передано на рассмотрение Пленума Верховного суда УССР.

И что же?

15 июня Пленум Верховного суда УССР признал протест Прокурора УССР обоснованным и передал «дело» Леонида Плюща для повторного рассмотрения снова в Верховный суд УССР.

Поразительно! Неужели настолько опасен «бред сумасшедшего», что власти полтора года (!) не могут решить вопрос — как же с ним поступить?

ЭПИЛОГ

Гражданская деятельность Л. Плюща признана преступной. Его работы — антисоветскими и клеветническими. Его мозг — общественно опасным.

Заточение личности, отважившейся захотеть быть

*) Никаких сведений о процедуре этого рассмотрения мы не имеем.

свободной в несвободном обществе, в сумасшедший дом — не правда ли, своеобразное решение вопроса о взаимоотношениях личности и государства?

Человек лишен каких бы то ни было прав. Он вне законов, писанных и неписанных. Остаются только физические законы. Вес. Масса. Хрупкость. И мозг. Мозг, находящийся во власти тупых исполнителей, ни от чего и никем не защищенный.

Знаменателен ли итог?

Да.

Честный и глубокий ученый, живущий собственным умом и интуицией, пробирающийся к свету истины своей тропой, а не с помощью всунутого ему в руки идеологического компаса, да еще имевший неосторожность избрать полем деятельности общественную науку (историю, социологию, философию), в государстве тотальной идеологии неизбежно подвергается остракизму.

Добро бы как в древних Афинах!

Увы, в Мире Новом, Вечном и Совершенном, он оказывается не в ссылке, а в каторжном лагере или — как Леонид Плющ — в сумасшедшем доме.

Кстати, в этом последнем *невыборе*, в том, что Л. Плющ попал не в лагерь, а в желтый дом, есть своя логика.

Имя этой логики — *страх*.

Не сомневаюсь, что руководивший следствием Верховный Государственный Некто почувствовал в Леониде Плюще *мозговую* опасность. Заключение в лагерь, по его мнению, очевидно, этой опасности не снимало. Ведь там Плющ мог бы общаться с *нормальными людьми* и иметь друзей. Кроме того, даже самый долгий по нынешним временам политический тюремный срок — конечен. Сумасшедший же дом надежен, бессрочен, молчалив. В нынешних условиях не надо даже прибегать к смирительной рубашке — нескольких инъекций какого-нибудь нейролептика достаточно, чтобы «выправить» любой мятежный мозг, т. е. окутать его безразличием и тишиной.

НАКАЗАНИЕ БЕЗУМИЕМ! Злодеяние, равных которому нет на земле.

Что это за государство, в какое время оно существует и за какое преступление оно может приговорить своего гражданина к наказанию, по сравнению с которым даже гитлеровская душегубка, как отметил А. Солженицын, была «гуманнее», потому что убивала сразу?

Дело происходит в стране, именующей себя Союзом Советских Социалистических Республик. Время действия — 1973 год. Преступление — дерзость иметь собственную точку зрения и высказывать ее.

Мир безмолвия и желтой тьмы, поглотивший Леонида Плюща, продолжает грозить нашей мысли.

Кто следующий?

До каких пор?

Июнь 1973 г.

(Т. Ходорович)

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Л. ПЛЮЩА

В редакцию газеты «Комсомольская правда»

Передо мной номер вашей газеты от 28 февраля сего года и письмо-протест матери Александра Гинзбурга против клеветнической, по её словам, статьи в этой газете за 18 января 1968 года. В который раз встречается подцензурная печать с её «собачьим вилянием» (слова Маркса) и бесцензурный — «самиздат». И встает проблема — кому верить? Непосредственную проверку произвести трудно — кто же допустит к материалам суда над Гинзбургом и Галансковым? Остается одно — опосредствованная проверка. Попытаюсь объяснить вам, почему я не верю официозу в данном вопросе.

Аргумент 1

Наша пресса не внушает никакого доверия с очень давних пор. Шумные трескучие статьи о «врагах народа» и последующие скромные статейки о «невинно пострадавших героях революции и гражданской войны»; барабанный бой о расцвете села и стыдливое упоминание о миллионах крестьян, умерших в дни ИСКУССТВЕННОГО ГОЛОДА 30-х гг. на Украине (так, во всяком случае, расценивал эти события герой революции и гражданской войны адмирал Федор Раскольников); портреты «агента гестапо» Тито и почти незаметное извинение перед югославской компартией; травля Пастернака, ускорившая смерть поэта; бешеная свистопляска во времена очередного похода на культуру — 1963 г.; славословия «нашему дорогому» очередному временщику Н. С. Хрущеву и микродозы ядовитых намеков-уколов волонтеристу, невежде и проч.; ложь об «антисемите» Синявском, якобы ненавидящем даже Чехова (я читал «Графоманы» и НЕПОСРЕДСТВЕННО убедился в лживости поклёпов на автора); зловонная фальшивка в журнале «Перец» против одного из самых

лучших украинских критиков Дзюбы. Даже верные мысли наша пресса облекает в столь недостойную форму, что начинаешь сомневаться и в них (пример — «односторонняя полемика» со Стейнбеком). Перечень разоблачённой и еще не разоблачённой лжи нашей прессы льется потоком — тут и славословия тиранам и холоум, и грязь, выливаемая на наших лучших людей, и фальсификация истории (пример — «чудотворное» превращение Б. Хмельницкого из предателя украинского народа — смотрите Большую Энциклопедию довоенного издания — в героя этого же народа) и т. п. Этот поток лжи, зародившийся в конце 20-х гг., никогда не исчезал полностью. Даже во времена оттепели — от XX до XXII съездов с небольшим, когда Хрущев пытался балансировать на полуправде.

Противостоит этому потоку «самиздат».

Есть ли основания доверять письму матери Гинзбурга, «Обращению к мировому общественному мнению» Л. Богораз и П. Литвинова, «Обращению к деятелям науки, культуры и искусства» Габая, Кима и Якира? (Якира — сына знаменитого командарма, замученного в сталинских застенках и оклеветанного всё той же печатью).

На мой взгляд, есть.

Или они тоже «недостаточно осведомлены» и «дезинформированы буржуазной пропагандой»? Или подкуплены НТС, ЦРУ, Би-Би-Си и «Голосом Америки»? Надеюсь, вы не докатились до такого абсурда.

Если бы они лгали, то КГБ и его филиалы с удовольствием возбудили бы против них дело о клевете — для этого даже не надо вводить исключительных законов по типу печальной ст. 190 УК РСФСР. Да и не покупается мужество.

Аргумент 2

Если бы суд над Гинзбургом и его друзьями был законным, то не побоялись бы сделать его открытым. Овчаренко, правда, заявляет, что там присутствовали «представители предприятий и организаций, к которым в разное время имели отношение подсудимые». Но Лит-

винов и Якир утверждают, что это были клакеры. И я верю им, а не Овчаренко, так как собственными глазами видел аналогичный процесс над так наз. «украинскими националистами» в 1965 г. и слушал фантастически нелепые объяснения «открыто-закрытому» характеру суда от судебных чинов.

Если бы суд был законным, то «Комсомольская правда» напечатала бы письмо матери Гинзбурга и публично, с фактами налицо, с фактами, заверенными тем же Якиром или Литвиновым (не посмеют же они отрицать факты в виде протоколов обысков, протоколов суда, о которых пишет Л. И. Гинзбург), доказала бы неправоту её письма.

Но — увы! — прошли те времена, когда большевики гордо произносили: «Мы не боимся правды, так как она работает на нас!» Их побочные потомки (прямые уничтожены в сталинских застенках Берией), термидорианцы Октября, боятся правды. Самое большое, на что они способны, — это надёрганные и урезанные цитаты, произвольно скомпонованные.

А ведь только правдой можно было бы убедить и наше, и мировое общественное мнение, что суд был законен и справедлив. Ведь прошли времена наивного Фейхтвангера, который умудрился, присутствуя на процессе Радека, Пятакова, Сокольникова и др. поверить этой комедии (он до конца жизни не мог простить себе этого).

Аргумент 3

Лживость статьи видна и невооруженным прошлым опытом глазом. Газета утверждает, что Гинзбург и Галансков — «платные агенты НТС», что они соблюдали «глухую конспирацию», как и положено агентам антисоветской организации. И эта же газета в этой же статье пишет о том, что их «творения» выходили за рубежом ПОД ИХ ЖЕ ФАМИЛИЯМИ. А конспирация? Да мыслимо ли это? Хотя бы врать научились за 40 лет термидора!

Овчаренко не решился среди фамилий «клянувших

на приманку» буржуазной пропаганды назвать фамилии подписавших «телеграмму пятнадцати», направленную Литвинову и Богораз-Даниэль, — Бертрана Рассела, после смерти Ромэна Роллана олицетворяющего совесть Европы, *Игоря Стравинского*, Пристли и других, но не побоялся извратить последнее слово Ю. Галанскова — его слова об отсутствии у него желания прославиться.

Один только раз Овчаренко, кажется, сказал правду: «Советским читателям эти имена абсолютно ничего не говорят». Да, так же, как несколько лет тому назад молодым читателям ничего не говорила фамилия Булгакова, как до сих пор ничего не говорит фамилия Иванова-Разумника и многие другие фамилии. Мне жаль тех читателей, которые не знают, что на Руси живёт и творит великий русский писатель Солженицын, автор романов «Раковый корпус» и «В круге первом» и пьес «Свеча на ветру», «Олень и шалашовка». Мне жаль тех, кто подписал письма, напечатанные в «Комсомольской правде» от 28 февраля с. г. Они ведь так ничего и не поняли. Может, им будет стыдно впоследствии, как стыдно сейчас тем, кто шагал в многотысячных толпах и «гневно» требовал смерти соратникам Ленина. Ведь не все же они черносотенцы; скорее это потомки той старушки, которая подложила дровишек в костёр Яна Гуса. Дай Бог, чтобы они излечились от этой «святой простоты». Тогда не будет и костров...

Мне жаль тех, кто не знает и не хочет знать, что происходило и происходит на их Родине. Раскольников в своем письме к Сталину писал, что народ будет судить его за все, что он сделал с нашей революцией. Я надеюсь, что это время придет, когда будут судить и Сталина, и его лакеев по законам нашей страны, не попирая их. Так же, как и исказителей истины, как и вас, редакция «Комсомольской правды», будут судить по законам чести. По этому закону вы уже заслужили презрение всех порядочных людей, как лакеи и лжесвидетели нашего времени.

Плющ Л. И.

(Март 1968, Киев)

математик, инженер

ОЧЕРК Л. ПЛЮЩА

ЭТИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА

1. Заяц предупредил Медвежонок, что идти к речке опасно — можно встретиться с Тем, кто в реке живет. И вот, когда Медвежонок заглянул в воду, то на самом деле увидел Того, кто живет в реке.

Он испугался, но виду не подал, а скорчил Тому, кто живет в реке, страшную рожу. Тот, однако, тоже скорчил страшную рожу.

Еще больше испугавшись, Медвежонок погрозил Тому лапой, но Тот опять ответил ему тем же.

Медвежонок нашел выход, воспользовавшись советом старого Ежа: он улыбнулся Тому, кто в речке живет, а Тот ответил Медвежонок доброй, приветливой улыбкой.

Эта сказка-притча удивительно точно передает схему развития отношений между человеком и его средой, как природной, так и социальной.

Страх «Я» перед Другим ведет к враждебным действиям против Другого, который отвечает на них тем же, что в свою очередь вызывает враждебность «Я» к Другому, а это, естественно, усиливает враждебность Другого к «Я».

И не будет этому процессу ни конца, ни краю — пока «Я» не поймет, наконец, что Другой не сводится к простому «не-Я» и что в некоторой степени Он — это «Я», а потому удары Другого по Мне — это следы моих ударов по Другому.

Более того — без «Другого» «Я» перестанет быть реальностью и превращается в абстракцию — оно теряет не только свою форму конкретного «Я», но и смысл *определенного* «Я».

Опираясь на понятие «установки» современная психология дает возможность уточнить эти старые истины.

2. Установкой называют «Предрасположение, определенную предуготовленность организма при поведен-

ческих актах», готовность встретить при взаимодействии со средой определенные свойства среды, определенное «поведение» среды — ожидание *определенной действительности*.

Поведение индивида определяется не только и даже не столько непосредственным воздействием среды, сколько установкой индивида по отношению к среде и направленностью различия между этой установкой и действительностью.

Узнадзе* и его школа показали, что установка призывает всю деятельность субъекта, определяя характер и направленность моделирования действительности, а также реакцию на эту действительность.

Не меньшее значение имеет установка в социальной психологии, во многом определяя характер взаимоотношений между личностью и группой, а также между групповыми субъектами (социальная группа, класс, нация и пр.), воздействуя на содержание и развитие общественного сознания, в частности, на возникновение и закрепление мифов и предрассудков (см., напр., И. Кон «Психология предрассудка», «Новый мир», № 9, 1966).

3. Религиозная мораль является отражением *уже существующих* отношений между людьми, фиксируя и освящая эти отношения в идеализированном виде, выделяя в них общезначимое.

Но будучи *фантастическим* и идеализированным отражением настоящего, религия дает человеческому обществу установки, выходящие за пределы прошлого и настоящего, установки, играющие роль духовных строительных лесов будущего и воздействующие на направление общественного развития, осуществляя тем самым обратную связь во взаимодействии «общественное бытие — общественное сознание».

Примером такой установки во всех мировых религиях может служить установка Добра.

*) Дмитрий Николаевич Узнадзе, 1886-1950, основатель психологич. школы в Грузии, автор психологич. теории установки (см. МСЭ, изд. 3, т. 9).

Формула зоологической справедливости «Око за око, зуб за зуб», выражающая правовое требование варварских племен, получила свое нравственное развитие в заветах иудаизма «Не делай ближнему того, чего не желаешь себе» и возвысилась до Нового завета Христа, благовествовавшего и поныне не сбывшееся будущее: «А Я говорю вам: любите ближнего . . .»

Утопизм, непомерность моральных требований религии, несоответствие их действительности влекут за собой дьявольскую чистоту и «совершенство» первых инквизиторов, религиозное ханжество церкви и, в конце концов, как реакцию на предыдущее — нигилистический аморализм вульгарного атеизма.

Однако призыв Христа был слышен даже во времена походов к Гробу Господню и дьяволиады Церкви-Антихриста, и как цель, идеал его можно услышать в атеистической морали.

И как идеал он оказывает воздействие на будущее и настоящее, являясь «сердцем бессердечного мира» (Маркс).

Вульгарный атеизм, т. е. зряшное отрицание религии, видит в религии только утопию и ее социальную функцию «опиума», ослабляющего страдания, а потому и недовольство человека общественным строем.

Задача же состоит в том, чтобы сохранить все духовные ценности религии, опираясь на такие социальные условия, при которых исчезнет необходимость духовного «обезболивания», при которых сами страдания будут иметь человеческий характер и представлять некую духовную ценность, а не являться результатом механического воздействия социальной или природной среды.

Существующие организации общества противопоказаны последователям Христа — если и выживают *одиночки* этого типа людей, то лишь как юродивые, Дон-Кихоты или Мышкины (русская народная сказка отдает им дань в образе Иванушки-дурачка). Победа к ним приходит лишь поражением, когда их идеалы стано-

вятся мертвой оболочкой, скрывающей все то, с чем они боролись.

Коммунисты ушли причину поражения христианства и средством достижения Добра избрали не личное самосовершенствование (в существующих условиях это доступно лишь небольшой кучке людей, и выживают они только потому, что совсем без них общество само не выживет), а создание такой организации общества, при которой установка Христа не вела бы к гибели своего носителя, при которой тип человека, условно названный Дон-Кихотом или Христом, стал бы выживаемым и любовь к ближнему не была бы непрерывным подвигом восхождения на Голгофу.

Первые попытки создать такое общество кончились неудачей, *повторив* победу-поражение Христа — идеи трансформировались в идола, в жертву которому были принесены носители этой идеи (как, впрочем: и всех других — идола не терпят никаких идей, т. к. идея разоблачает идола в том, что он мертв и существует лишь кровью живых людей).

Одной из духовных причин этой неудачи была слабость доброй установки, преобладание ненависти к Злу над любовью к Добру — «Длительная борьба за справедливость поглощает любовь, породившую ее» (Камю).

Видимо, борьба за переустройство общества должна сопровождаться борьбой за переустройство личностью себя, коммунистическая революция — христианской (т. е. социальной — нравственной). Христианской по своей доброй установке к Другому.

Смысл доброй установки состоит отнюдь не в том, чтобы любить Другого, не взирая ни на что. Зло не заслуживает любви, его должно ненавидеть. Только Христу — идеальному человеку дано любить распинающих его. Но желать возвыситься до Христа дано каждому.

Добрая установка состоит в том, чтобы в Другом искать союзника, сочеловека, этот поиск означает

прежде всего раскрытие в себе Другому тех граней, которые ему нужны как сочеловеку.

Это увеличивает *вероятность* найти и проявить для себя в нем союзника. Только вероятность, так как поведение Другого определяется не только нами. Другой сам находится в некоторой среде, и «Я» для него — лишь один из элементов этой среды. Чтобы найти оптимальную форму общения с Другим, необходима модель Другого и его среды, т. е. модель Моей среды, модель, достаточно точно отражающая реальность. Установка на Добро не должна подменить реальность розовым мифом, не должна мешать познанию.

Модель среды строится на фактах. Фактов всегда недостаточно для создания модели, которая поэтому достраивается с помощью некоторых логических, этических и эстетических принципов (можно поэтому говорить о логических, этических и эстетических установках).

Одни и те же факты обычно истолковываются как гуманистически, так и антигуманистически. Следовательно, истина сама по себе не отрицает Добра. Стремление же к Добру может стать препятствием на пути познания Истины, а значит и на пути к достижению реального Добра, если носители Добра трусливы, если они боятся фактов. Однако помехи, которые вносят нравственные установки в процесс познания, не заложены в этих установках.

Правда-справедливость может указать путь поисков правды-истины, не искажая истины. При выборе между «тьмой низких истин» и «возвышающим обманом» мы отдаем все же предпочтение «истинам», но с *тенденцией* в сторону «возвышающих» нас истин, стремясь выйти за пределы этой суровой дилеммы. Это предпочтение можно определить как примат «установки на истину», который в плоскости этики означает примат реальной справедливости над справедливостью, отчужденной от реальности в область мифа — над мифической справедливостью.

Этим однако не исчерпывается проблема взаимоотно-

пений этики и гносеологии. Возможно такое воздействие этической установки на познание, когда модель действительности, формально искажаясь под воздействием установки, по сути отражает действительность глубже, вскрывая в ней такие возможности, которые первоначально казались несущественными, недействительными. Примером может служить «возрастной парадокс» — неопытная молодость ставит несбыточные с точки зрения мудрой старости цели, и бывают случаи, когда она достигает их. Это объясняется спецификой человеческого познания. Субъект, познающий среду, изменяет ее в самом акте познания. Поэтому установки, лежащие в основе его познания, могут воздействовать на среду, вскрывая в ней новые возможности и пути их осуществления.

Таким образом, даже утопизм этической установки в известных пределах может воздействовать на среду в сторону Добра — в нас возвышающем обмане таятся зародыши будущих истин.

4. Примеры этических установок.

а) Установка на мотивы Другого.

Если Другой совершил действие, которое нам неприятно, то наша реакция зависит не столько от самого действия, сколько от установки на оценку как результатов действия, так и мотивов Другого. Если установка не добрая, то отрицательные для нас последствия этого действия будут преувеличены, а мотивы действия будут предположены отрицательными. Существует даже категория людей, обладающих пороком, который условно можно назвать «подлостью мышления». Люди с подлым мышлением замечают и запоминают преимущественно отрицательные поступки их ближних, а столкнувшись с Добром, объясняют его корыстными, подлыми мотивами. Специфическим случаем подлого мышления является антисемитское мышление (более обще — расистское) — мышление, базирующееся на подсознательной

или сознательной аксиоме-установке: «Все зло в мире от евреев (негров, желтых и т. д.)».

В советской литературе яркими плодами такого мышления являются произведения Шевцова и Кочетова (мы не говорим об идейной позиции этих литераторов — Бенюх и Сурков почти столь же реакционны, но их произведения лишены патологического смакования подлости, которым отличаются кочетовы).

Реакция на отрицательную установку, естественно, бывает только отрицательная, что как бы подтверждает исходную установку, усиливая ее. Это явление есть частный случай более общего правила: *установка воздействует (если воздействует) на действительность в основном в сторону приближения действительности к установке.*

Отклонения от этого правила, видимо, объясняются внешними по отношению к системе «Я — среда» причинами — на поведение среды воздействуем не только мы. Обращаясь к Добру в Другом, я провоцирую в нем доброе, обращаясь к злему в Другом, я провоцирую как в нем, так и в себе злое.

Следовательно, как по нравственным, так и по чисто прагматическим соображениям, достойнее и даже выгоднее следующая схема анализа мотивов Другого — вначале принимается гипотеза добрых мотивов, и лишь только после того как опыт опровергает ее, имеет смысл обратиться к гипотезе злых мотивов: «И не воображайте, что Ваш поступок заставит нас в будущем отказывать в помощи людям, которые в ней будут нуждаться» (П. Г. Григоренко).

Действительность, однако, сложна и возможны ситуации, когда «добрая гипотеза» слишком рискованна. В этих ситуациях действительность требует прежде всего предусмотреть злые мотивы и предпринять соответствующие контрмеры. Добрая установка при этом состоит в том, чтобы контрмеры носили предупредительный характер, не вызывая злых эмоций к предполагаемому носителю зла.

б) Установка во внутривластической борьбе.

История революционных движений показывает как быстро соратники становятся врагами друг другу. И не только объективные условия повинны в этом.

Постоянное нервное напряжение, ненормальные условия жизни, неестественное переплетение личного и общественного приводят к тому, что в острой фракционной борьбе приобретают важную роль личные дразги, симпатии и антипатии — особенно это заметно в эмиграции, в ссылке, в периоды временного затишья или поражения, когда личные отношения выходят на первый план и объективный кризис движения приобретает черты личных междоусобиц. У наиболее самоотверженных и зачастую авторитетных революционеров основной причиной разногласий является фанатическое служение принципу, которое рождает установку на *различие*, доводящую малейшее разногласие до его логического завершения, превращая его в *принципиальное* разногласие. И борьба зачастую идет не из-за действительного разногласия, а из-за будущего разногласия, в которое *может* вылиться нынешнее.

В конечном итоге революция захлебывается в крови лучших представителей всех революционных течений, а победа достается внефракционному «болоту» во главе с Бонапартом.

Хотя бы этот урок стоит извлечь из истории предыдущих революций.

Это особенно важно сейчас, когда будущее вряд ли сможет исправить кровавые результаты взаимной резни между оттенками прогрессивных движений.

Поэтому установкой демократического движения в СССР должна стать установка на синтез, на союзы. Естественно, не ценой уступок в принципах гуманизма, свободы и демократии. Синтез не есть мешанина «всякой всячины», синтез подразумевает спектр различных, четко отраженных течений, объединенных единой демократической основой. Это нужно и возможно в частности потому, что все мы — советские реформисты, мы за

эволюцию нашей страны, а не за вооруженную борьбу, которая в современных условиях в странах-гигантах обречена на провал и может лишь спровоцировать ядерную катастрофу.

Важнейшим условием союза со стороны марксистов, атеистов и русских является понимание ими фактического неравенства представителей других течений и наций с ними. Чувство «вины» — пусть невольной и даже «нереальной» за свою близость к сталинщине, близость формальную, понимание своих «преимуществ» перед другими представителями демократии должны помочь преодолеть им шаблон формального равенства отношений и требований друг к другу.

Мы, коммунисты, социальные демократы, должны не только искать и поддерживать у политических демократов, борющихся за политические права, религиозных демократов, борющихся за свободу мировоззрения, у национальной демократии — патриотов, не только то, что общее у нас с ними, но и стремиться понять их правду, *устроить и присвоить* ее, т. е. сделать ее своей правдой, развить ее до уровня нашей правды, если их правда односторонняя. Борьба с их идеологией, как идеологией *частичного*, одностороннего гуманизма должна вестись прежде всего с позиций их правды.

Мы преодолеем их частичность, преодолев свою, преодолевая свою неполноту, мы привлечем на свою сторону все близкое нам, отталкивая от наших союзников реакционное крыло национальной, религиозной и политической демократии, усвоив тем самым естественный процесс внутренней дифференциации как их, так и нашего течения.

Если русский демократ, столкнувшись с проявлением украинского шовинизма, отвернется от национальной проблемы украинцев и даже более того — станет рассматривать все украинское движение как реакционное, — он усилит шовинистическое крыло украинского движения и будет способствовать сближению шовинистов и патриотов между собой.

Если наши потенциальные союзники не желают идти вместе с нами, то это не дает нам нравственного права отворачиваться от их проблем — мы должны их дело сделать своим, хотя бы они этого или нет.

Мы рассматривали установку по отношению к союзникам. К враждебным движениям установка естественно иная. Она состоит в стремлении к четкому идейно-политическому размежеванию с ними, в раскрытии их антигуманной и реакционной сущности, если, как это обычно бывает, эта сущность скрывается за частичным демократизмом.

С этих позиций политическим ляпсусом, видимо, выглядит подпись Солоухина под письмом в защиту Солженицына — и не только потому, что Солоухин принимал участие в травле Пастернака.

Однако, пожалуй, еще более важной является установка на понимание врага. Ведь антигуманизм вырастает на реальном грунте и питается той же действительностью, что и гуманизм. Необходимо поэтому не только разоблачать антигуманизм тех или иных реакционных течений, но и вскрывать глубинные причины возникновения антигуманизма, т. е. понять его «правду» и раскрыть эту «правду» в нашу правду, лишив тем самым врага его источников.

Ярким примером антигуманизма может служить антисемитизм. Энгельс определил антисемитизм как «социализм для дураков». И не случайно гитлеровцы называли себя национал-социалистами. Фашисты подхватили слепой национальный и социальный протест и направили его против мнимого врага. К сожалению, Коминтерн игнорировал «социализм» фашистов, подменяя теоретический анализ общими фразами и столь общими лозунгами, что в конце концов смешал фашизм с социал-демократией и расколол рабочий класс, что с необходимостью привело к «дружбе и миру» с фашизмом.

То же происходит сейчас с маоизмом — анализ врага подменяется всевозможными ругательствами, что тоже

может привести или к войне с Китаем или к «миру и дружбе» с Мао. Трудно при этом сказать, что хуже.

в) Установка в международных отношениях.

В международном плане наше движение исходит из того, что сохранение мира — основная цель той внешней политики, последовательного проведения которой мы требуем и будем требовать от своего правительства.

Основой мирной установки является установка на доверие между странами-гигантами. Если международная политика СССР будет строиться в расчете на силы мира в США, то мы укрепим позиции этих сил. Если же СССР каждое предложение США будет расценивать как провокацию, то мы вынудим народ США голосовать за милитаризм, т. к. чего бы ни добились силы мира, это не даст никаких плодов — все разбивается о наше принципиальное недоверие. Примером может служить отказ от взаимной инспекции как основы для всеобщего разоружения из страха перед «шпионажем» (если разоружаемся, то чем же угрожает взаимный шпионаж?).

Установка на взаимное доверие означает постоянные практические свидетельства о миролюбии и доверии, и лишь эти свидетельства будут приводить к росту сил мира в других странах.

Даже половинчатая мирная установка Хрущева существенно улучшила международные отношения. Война во Вьетнаме не могла не вызвать усиления экстремистских группировок в обоих блоках. То же можно сказать о вторжении в Чехословакию. Дело д-ра Спока и Кинга заведомо проиграно, если мы и в дальнейшем собираемся решать внешнеполитические проблемы методом августа 1968.

Мы должны, наконец, понять, что усиление реакции у нас автоматически вызывает антидемократизм у них — так же как сталинизация СССР способствовала в свое время гитлеризации Германии. Военная истерия у них поднимает наш «военный патриотизм».

В международных отношениях особое место занимают страны с экстремистским правительством. В том лагере

— фашизоидные режимы, в нашем — мао-сталинистские. Дружба, взаимопомощь и союз с ними не мыслимы (скорее возможна дружба между ними, несмотря на различия в социальной базе). Если одна из них достаточно окрепнет, война неизбежна. Выход один — демократизация стран-гигантов, действительно бескорыстная и большая разумная помощь слаборазвитым странам (тоталитаризм возникает из отчаяния!), союз на основе международных, открытых и равноправных договоров между антимаофашистскими странами, союз, который может сдержать агрессора и помочь населению агрессивных стран выйти из тупика, в который их загнала история.

Разумной помощью слаборазвитым странам была бы анонимная помощь (через международные организации), помощь в просвещении, здравоохранении, создании мирной промышленности и поднятии производительности сельского хозяйства, помощь, регулируемая и контролируемая ООН таким образом, чтобы она приводила к демократизации и цивилизации этих стран. Сейчас же эта помощь чаще идет на вооружение временного союзника, на подрыв акций соперников в данной стране. И они, и мы помогаем, не взирая на то, что нередко усиливаем власть диктаторов и хунт.

г) Установка пессимизма и оптимизма.

Крайняя оптимистическая установка при оценке действительности выражена формулой Панглоса: «Все идет к лучшему в этом лучшем из миров». Такого рода оптимизм позволяет человеку пребывать в свинском довольстве собой и окружающей средой. Оптимисты такого рода являются опорой любого строя — они не видят ни страданий ближнего, ни ядерной бомбы над собой, ни майданеков с концлагерями Сибири. Опасность такой позиции в наше время достаточно очевидна.

Крайняя пессимистическая установка получается из формулы Панглоса простой заменой слова «лучший» на «худший». Эта точка зрения, пожалуй, более обоснована фактами, но несмотря на полную противоположность

оптимизму «непуганных дураков» ведет к той же жизненной практике — бездействию и нежеланию борьбы со злом. Поэтому крайние пессимисты в массе своей также становятся опорой существующего, создавая при этом иллюзию протеста.

Можно еще раз повторить — да, ближе к реальности пессимизм — мир катится к гибели и не видно просвета.

Но ведь установка на плохой результат только увеличивает вероятность его.

Гибели можно избежать (если это вообще возможно!) лишь при хорошо открытых глазах, ищущих выход из тупика.

Борьба за выход из тупика возможна только при наличии веры в то, что выход есть.

Пока нет уверенности в наличии выхода, наш оптимизм может покоиться на следующем: вся эта абсурдная, трагикомическая предыстория подходит к концу. Мы подошли к отрицанию предыстории, отрицанию прямому или диалектическому. Мы добьемся хорошего будущего, или будущего вообще не будет. *Плохого* будущего, т. е. продолжения грязной и кровавой *политической* истории не будет.

На этом базируется оптимизм, который можно назвать пессимистическим оптимизмом, пессимистическим потому, что конструктивного оптимизма пока не видно. Установка этого оптимизма — установка на поиски шансов спасти мир, т. е. создать общество, дающее возможность человеку стать человеком.

На наш взгляд другой достойной человека точкой зрения является героический пессимизм — шансов на человеческое продолжение истории нет, но из уважения или любви к себе я «заявляю своеволие» — не хочу быть дерьмом и буду защищать свои человеческие ценности даже в том случае, если останусь один.

К сожалению, такая точка зрения годится лишь для одиночек, но не может стать опорой для массовой политической борьбы.

1970 г.

О СОСТАВИТЕЛЕ ЭТОГО СБОРНИКА

Автор предлагаемого сборника, Татьяна Сергеевна Ходорович, — участник Инициативной группы защиты прав человека в СССР. В составе Инициативной группы она подписала много писем, обращений, заявлений в ООН и в другие Международные организации.

Лингвист-русист по профессии, Т. С. Ходорович 18 лет проработала в Институте русского языка Академии наук СССР в должности научного сотрудника. Занималась в Институте, главным образом, исследованиями в области русской диалектологии. Автор целого ряда лингвистических карт и сопроводительных статей к ним, Т. С. Ходорович интересовалась и вопросами преподавания русского языка в школе. Она участвовала в составлении новой «Программы по русскому языку»* для средней школы.

Вот как характеризовали её работу дирекция и общественные организации Института русского языка записями в её трудовой книжке:

№	год	м-ц	число	Поощрения и награждения
1	1957	VIII	16	Институт языкознания АН СССР за хорошую работу, проведенную по корректуре карт атласа русских народных говоров, премирована — 400 р.
2	1958	V	24	Премирована — 900 р.
3	1961	XII	22	За отличную производственную работу премирована в размере — 105 р.
4	1964	XI	10	За большую работу в Орфографической комиссии, активное участие в подготовке предложений по усовершенствованию рус-

*) «Программа» пока не является действующей.

				ской орфографии объявлена благодарность.
5	1967	X	30	В связи с 50-летием Вел. Окт. Соц. революции за плодотворную научно-исследовательскую работу объявлена благодарность.

В мае 1971 г. она была уволена из Института русского языка с формулировкой «в связи с истечением срока работы, установленной законодательством о конкурсах», на самом же деле за то, что, как заявил на заседании Ученого Совета директор Института, член-корр. АН СССР Ф. П. Филин, «взгляды Т. С. Ходорович несоместимы со званием научного сотрудника Академического института».

На иждивении Т. С. Ходорович в то время было трое детей.

После увольнения устроиться по специальности ей не удалось. Правда, некоторое время она работала мл. научн. сотр. в одной технической организации; затем — во Всесоюзной Книжной палате, откуда через месяц она была уволена всё за те же «взгляды». На короткое время ей удалось устроиться натурщицей в Художественный институт им. Сурикова (Т. Ходорович — внучатая племянница художника Мих. Врубеля). Далее — ей везде отказывали. Когда последняя попытка — устроиться секретарем к слепоглухонемой пожилой женщине, ст. научн. сотр. Института Дефектологии АПН — потерпела фиаско, Т. С. Ходорович поставила крест на своей трудовой деятельности. Кормить её стали подростки.

В мае 1974 г. Т. Ходорович, совместно с Т. Великановой и С. Ковалевым, открыто передала иностранным журналистам номера 28-30 «Хроники текущих событий», возобновившей свое издание после перерыва полутора лет.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

3

Часть 1. ПИСЬМА ЛЕОНИДА ПЛЮЩА ИЗ ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ТЮРЬМЫ . . .	7
(жене — письма №№ 1, 3-7, 17, 18, 20, 23)	
(жене и сыновьям — №№ 2а, 10, 12)	
(сыну Лесику — 7а, 8, 19 (письма от Ле- сика — № 16)	
(сыну Диме — №№ 9, 11, 15)	
(Т. С. Ходорович — № 2)	
(Виктору — № 13)	
(Томе и Саше — № 14)	
(Юлии Александровне — №№ 21, 22)	

Часть 2. ДИАГНОСТИКА И ЛЕЧЕНИЕ	87
гл. 1. Постановка диагноза в медико- юридическом аспекте	87
гл. 2. Лечебные учреждения специально- го типа	92
гл. 3. «Здесь страшно, здесь так страшно»	94
гл. 4. Палата № 9	101

Часть 3. ДРУЗЬЯ О Л. ПЛЮЩЕ	107
---	------------

Часть 4. «ОНИ ГРОЗИЛИ СТРАШНЫМИ КАЗНЯМИ ВСЯКОМУ, КТО ПОСМЕЕТ ОТКРЫТЬ ПРАВДУ»	113
---	------------

ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. Письмо Житниковой Снежневскому	124
2. Письмо Житниковой Тимакову . . .	128

207

3. Письмо Житниковой советским руководителям	129
4. Заявление Житниковой в Верховный Суд УССР	134
4. Заявление Председателю Верховного Суда УССР С. Борщевского, А. Верхмана, В. Ювченко, А. Фельдмана . .	139
6. Заявление Т. Житниковой Прокурору УССР	148
7. Заявление А. Плющ Прокурору УССР	150
8. Протокол обыска на квартире у Т. Житниковой	152
9. Заявление Т. Житниковой начальнику управления ИТУ	155

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. Обращение в защиту Л. Плюща Е. Боннэр, Т. Великановой, С. Ковалёва, А. Сахарова, А. Твердохлебова, Т. Ходорович	157
2. Обращение Т. Ходорович	159
2а. Наказание безумием:	
учёный и государство	160
следствие, правосудие, психиатрия . .	166
приложение (письма, жалобы, заявления родственников и друзей Л. Плюща)	182
продолжение следует	183
эпилог	184
3. Открытое письмо Л. Плюща в редакцию газеты «Комсомольская правда»	187
4. Очерк Л. Плюща: «ЭТИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА»	191

О СОСТАВИТЕЛЕ ЭТОГО СБОРНИКА	204
--	-----